HD715
.L28

K-1532

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HD715
.L 28

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUL 13 1986			
	AUG 22 '86		
Form No. 513			

333
Л. 25
21724.
ПРОВЕР.
HD 715
.L28

Ю. ЛАРИН

ЭКОНОМИКА ДОСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

ЗАВЬЯЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 62268. Гиз № 16334. Тираж 5.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская улица, 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Часть первая

Эпоха низких мировых цен. . . . . . 7—78

Русское земледелие и крестьянский вопрос к началу XX века 7

Часть вторая

Эпоха высоких мировых цен. . . . . . 79—193

1. О влиянии высоких цен на сравнительную доходность хозяйств . . . 79
2. Доходность хозяйства и развитие арендных отношений 88
3. Приток средств и перспективы земледелия 102
4. Устойчивость крупного, среднего и мелкого крестьянства 119
5. Эксплоатация наемного труда в земледелии 139
6. К вопросу о роли кооперации в русской деревне 150
7. Мобилизация земли и развитие хозяйства 158
9. Подъем земледелия и политический раскол среди помещиков 181

Часть третья

Аграрная революция 1917—1920 годов . . . . . 194—215

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка делится на три части.

Первая часть обнимает собой преимущественно период 1877—1897 гг., т.-е. русское земледелие в эпоху низких мировых цен на хлеб. Эта часть является перепечаткой брошюры, изданной летом 1906 г. и просмотренной для нового издания вскоре после Февральской революции 1917 г. (потому в ней местами встречаются более поздние цифры и включены вкратце некоторые выводы из работ автора после 1906 г.). По существу, она является научно-популярной сводкой того материала, который собран и освещен в исследованиях по русскому земледелию эпохи низких цен—и прежде всего в классической работе Вл. Ильича «Развитие капитализма в России» (1899 г.).

Вторая часть—собрание самостоятельных работ автора, посвященных периоду высоких цен (двадцатилетие, начавшееся, примерно, с 1897 г.) и печатавшихся в различных подцензурных изданиях, начиная с 1909 по 1914 г. («Агрономический журнал», «Жизнь», «Южно-русская сель.-хоз. газета», «Возрождение», «Борьба»). Период высоких цен почти не был освещен в марксистской литературе до революции, да и сейчас разработка его только начинается (недавно вышли книжки т. Дубровского о «Столыпинской реформе», т. Батуринского о «Крестьянском банке» и др.). Между тем, ознакомление с фактами и тенденциями именно этого двадцатилетия вносит ряд существенных изменений в традиционные представления о дореволюционном русском земледелии. Как книга Ленина, так и появившиеся в тот же период работы Маслова, Черненкова, Суханова и других, по самому времени своего появления могли оперировать почти только с данными периода низких цен, задерживавшего капиталистическое развитие и классовое расслоение нашей деревни.. Во второй части этой книжки, построенной на непосредственном изучении земских статистических сборников, читатель увидит, насколько энергично в период высоких цен осуществлялись тенденции, большею частью намеченные и предуказанные Лениным уже в его упомянутой работе, но сравнительно слабо осуществлявшиеся еще в исследованный им период,—а частью вновь обозначившиеся.

Вся группа работ, собранных из довоенных журналов во второй части, дает в совокупности достаточно определенную картину энергичного буржуазного развития русского земледелия в XX веке. Сравнительная слабость его в 1905 г. и сравнительная сила к 1917 г., без сомнения, сыграли определенную роль в неудаче революции 1905 г. и в успехе революции 1917 года. Для наших молодых исследователей вообще было бы благодарной задачей пересмотреть политическую историю и ход общественной борьбы в России за последнее полустолетие под углом зрения отраженного влияния на наше хозяйство изменений в хозяйстве европейском и мировом. Тогда, может быть, оказалось бы, что народническое движение семидесятых годов XIX века разбилось о постройку в то время иностранным капиталом сети основных железных дорог, связывавших тогдашние хлебные центры с заграничным рынком, повысивших для крестьянина хлебные цены и посодействовавших тем «вязанию смутьянам рук к лопатам», о которое споткнулось в то время народничество.

Один раз, в 1917 г., я собрал все свои работы на аграрные темы, сделанные в 1909—1914 гг., и переработал их в связный труд с соответственными дополнениями. В начале 1918 г. книгу взялось выпустить издательство Ленинградского Совета, но, в связи с переездом правительства в марте 1918 г. в Москву, затеряло рукопись, и у меня сохранилось лишь несколько страниц первых корректур. Новое издание все откладывалось мною, пока опять успею переработать в цельную книжку, но так как все не успеваю, а потребность в марксистски проработанных материалах о предреволюционной деревне все назревает по мере увеличения числа нашей учащейся молодежи и по мере завоевания нами вузов, то приходится выпустить в том виде, как есть, как статьи эти печатались в свое время. Устранены только некоторые повторения, длинноты и другие места, не имеющие уже интереса или требующие перегруппировки материала и т. п.

Основной вопрос второй части этой книжки—вопрос о возможностях, преимуществах и перспективах крупного хозяйства в русском земледелии. В наши дни этот вопрос продолжает существовать в виде сравнительной оценки будущего, с одной стороны—совхозов и колхозов (крупное хозяйство), с другой—распыленных индивидуальных хозяйств отдельных крестьянских семей (мелкое хозяйство). Изменения, вносимые в дело фактом наличности пролетарской диктатуры и общественной перестройкой руководящих частей всего хозяйства страны,—как кажется автору,—еще усиливают для предстоящего периода те выводы и за-

ключения, какие намечались им в этом отношении на основании изучения динамики и эволюции нашего земледелия в период предшествовавший. В эпоху после 1905 г. царское правительство пробовало застраховать себя от повторения революции открытием более широких дверей для капиталистического развития деревни («столыпинщина»). Политика эта не удалась, обманув ожидания и царского правительства и тех общественных элементов, которые склонялись к переоценке ее значения. Гром революции 1917 г. (Октябрьской) поставил тем самым на новые рельсы вопрос о крупном хозяйстве в русском земледелии. Бывши при царизме носителем буржуазного развития деревни—при пролетарской диктатуре крупное хозяйство (совхозы и колхозы) стало, наоборот, оплотом некапиталистических тенденций эволюции сельского хозяйства СССР.

Третью часть составляет очерк аграрной революции 1917—1920 гг., составленный мною около 1-го июля 1920 г. по случаю приезда в Россию английской делегации (по предложению т. Радека, имевшего тогда с нею дело в Коминтерне). Он печатается без перемен, как довольно кстати замыкающий материалы о развитии, эту аграрную революцию подготовившем.

Изложение последующих судеб «крестьянского вопроса» в нашей стране за период 1920—1925 гг. и намечающихся ожиданий дано мной в книжке «Советская деревня» (Москва, 1925 г., издание «Эк. Жизни», стр. 384).

Ю. Ларин.

1 февраля 1926 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОХА НИЗКИХ МИРОВЫХ ЦЕН

РУССКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС К НАЧАЛУ XX ВЕКА.

1.

Многими явлениями первая русская революция, начавшаяся в 1905 г., напоминает Великую Французскую Революцию, начавшуюся в 1789 году, тянувшуюся ряд лет и приведшую к решительному крушению прежнего крепостнически-самодержавного строя.

Сходство многих обстоятельств обеих революций объясняется общностью их причин. Основная причина борьбы с прежним политическим строем, с самодержавием, и во Франции и у нас заключалась в том, что он делал крайне затруднительным, прямо невозможным дальнейшее развитие экономической (хозяйственной) жизни страны. Самодержавие все усиливало обнищание народных масс, и народные массы начинали с ним бороться. Боролись во Франции, как и у нас, те классы населения, для которых господство самодержавия означало обесправление и препятствие хозяйственному росту: пролетариат, различные слои крестьянства, значительная часть буржуазии.

Конечно, самодержавие не висело в воздухе, и был такой класс, которому существование его было экономически выгодно. Это—класс крупных крепостников-землевладельцев. Ведь самодержавие потому и разоряло массу населения, что служило политическим защитником экономических интересов крепостнического землевладения. Помещики-дворяне к середине 90-х годов девятнадцатого века, лет за десять до революции 1905 г., фактически не играли почти никакой роли в земледелии: они почти не вели собственного хозяйства на земле, не руководили сельскохозяйственным производством, даже не умели часто отличить овса от ячменя. Но, пользуясь тем, что вся сила самодержавного правительства находилась всецело в их распоряжении, они заставляли считать себя собственниками земель, обрабатывавшихся крестьянами. И за одно лишь удовольствие иметь господина крестьяне должны были платить столько разных сборов и отправлять повинностей, что нехватало на жизнь, а об улучшении хозяйства нечего было и думать.

А когда хозяйство не улучшается, оно ухудшается. Всяких запасов, скота становится меньше, с земли получается прежнее количество хлеба, а народу—больше. Жить становится хуже. Сельское население отказывает себе во всем, не может расширять покупок предметов промышленности, даже сокращает их. А так как сельское население составляет бо́льшую часть жителей страны, то отсутствие или неувеличение покупок с его стороны задерживающим образом влияет и на развитие всей городской промышленности и торговли.

В результате господство в стране класса крепостников-помещиков приводит к падению и остановке развития и промышленности, и земледелия. Поднятие успешности (производительности) труда в городе и деревне становится насущной задачей общества, без разрешения которой ему грозит все большее обнищание, вырождение, гибель. А для этого разрешения надо, между прочим, доходы не занимающегося хозяйством землевладельческого класса обратить на улучшение хозяйства. В этом прежде всего и заключалось во Франции экономическое значение политической победы «народа» над «самодержавием» в конце восемнадцатого века.

Крепостнические путы сброшены с промышленности и земледелия. Поборы в пользу не играющего никакой роли в организации общественного хозяйства класса отменены. В стране идет полным ходом свободное, широкое развитие товарного производства, т.-е. всех предприятий и городских, и деревенских, строящих свое благополучие на производстве товаров для продажи—будь это зерно, чугун или шелк. Скупщик делается фабрикантом, фабрикант расширяет свое производство, «хозяйственный мужичок» думает уже не столько о своем прокормлении, сколько о торговле своим хлебом. А с другой стороны, рабочий повышает свои требования в силу большого спроса на труд, не имеющий средств производства крестьянин видит выход уже не только в голодной смерти, но и в более выгодной, сравнительно с его существованием, наемной работе.

Повышается успешность народного труда, богатеют предприниматели-капиталисты, растут численность и социальный вес пролетариата,—словом, энергично развивается буржуазное общество со всеми его противоречиями. Сдавленное в тисках помещичье-полицейского самодержавия,—освободившись от него, оно развивается и в своем развитии подготовляет условия наступления социалистического строя—концентрацией производства, экономическим объединением человечества, обращением все большей части населения в класс наемных рабочих, которым социализм необходим.

Вот то, что история называет «буржуазной революцией», то, что

во Франции произошло в конце XVIII столетия, а в России происходит в начале XX—с 1905 г. Исторически-неизбежное решение земельного вопроса в эпоху подобной революции заключается, очевидно, в создании таких условий пользования землей, которые, в противоположность нынешним, не препятствовали бы экономическому развитию буржуазного общества.

С этой точки зрения оценивает наука и значение таких движений, как крестьянское движение начала XX века в России. В ее глазах это—попытка современного общества изменить созданные прежним историческим развитием отношения собственности применительно к потребностям современного хозяйства. Так смотрят на дело и марксисты, провозвестники общественного хозяйства будущего, когда вещи будут производиться не для продажи ради прибыли, а для справедливого удовлетворения потребностей всех людей. Так оценивают они историческое значение политической революции в России и с этой точки зрения относятся и к земельному вопросу.

2.

К 1917 году в Европейской России, без Польши и Кавказа и Финляндии (т.-е. в 50 губерниях), кроме 137 миллионов десятин земли, отведенных в надел 90-миллионному земледельческому населению (крестьянам, казакам, инородцам, колонистам и пр.), имелось еще земель:

1) частновладельческих 98 милл. дес., из них до 28 милл. дес. покрыты лесом, остальные пригодны для земледелия;

2) свободных от леса пригодных для земледелия казенных 3,5 милл. дес. (считая удельные);

3) церковных и монастырских, кроме покрытых лесом, 2 милл. дес. (да леса 700 тыс. дес.);

4) принадлежащих городским думам, пригодных для земледелия, 2 милл. дес.;

5) принадлежащих казачьим войскам (сверх надельных казачьих) и сдаваемых ими в аренду для земледелия 3,5 милл. дес.

Из надельных 137 милл. дес. значительная часть, именно 20 милл. дес., принадлежала небольшой кучке особенно многоземельных в 220 т. дворов—почти все казаки и колонисты, из которых каждый имеет более чем по 50 дес.,—это уже крупное землевладение. Безлесной, пригодной для сельского хозяйства в том числе 18 милл. дес., т.-е. в среднем по 82 дес. на семью. На остальные около 14 милл. семей (дворов) крестьянского населения приходилось всего около 117 милл. дес. земли, из нее свободной от леса, пригодной для сельского хозяйства око-

ло 105 милл. дес., т.-е. в среднем менее 8 дес. на семью или вдесятеро меньше, чем приходится на семью крестьянской верхушки.

Из частновладельческой земли 26 милл. дес. приходилось на мелкое землевладение, менее 50 дес. на семью (сельские общества и товарищества, отдельные крестьяне, купившие землю сверх отведенной им надельной площади, мещане и т. п.) и 72 милл. дес. на крупное землевладение, более 50 дес. на семью (в том числе у дворян 40 милл. дес., у купцов 19 милл. дес., у духовенства 3 милл. дес., у богатых крестьян, имеющих сверх надела более 50 дес. собственных на семью, 10 милл. дес.). В том числе без леса, пригодных для сельского хозяйства, у частных владельцев было: у мелких 19 милл. дес. и у крупных 51 милл. дес.

Земли городских дум, казачьих войск, казенные и церковно-монастырские тоже принадлежали к крупному землевладению—вместе у этих учреждений 11 милл. дес., не считая их леса (у одной казны более 100 милл. дес. леса, главным образом, на далеком севере). Всего безлесных, пригодных для сельского хозяйства земель было, следовательно, 204 милл. дес., и из них на земли мелких владельцев (меньше 50 дес. на семью, почти сплошь крестьяне) приходилось около 124 милл. дес., а на земли крупных владельцев (свыше 50 дес. на семью) около 80 милл. дес. Если бы всю сельскохозяйственную землю кучки крупных владельцев разделить поровну между всем крестьянством, то средняя крестьянская семья в Европ. России имела бы в своем пользовании около четырнадцати десятин сельскохозяйственной площади (кроме леса). А без этого фактическое землепользование крестьянской массы составляло, как мы видели, около 8½ дес. на семью на своей земле (надельной и купленной) и сверх того почти по 3 дес. на семью (точнее, по 2,8 дес.) на чужой земле. В самом деле, из 80 милл. дес., непокрытых лесом, удобных для земледелия, но принадлежащих крупным владельцам земель—до 30 милл. десятин сдавалось в аренду тем же крестьянам (в том числе почти все пригодные для земледелия земли казенные, удельные, городские, казачьих войск, монастырские—всего около 10 милл. дес.). Затем из частновладельческой земли несколько миллионов обрабатывалось также крестьянами, крестьянским же скотом и орудиями на других условиях (кабальные «отработки»). Таким образом, мелкое хозяйство крестьянского типа велось приблизительно на 160 милл. дес. из 204 милл. всей непокрытой лесом сельскохозяйственной площади 50 губерний Европ. России.

Из этих цифр, между прочим, видно, что все крупное землевладение распадалось на две, приблизительно, равные части. Одни крупные владельцы сдавали свою землю в аренду,

или за отработки на ней на деле велось крестьянское хозяйство, хотя собственность на нее принадлежала помещикам, казне и т. д. Другие крупные владельцы вели на своей земле собственное хозяйство,—отчасти с личным своим участием в работах (на 18 милл. дес., принадлежавших крупным надельным владельцам), а отчасти—путем организации крупного хозяйства наемными рабочими за собственный хозяйский счет, собственным хозяйским инвентарем (около 22 милл. дес.). Сообразно этому можно было различать в России крупное частное землевладение двух типов: крепостническое и буржуазное.

Не ведущих собственного предпринимательского хозяйства с наймом рабочих, т.-е. сдающих землю в аренду или за отработки, мы называем землевладельцами-крепостниками, потому что у этой части вполне выражены характерные черты экономических отношений времен крепостного права, в правовом отношении отмененного еще в 1861 г. Да и по личному составу владельцев это преимущественно—дворяне, потомки владельцев «крепостных душ». По сведениям государственного Дворянского Банка, к началу мировой войны половина дворянских имений принадлежала именно к этому разряду.

Во времена крепостного права помещик мог предоставить крестьянину землю, уехать затем на воды или в столицу и получать за это оброк. Оброк—в размере, какой ему угодно установить, лишь бы крестьяне остались живы и могли и дальше приносить ему доход. Так продолжалось через полвека после официальной отмены крепостного права. Помещик не вел хозяйства за свой счет, делался в городе чиновником или офицером, принадлежавшую ему землю сдавал крестьянам в аренду и за то получал с них арендную плату. Плата—в размере, какой ему угодно было установить, лишь бы оставшегося крестьянину хватило на пополнение той части самых необходимых расходов на жизнь, которых крестьянин не мог покрыть с принадлежащего ему собственного надельного земельного участка.

Как ведется хозяйство—улучшается или ухудшается, как продается товар (хлеб, мясо)—дорого или дешево,—до всего этого такому помещику не было дела. Он знал, что получит свою арендную плату все равно, и даже чем хуже будет «мужику», чем менее производителен труд крестьянина, тем большую долю дохода сможет потребовать помещик. Потому что, если меньше крестьянин получит со своей (надельной) земли, тем больше нужно будет ему арендовать помещичью. Такой помещик, не ведший своего хозяйства, но владевший землей (и сдававший ее крестьянам), в земстве голосовал против затрат на агрономию, на улучшение сельского хозяйства—ему это ни к чему. Он голосовал против

устройства больниц, школ: он боялся,—«мужик» поумнеет и перестанет терпеть.

Из этих-то господ и составлялось самодержавное русское правительство, выразителем их интересов, помещиков-крепостников, оно прежде всего и являлось. Кто хочет понять и объяснить себе его социально-экономическую политику, тот прежде всего должен принять это во внимание.

Часть крупного землевладения, в интересах которой поддержание экономических отношений, сохранившихся от времен крепостного права, понятно, должна была стоять в противоречии со всей страной, давно уже вступившей на дорогу буржуазно-капиталистического развития и стремившейся сбросить с себя крепостные путы. Понятно, крепостники, поддерживая отсталые экономические отношения, должны были поддерживать и во всех областях общественной жизни все отсталое, чтобы задержать общественное развитие, несущее жизнь России и гибель им. Поэтому и в политической области они стояли откровенно и неприкрыто за выгодные для них отжившие формы самодержавной монархии.

Древние римляне верили в существование бога Януса, у которого, по их мнению, была одна голова, но два лица, затылка вовсе не было, мозг—один. Таким же двуликим Янусом являлись наши крепостники. Посмотришь с одной стороны—дворяне, помещики, верноподданные; посмотришь с другой—генералы, губернаторы, министры. Все почти поголовно наше высшее чиновничество, царским именем самодержавно правившее Россией, выходило из рядов крепостнического землевладения. Таким образом, с точки зрения борьбы с самодержавием, земельный вопрос в этой своей части всегда приобретал совсем особый интерес.

Другая часть крупного землевладения—это помещики, на своей земле ведшие собственное хозяйство наемными рабочими. Это предприниматели. Им выгодно и необходимо было повышение производительности (успешности) труда, чтобы иметь возможность продавать больше и дешевле. Им нужны были для этого более ловкие и развитые работники, и они не могли согласиться с политикой самодержавного правительства, державшей деревню в совершенной темноте и забитости. Они хотели также, чтобы крестьяне не были вынуждены спешить сбыть во что бы то ни стало свой хлеб ради уплаты податей, так как это вообще способствует понижению цен на хлеб. Интересы крупного землевладения буржуазного типа, т.-е. помещиков, бывших на деле капиталистическими предпринимателями (хотя и дворянского происхождения), сплошь и рядом поэтому расходились с интересами крепостнической части по-

мещиков (т.-е. не нанимавших рабочих, а сдававших в пользование свою землю на кабальных условиях крестьянам). Одни эксплоатировали рабочих, другие эксплоатировали крестьян. Вот яркий пример возникавшего на этой почве расхождения интересов обеих частей помещиков.

Правительство, состоящее из представителей крепостников, стремилось хоть сколько-нибудь примирить с собой крупную торгово-промышленную буржуазию. Всей своей политикой создавая неблагоприятные условия для развития русской промышленности, оно зато помогало повышать искусственно сверх меры цены на фабрично-заводские изделия, чтобы вознаградить капиталистов хоть этим—за счет переплачивающего населения. Для этого правительство, между прочим, налагало очень высокие пошлины на привозные иностранные товары и тем давало возможность русским фабрикантам подымать цены на свои товары значительно выше, чем следовало. В вознаграждение за пошлины на привозимые к нам иностранные товары приходилось соглашаться на обложение иностранными государствами, особенно Германией, высокой пошлиной русского хлеба, который наши помещики буржуазного типа туда продавали. Таким образом, предпринимательской части помещиков, с одной стороны, было трудней, дороже приобретать для своего хозяйства из-за границы разные машины, привозное искусственное (минеральное) удобрение и т. п., и в то же время, с другой стороны, трудней было сбывать за границу свой хлеб, да и сбывать приходилось дешевле. И помещики предпринимательского типа в земствах и в разных комиссиях подымали крик против таможенной и налоговой политики русского правительства, т.-е. своих соседей—помещиков крепостнического типа. А крепостники машин не покупали и хлеба не продавали—у них интересы были другие.

Все это вместе взятое делало буржуазных (ведущих предпринимательское хозяйство) землевладельцев, в отличие от землевладельцев-крепостников, противниками самодержавия. Вот причина сравнительного либерализма предреволюционного земства, состоявшего, как известно, преимущественно из помещиков. Помещики буржуазного типа, ведшие хозяйство, обычно жили в уезде и потому проходили гласными в земство, в то время как помещики-крепостники отсутствовали—аренду можно было получить и по почте, а в столице жить было куда приятнее, на службе и выгоднее, да и почету больше.

Так распались на две группы с разными интересами российские помещики, и потому в их рядах, с одной стороны, стояли либеральные земцы, руководящее ядро конституционно-демократической партии, а с другой—самые рьяные и безусловные защитники и сторонники самодержавия, вожди черной сотни.

Это деление крупного землевладения на две половины надо иметь в виду при всех суждениях о русском сельском хозяйстве и о политической жизни конца XIX и начала XX века. Очевидно, крепостническое землевладение осуждено на уничтожение во всяком случае; помещичьими эти земли являлись лишь по имени, в действительности же на них и при помещичьей собственности велось преимущественно мелкое крестьянское хозяйство. Другой части, капиталистическим хозяйствам в земледелии, падение самодержавия само по себе, наоборот, развязало бы лишь руки. Они, если бы сохранились, пошли бы по пути дальнейшего улучшения хозяйств и увеличения числа занятых в них наемных рабочих. Но полная победа революции может поднести и им сюрприз, на какой они не рассчитывали, когда делали оппозицию самодержавию—земля перейдет и от них в распоряжение всего народа.

Всего в 1901 г. на всех некрестьянских (помещичьих, казенных и пр.) землях было около 23 милл. дес. посева (21 милл. дес. был засеян зерновыми хлебами и 2 милл. дес. специальными культурами—табаком и пр.). Из них свой, капиталистический посев (наемными рабочими) составлял менее 7 милл. дес. По переписи 1916 г., уже не в 50, а в 46 губ. (Ковенская, Виленская, Гродненская и Курляндская были заняты германскими войсками), капиталистического посева на помещичьей земле оказалось около $7\frac{1}{2}$ милл. дес. Остальное сдавалось в аренду крестьянам.

3.

Все удобные земли, на которых мелкие и средние крестьяне, имеющие менее 50 дес. на двор, вели перед революцией сельское хозяйство, также делились на две части. Одну, около 125 миллионов десятин, составляли крестьянский надел, полученный крестьянами после отмены крепостного права (105 милл. дес.), и прикупленные земли (19 милл. дес.). Другая часть, до 40 милл. дес., как было уже указано, арендовалась (или обрабатывалась крестьянским инвентарем) у соседних крупных землевладельцев, монастырей и казны. Разорительные платежи в пользу крепостников имели место и в том и в другом случае, только в различных формах.

Доход с надельных крестьянских земель отбирался посредством различных налогов, доход с арендуемых—посредством взимания арендной платы.

Из дохода, получаемого со своего надела, крестьянин прежде всего должен был выплатить поземельный налог, а до 1907 г. и выкупные платежи. Выкупные шли за землю, отведенную крестьянам в собствен-

ность казною и помещиками после упразднения крепостного права. За землю заставили тогда платить гораздо больше ее тогдашней цены. Например, из отчета по Рузскому уезду видно, что земля там в то время продавалась по 8—10 руб. десятина, а выкупные платежи определялись по расчету 37 руб. за десятину. В результате, выкупные вышли настолько высокими, что часто чистого дохода с надела нехватало на их уплату и приходилось отказываться от удовлетворения своих потребностей: меньше есть, хуже одеваться и т. п., лишь бы уплатить подати. Общая сумма прямых платежей с земли доходила обычно до ста милл. руб. в год, не считая еще взносов в банк за прикупные земли.

Но этого недостаточно. Гораздо более выкупных крестьяне выплачивали в казну, не зная даже об этом, в виде всяких косвенных налогов. С одной водки собиралось с крестьян до 400 милл. руб. в год. Затем обложены были, хотя и менее значительно, но все же высоко, табак, спички, керосин, сахар, хлопок и шерсть для выделки материи на платье, все железные и чугунные предметы, письма, проезд по железной дороге и многое другое, необходимое крестьянину. Налог включен был здесь уже раньше в цену предмета, так что, покупая плуг или ситец жене, крестьянин не знал, сколько он уплачивал в том числе за покупку, а сколько налогу. В Орловской губ., например, было у крестьян всего прихода от земледелия 12 милл. руб. в год (на 1.150.000 жителей). Из них на прямые сборы уходило 4 милл. руб., на платежи в земельные банки—2 милл. руб. и на косвенные налоги $3\frac{1}{2}$ милл. руб. (по подсчету губ. правител. земел. совещания в начале 1900 гг.). Оставалось у крестьян только $2\frac{1}{2}$ милл. руб., а более трех четвертей всего их дохода от земледелия шло на уплату этих налогов и сборов. Следовательно, земледельческое хозяйство велось здесь крестьянами почти исключительно для правительства, для помещиков, а на жизнь приходилось доставать посторонними заработками. На основании сличения сводов государственных доходов и обыкновенных расходов крестьянской семьи выяснено, что в общем крестьяне Европейской России платили ежегодно косвенных налогов до миллиарда руб. (1.000 милл. руб.).

Выжимание государственным бюджетом средств из населения возрастало год от года. Благодаря тогдашней системе налогов тяжесть государственного бюджета ложилась главным образом на крестьян. Вот сравнительная таблица, составленная мной на основании официальных данных. Первый столбец означает средний годичный сбор на одну душу населения всех зерновых хлебов в Европ. России, а второй—среднюю годичную величину обыкновенных доходов казны по государствен-

ному бюджету по расчету на одного жителя (без оборотных расходов по железным дорогам и по монополии):

Трехлетия	Пудов на душу	Рублей на душу
1892—1894	27,66	8,53
1895—1897	24,88	9,77
1898—1900	24,81	10,72
1901—1903	22,74	11,00
1904—1906	20,86	11,27
1907—1909	23,53	ок. 12,00

Измеряемое количеством хлеба—благосостояние деревни почти стояло на одном уровне (в действительности дело обстояло несколько лучше, вследствие роста не-хлебных культур). А налоговой винт закручивался все туже и за эти полтора десятка лет вырос на 40%. На среднюю семью (5 чел. в деревне) приходилось уже около 60 руб. в год. Какое крупное значение это имело, можно судить по таким официальным данным о распределении доходов в России, внесенным правительством в 1909 г. в комиссию Государственной Думы.

Комиссия Гос. Думы обсуждала внесенный правительством проект введения подоходного налога. По этому поводу правительство и приводило в своей объяснительной записке собранные им через казенные палаты и податную инспекцию сведения о распределении доходов. Как вся официальная статистика, и эти сведения страдали, конечно, неполнотой и неточностью. Можно думать, что положение высших слоев было еще лучше, чем рисуется по этим данным (а значит, для трудовых масс оставалось еще меньше).

На 1 января 1910 г. в России числилось 151,7 милл. жителей (без Финляндии, Хивы и Бухары) или 24,08 милл. семейств. По подсчету директора департамента промышленности Литвинова-Фалинского, весь национальный доход России составлял в 1907 г. около 9.200 миллионов рублей, в том числе 60% от земледелия, животноводства, рыболовства и т. п. и 40% от всякого рода промышленности, торговли и транспорта. Эти 9.200 милл. руб. и должны распределяться между всеми 24 милл. семейств. Правительство собрало сведения только о лицах с доходом не менее тысячи рублей в год у каждого. Таких лиц в 1907 г. оказалось:

Размер дохода		Сумма их дохода
1— 2 тыс. руб.	220,5 тыс. чел.	317 милл. руб.
2— 5 » »	120,9 » »	334 » »
5—10 » »	37,1 » »	230 » »
10—20 » »	16,1 » »	194 » »
20—50 » »	7,3 » »	189 » »
50 и более тыс. руб.	2,8 » »	450 » »
Всего . . .	404,7 тыс. чел.	1.724 милл. руб.

Таким образом на долю 405 тыс. чел. или 405 тыс. семейств приходится 1.724 милл. руб. или около 4.300 руб. на семью (это и есть «господствующий класс»), а на долю остальных 23,6 милл.—всего 7.476 милл. руб., или только около 300 руб. на семью (в 13 раз меньше).

Таким образом государственный бюджет получал сотни миллионов рублей по той причине, что у всей массы трудящегося населения ежегодно отбиралось им не менее 20% валового дохода (60 руб. из 300 руб.). Все эти сотни миллионов поступали в распоряжение того же двуликого Януса, самодержавного правительства, политического выразителя интересов крепостников. Все почти поступавшие ему средства оно тратило либо на прямую раздачу под разными видами тем же крепостникам-помещикам, офицерству, высшим чиновникам и т. п.; либо на охрану спокойного господства в России крепостнических порядков: на жандармов, солдат, полицию; либо, наконец, на подачки буржуазии, чтобы она мирилась с господством крепостников. Сюда относится хотя бы переплата на всякие заказы, например, для железных дорог, строившихся подчас именно для «поддержки промышленности». На все это, да на проценты за старые государственные долги (сделанные для тех же целей) и на расходы по взиманию налогов, шло у нас чуть не девять десятых всех государственных расходов.

Всего получаемого каким-либо мелким крестьянином от хозяйничанья на своей земле зерна и мяса от скота и от прочих продуктов добывалось столько, что за выплатой государству всех этих миллионов оставалось у самого крестьянина совершенно недостаточно. Недостаточно не только для улучшения хозяйства или хотя бы для поддержания его в прежнем виде, но даже и для собственного существования. По докладу образованного правительством «Комитета о нуждах сельского хозяйства», в Московской губ. в 1901 г. чистый доход крестьянского хозяйства с надела, за вычетом необходимейших расходов, составлял 15 руб. в год. Прямых налогов (выкупных и др.) шло с хозяйства 25½ руб. и главнейших косвенных (не всех) 52 р. 21 к., а всего 75 р. Следовательно, на платеж уходил не только весь чистый доход, но еще и часть того, что нужно самому крестьянину для «необходимейших расходов». А так как без «необходимейших» не проживешь, то крестьянину во что бы то ни стало надо откуда-нибудь пополнить недостаток. И первым делом, он, естественно, бросается на аренду соседней помещичьей, монастырской или удельной земли.

Он берет ее сплошь и рядом не потому, что у него завелись лишние капиталы, и он хочет расширить свое хозяйство и стать богаче.

21724.

Нет, его вынуждает прибегнуть к аренде недостаток в средствах к жизни—голод. Его цель—пополнить свой недостаток, и если иначе нельзя, то он согласится отдать все, что получится с арендуемого участка, за исключением той части, которою он покроет свой недостаток. Он согласится на условия худшие, чем если бы он был просто наемным сельским рабочим у того же помещика. Если бы крестьянин был таким рабочим, он потребовал бы себе платы, достаточной хотя бы для плохой жизни. Теперь же он часть средств получает со своего надельного участка, и потому помещик за арендуемую землю мог прижать его еще больше, чем прижимал наемного сельского рабочего.

Таким путем выжималось из крестьян ежегодно в пользу сдающих землю в аренду крепостников и крепостнических учреждений еще около полумиллиарда (500 милл.) рублей аренды деньгами, работой и продуктами. Любопытно заметить, что во времена крепостного права оброк с крестьянского хозяйства достигал в среднем 16 р., а через 40 лет платежи с одного арендуемого хозяйства доходили в среднем до 25 р. и выше. Еще по старым цифрам Карышева (по земским переписям 80-х и 90-х годов XIX века), из числа бывших помещичьих крестьян 90 уездов Европ. России, в которых были в то время произведены земские переписи, из всех 600 тыс. домохозяев арендовали (преимущественно пахотные земли) 323 тысячи дворов, или 55%, больше половины. Но если из общего числа домохозяев отбросить всех, не имевших рабочего скота, как обыкновенно не ведущих собственного хозяйства, то доля арендующих среди действительных крестьян оказывалась еще значительно выше. Так, по этим данным по Курской губ. вообще арендующих было немного более 50%, а не считая безлошадных—83%. По Воронежской эта разница выражается цифрами 60% и 83%, по Саратовской—65% и 86%, по Полтавской—42% и 60%, по Рязанской—37% и 60%, по Тамбовской—45% и 60%, по Самарской—70% и 80%.

Тот же крепостнический способ выжимания из крестьян пота, только по названию отличающийся от аренды, имел место при обработке помещичьей экономии крестьянским инвентарем и крестьянским скотом. При крепостном праве помещик иногда отдавал крестьянам землю и получал оброк, а иногда заставлял их прямо работать на барщине и выдавал им их содержание натурой. Если крепостническая аренда представляется тем же о б р о к о м в других формах, то обработка помещиком своих земель крестьянским инвентарем и крестьянским скотом сплошь и рядом являлась той же б а р щ и н о й. Сплошь и рядом в таких случаях помещик отдавал крестьянину кусок земли в аренду, и тот обязывался «отработать» на помещичьей земле своим

инвентарем и скотом. Все помещичьи земли, на которых велось «отработочное» хозяйство, в сущности не являлись областью крупного хозяйства. Фактически здесь обработка земли (т.-е. земледельческое хозяйство) велась мелкими хозяевами, а крупным здесь было только обирательство этих мелких хозяев (крестьян) владельцем земли (помещиком). Из всех частновладельческих посевов хлеба и картофеля в 43 губ. Европ. России в конце 80-х годов засевалась в губерниях с преобладанием такого крепостнического «отработочного» способа ведения хозяйства 6.281 тысяча десятин, а в губерниях с преобладанием у помещиков капиталистического хозяйства (помощью собственных орудий производства и постоянных наемных рабочих)—около 7.407 тыс. дес. На губернии с господством смешанной системы приходилось до 2.222 тысяч десятин крупновладельческих посевов хлеба и картофеля. В последующие десятилетия, впрочем, «отработки» все более уступали место денежной аренде, под влиянием условий, которых мы еще коснемся.

Двуликий Янус крепостнического самодержавия и крепостнического землевладения устроился таким образом, что из всех земель,—и надельных и арендуемых,—мелкие крестьяне-хозяева не могли сохранять ничего для поддержки и дальнейшего улучшения земледельческого хозяйства, им еле хватало на «голую жизнь», да и то при помощи «сторонних» заработков, т.-е. занятия промыслами, ухода на сторону в наймы кого-либо из членов семьи и т. д. Вот причина страшной бедности русской деревни, вечных голодовок и малой производительности крестьянского труда.

Чем больше человек работал, старался, тем хуже,—потому что тем больше мог потребовать с него помещик. При таком порядке всякое улучшение шло на пользу помещика. Чем больше делалось в деревне работников—тем хуже, потому что при невозможности улучшить собственное крестьянское хозяйство все меньше доставалось на долю каждого, все больше делалось необходимости арендовать землю, тем большую цену за нее мог сорвать крепостник—цену голода и жизни. Отсюда все усиливавшееся стремление крестьян к покупке земли даже на невыгодных условиях, отсюда общая отсталость всей средней крестьянской массы.

Политическое господство крепостников, все пережитки крепостного права приводили к падению производительных сил страны. Ни в одной европейской стране не употреблялось так мало усовершенствованных орудий в земледелии, как в России. Ни в одной стране не сохранилось такой отсталой системы земледелия, как наша трехпольная, благодаря которой третья часть пашни ежегодно пустует под паром. Из

всей пахотной земли под паром в России ежегодно было в середине 90-х годов, по официальным сведениям, 37%, а в Германии—6%, в Англии—только 2%. Из всех удобных земель в России под пашней было только 32%, а в Германии—49% и т. д.

Необходимейшее условие сельского хозяйства—рабочий скот, лошадь. Между тем количество лошадей уменьшалось с каждым годом. В 50 губ. Европ. России, по военно-конским переписям, в 1882 г. было больше 20 милл. лошадей, в 1888 г.—19⅔ милл. и в 1898 г. только 17 милл. голов. Иначе сказать, на сто человек населения в 1882 г. приходилось 25½ лошадей, через 16 лет уже только 17½. Такое же соотношение (17 лошадей на сто человек) оказывается еще через 16 лет, в 1914 г. (тоже по в.-кон. переписи). В России в 1898 г. на тысячу десятин удобной земли приходилось 94 лошади, во Франции 107, в Англии 115, в Германии 119. В то время как в России число рабочего скота уменьшалось, во всех других странах оно увеличивалось. Сокращение рогатого скота наблюдалось также только почти в одной России. У нас на тысячу десятин приходилось 136 голов, во Франции 434, в Германии 541, в Англии 611. Овец у нас в 1882 г. было 47½ миллионов штук, в 1898 г. осталось 38 миллионов и в 1914 г. только 30 милл. штук. Земля не получала удобрения сколько нужно, обрабатывалась очень несовершенным образом. Тяжкие и прежде случаи неурожаев—в некоторых частях страны обращались временами в сплошную голодовку.

В результате, земледелие стояло в России ниже, чем где бы то ни было. Не считая семян, пшеницы получалось с десятины в Англии 124 пуда, в Германии и Франции по 70—80 пуд., а в России в среднем еле доходило до 40 пуд. (в 1914 г.). Овес в России давал в среднем 44 пуда, а в Германии 105, в Англии 115 пуд. с десятины. Чистый сбор *всех хлебов* (вместе с семенами) в среднем за десятилетие 1901—1910 гг. составлял в России 46 пуд., в Англии 126 пуд., в Германии 108 пуд., во Франции 85 пуд. и в Австро-Венгрии 80 пуд. с десятины. Поднятие производительности сельскохозяйственного труда в России до европейской высоты сделало бы ее из нищей страны страной цветущей и богатой. Но конфискация (отобрание) в пользу крепостников всякого избытка делала невозможным для крестьян поднятие хозяйства.

Целыми десятилетиями происходило не повышение, а понижение производительности труда. В среднем на каждого едока крестьянского населения высеяно в 1891—95 гг. лишь две трети того, что высевалось за 30 лет перед тем—в 1851—55 гг. За то же время общий сбор хлебов по отношению к населению Европ. России сократился на 12 про-

центов (одна сотая), а за следующее десятилетие (к 1902—1906 гг.) сокращение ускорилось еще на 6 процентов (все по официальным данным). Иначе сказать, повышение урожаев отставало от увеличения населения, на долю каждого оставалось все меньше. В других странах этого не было заметно.

А цены на землю все росли и росли и удваивались за каждые 10—15 лет. Нет средств улучшить хозяйство на своей земле, нельзя получить с нее больше продуктов—тем нужнее приарендовывать ради этого кусок помещичьей, тем больше согласен крестьянин за нее дать, тем больше растет ее покупная цена. Покупая землю через посредство Государственного крестьянского банка, крестьяне платили в 1892 году 45 руб. за десятину, в 1895 г. уже 52 руб., в 1897 г.—71 руб., в 1900 г.—83 руб., в 1902 г. уже около 100 руб., а за десятилетие 1901—1910 гг. даже 132 руб. 40 коп. в среднем. Приобрести еще кусочек земли стало мечтой русского крестьянина.

А ведь по величине своего землепользования русский крестьянин стоял не только не хуже, но частью еще лучше своего западно-европейского собрата. На сто человек населения крестьянского типа (считая всех имеющих менее 50 дес. земли на двор) в Европ. России даже в 1916 г. приходилось еще 180 дес. всей находившейся в их землепользовании удобной земли, в то время как на сто французских крестьян—лишь 181, а на сто германских даже лишь 175 дес. А за 40 лет перед тем, в 1877 г., одной только надельной удобной земли было у нас 196 дес. на 100 крестьян. В России хозяйств с наделом меньше 5 дес. в 1877 г. было только 10% всех крестьянских хозяйств, одна десятая, а во Франции и Германии—три четверти. Следовательно, у нас крестьяне обычно владели и пользовались большим количеством земли на семью (на двор), чем в Германии или Франции. И земля в общем не худшего качества, в целой половине России даже лучшего—чернозем. Крестьянское малоземелье было, таким образом, понятием относительным. Земли у русских крестьян часто было больше, но получали они с нее меньше. Не было капиталов, не было таких средств обработать эту землю, какие нашлись у французов после их революции (1789—1793 гг.), решительно покончившей в свое время с крепостниками.

С каждым годом все больше нищала страна, все дальше загонялось в тупой угол народное хозяйство. Результаты: в последнее десятилетие XIX века (1890—1899 гг.) смертность в России в год достигала 347 чел. из каждых 10 тыс. чел. населения, а во Франции только 224 чел., в Англии—192 чел., в соседних с нами Швеции и Норвегии даже только 169 чел. Между тем в 1816—1820 гг. смертность в России составляла только 230 чел. на десять тысяч населения, следова-

тельно, с тех пор увеличилась наполовину. А во всех других европейских странах она за эти 80 лет, наоборот, сократилась [1]). По сравнению со шведским уровнем смертности, в России в начале XX века ежегодно умирало лишних 2.500 тыс. чел. Если бы можно было представить себе, что господство крепостничества продолжалось бы в России еще достаточно долго, то мы пришли бы к тому, что, в конце концов, население России начало бы прямо вымирать от полного разрушения всего хозяйственного организма страны. В некоторых земледельческих губ. центральной части Европ. России прирост населения действительно прекратился уже к этому времени, количество смертей превысило количество рождающихся (Воронежская, Тульская и др.).

Но всякое население, если все равно приходится умирать с голоду, скорее полезет на штыки: всех не убьют, а после изменения порядков, по крайней мере, хоть жизнь будет обеспечена (в Зап. Европе массовых ежегодных голодовок не бывает). И изменение отношений собственности, уничтожение остатков крепостного права стало призывным кличем русской деревни, одним из основных социальных требований революции.

Уничтожение крепостнических поборов должно было оставить в руках земледельцев громадные средства, которые у них отнимались, и крестьяне получили бы возможность улучшить ведение хозяйства. Во Франции в конце 18-го столетия, при господстве там крепостнических отношений, урожаи достигали лишь 30 пуд. с десятины. Французская Революция 1793 г. освободила земледелие от крепостнического гнета, и через 20 лет, в 1816—1820 гг., урожайность равнялась уже 51 пуд. с десятины, а затем и еще больше. В начале XX века в 50 губерниях Европ. России получалось ежегодно около 2.240 миллионов пуд. хлеба за вычетом семян. При высоте урожая, равной европейской, получилось бы со всей пахотной площади, если бы количество земли под паром также равнялось европейскому, 6.500 миллионов пудов. В деньгах это составляло потерю в год до 4.000 милл. руб., т.-е. на каждую крестьянскую семью почти 300 рублей (а весь тогдашний валовой доход крестьянской семьи принимался русскими статистиками лишь около 360 руб.).

4.

Задерживая развитие производительности труда вообще, крепостнический гнет приводил вместе с тем к тому, что развитие в деревне товарного капиталистического

---

[1]) Цифры по книге д-ра Курнина.

хозяйства совершалось наиболее тягостным и невыгодным для интересов пролетариата образом.

Развитие товарного хозяйства (т.-е. производства предметов сельского хозяйства на продажу) и превращение его в капиталистическое (т.-е. ведущееся наемным трудом с целью получения прибыли)—в последние десятилетия XIX и в первые десятилетия XX века представлялось в деревне столь же неизбежным, как оно неизбежно было и в городе.

Было время, когда крестьянское хозяйство было замкнутой в себе хозяйственной единицей. Все, что ему нужно, крестьянин получал в собственном хозяйстве: изо льна жена делала ему платье, из деревьев соседнего леса он сам приготовлял себе соху и дом, платежи производил натурой—зерном, мясом, другими продуктами своего хозяйства и лично исполнял разные повинности. При таких условиях каждое хозяйство было более или менее устойчивым целым, в котором из десятилетия в десятилетие передавались все те же потребности и те же приемы хозяйства, все те же верования и обычаи. Задачей каждого хозяйства было поддержать существование всех своих членов путем непосредственного употребления ими того, что добывалось в своем хозяйстве.

Все это изменилось, когда целью целого ряда деревенских хозяйств стали торговля своими произведениями и расширение хозяйства. Это превращение замкнутого отдельного хозяйства самостоятельного крестьянина в товарное хозяйство совершилось под влиянием изменения всех условий экономической жизни.

Прежде всего, развитие городов и товарного хозяйства в них создало спрос на хлеб, на мясо и на другие произведения деревни. В то же время город стал производить различные предметы крестьянского потребления лучшего качества и с меньшей затратой труда, чем это имело место в деревне. Таким образом, с одной стороны, для крестьян стало выгоднее сбывать свой хлеб и прочее на сторону, в город, и вместе с тем стали вытесняться деревенские самодельные изделия городскими, начиная от ситца и сапог и кончая косой и плугом. С другой стороны, на крестьянское хозяйство влиял рост требований со стороны государства и всех, кому оно было обязано платежами.

Прежде, бывало, помещик желал получить от своего крепостного известное количество хлеба и других предметов, которые дали бы ему возможность вести привольную и роскошную жизнь. Теперь он желает получить не хлеб, но деньги, потому что на деньги он может накупить в городе таких вещей, каких крестьянин доставить никак не сможет. Прежде был известный предел требованиям поме-

щика—столько продуктов в натуре, сколько он может употребить сам со своей челядью, и с тем, чтобы еще про запас было. Теперь этого предела нет—чем больше денег, тем лучше. Увеличиваются требования к крестьянину и со стороны казны, и с ними происходит то же самое: повинности и взносы натурой перекладываются на деньги, размер денежных сборов все увеличивается.

В конце концов крестьянин втягивается в круговорот товарного хозяйства и стой и с другой стороны: и как покупатель городских товаров, и как вольный или невольный продавец сельских. А раз втянувшись—вообще подчиняется экономической логике товарного хозяйства. Хлеб и мясо превратились из предметов потребления в товары. Всякий продавец всякого товара должен стараться продавать его побольше и подешевле, стараться не потерять покупателей, чтобы другие продавцы не обогнали, не разорили его развитием их хозяйств. Отсюда между крестьянскими хозяйствами, существовавшими прежде сравнительно независимо одно от другого, неизбежно должно начаться (часто сначала незаметно для них самих) соперничество. Те из них, которые в силу различных причин лучше приспособлены к новым условиям существования, выживают; остальные начинают падать. У кого случайно в семье больше человек, кто получает поэтому больше земли от общины, у кого больше работников в составе семьи или больше лошадей или еще какое-либо благоприятное обстоятельство,—тот меньше стеснен, может выждать благоприятного времени для продажи зерна, может сам свезти его в город, не обращаясь к перекупщику, может обойтись без помощи ростовщика и т. д. Кто стоит в худшем положении, у кого, например, меньше работников в семье, меньше земли, тот быстрей попадает в зависимость от других, тот не может завести себе лучшего плуга, удобрять как следует свое поле, уплачивать аккуратно подати и т. д. Один, два случайных неурожая способны лишить такого хозяина всякой самостоятельности, закабалить его своему же более счастливому соседу (превращающемуся в кулака), лишить лошади, а то и поставить в невозможность вовсе продолжать самому вести свое хозяйство.

Одни, таким образом, увеличивают производство предметов сельского хозяйства на продажу, занимают для этого и чужие земли, расширяют свои хозяйства. Другие падают, оказываются не в силах выстоять в борьбе, разоряются, еле влачат свое существование и, наконец, частью вовсе бросают самостоятельное хозяйствование. Из прежней однородной крестьянской массы постепенно выделяются, с одной стороны, деревенские предприниматели, «хозяйственные мужички»—мелкая сельская буржуазия, а с другой—деревенская беднота, безлошадные,

бесхозяйственные, сельскохозяйственные батраки — деревенский пролетариат. Крестьянство, обратившись к товарному хозяйству, раскалывается на различные классы с различными интересами, как это имеет место и в городе.

А не обратиться к товарному хозяйству оно не могло, раз все народное хозяйство основано было на производстве товаров для продажи, раз все народное хозяйство состояло из целого ряда отдельных предприятий, каждым из которых распоряжался его владелец в целях своей выгоды. Мы, марксисты, стоим за обобществление всех средств производства, за объединение всего народного хозяйства в одно целое, направляемое волей всего народа и служащее для удовлетворения потребностей всего народа, а не для продажи, не для прибыли отдельных владельцев. Это и есть социализм. Но пока его нет, пока народное хозяйство состоит из отдельных хозяйств для производства товаров, до тех пор необходимо должно происходить и то, что одни хозяйства идут вверх, а другие вниз, одни расширяют свои хозяйства, другие их вовсе лишаются.

В России со времени отмены крепостного права усиленно происходило это превращение потребительского крестьянского хозяйства в товарное. С одной стороны, хозяйство, производящее для обеспечения собственного существования, превращалось в хозяйство, производящее для прибыли. И рядом с этим, с другой стороны, шло обращение части крестьян в пролетариев и полупролетариев. Составлявшее когда-то подавляющее большинство русского крестьянства прежнее «среднее трудовое крестьянство», всем своим рабочим силам находившее приложение в собственном маленьком хозяйстве, не нанимавшее работников и не отпускавшее на сторону,—все меньше имело значения в хозяйственной жизни страны, во всей массе производимых продуктов во всем товарном обороте. Каждый год, каждое потрясение народного хозяйства приводило к все большему размыванию, таянию обоих концов этой середины, к распадению деревни на различные классовые слои.

Это растущее распадение составляло второй основной факт предреволюционной деревни наряду с существованием крепостнической эксплоатации. Неизбежное при господстве товарного хозяйства отсутствие экономической однородности крестьянства, наличность в деревне разных классов—сельской буржуазии, сельского пролетариата и промежуточного слоя трудового крестьянства,—вот с чем приходилось считаться политическим партиям при определении своего отношения к крестьянскому вопросу. Всякая мера в деревне должна была иметь различное значение для раз-

ных классов; возможный политический вес крестьянских середняков, благодаря их все еще многочисленности, превышал их действительное экономическое значение в то время и в глазах обеих споривших между собой за влияние на крестьян партий—марксистов и народников [1]).

Прежде, до широкого вовлечения деревни в рыночный оборот, различия между крестьянскими хозяйствами были часто простыми различиями в величине между хозяйствами одного типа. Замкнутое потребительское хозяйство крестьянина приспособлялось к размерам его семьи и к другим подобным обстоятельствам. Теперь за различиями в величине выступали уже различия по качеству, различия между хозяйствами пролетарскими и буржуазными. Значение этого факта настолько важно, что необходимо цифрами показать коренное отличие хозяйственного положения различных разрядов крестьян, их действительное существование в русской деревне уже в конце XIX века и приблизительную численность.

5.

Все, решительно все отличает друг от друга разные типы крестьянских хозяйств: размеры их дохода и его источники, отношение к средствам производства, к использованию рабочей силы и к обеспечению ею хозяйства, площадь посева и роль в аренде, отход на сторону, платежи в казну, величина семьи,—словом все, вплоть до смертности, болезненности и грамотности. Воспользуемся для характеристики пролетарских, буржуазных и промежуточных хозяйств примерами из разных мест России (везде встретим сходство), а после приведем несколько общих цифр по всей России [2]).

Возьмем Вяземский уезд Смоленской губ. и разделим все крестьянские хозяйства на несеющие вовсе (их одна десятая), малосеющие—не больше трех десятин на хозяйство (таких целая четверть), среднесеющие—от трех до девяти десятин, таких 57 из каждой сотни,—и многосеющие—больше девяти десятин, таких $^1/_{15}$ всех.

Сколько приходится десятин всей пригодной для земледелия земли на хозяйство каждого разряда? Ответ будет такой: в 1900 г. на хозяйства несеющие приходилось $5^2/_3$ десятины, малосеющие—$6^4/_5$, среднесеющие—$11^3/_4$ и многосеющие—30 десятин. Мы видим, что средне-

---

[1]) В дальнейшем под «марксистами» имеется в виду РСДРП, исключившая впоследствии из своего состава ставших контр-революционными меньшевиков и переименовавшая себя в 1918 г. в РКП. Под «народниками» имеются в виду социалисты-революционеры. (Примечание 1925 г.)

[2]) Все сведения даны по сборникам соответствующих земских переписей, кроме особо оговоренных.

сеющее крестьянское хозяйство (то самое трудовое крестьянство, о котором мы говорили) в два раза больше хозяйств несеющих или малосеющих и почти в три раза меньше многосеющих хозяйств сельской буржуазии. Притом за 16 лет перед тем, в 1884 г., многосеющие имели еще только до 20 дес. на хозяйство, а несеющие и малосеющие по 7 дес. с лишним. Каждое многосеющее стало крупнее, каждое малосеющее стало меньше.

Это относится к собственной земле—надельной и купчей. Посмотрим распределение в 1900 году земли, арендуемой крестьянами вне своей общины, в Николаевском уезде Самарской губ.

На одно хозяйство несеющее приходилась одна десятина, на малосеющее—10 дес., среднесеющее—17½, многосеющее—35¾ дес. арендованной земли. Из несеющих в Николаевском уезде арендовали только три процента, из малосеющих—29%, среднесеющих—от 50 до 75%, многосеющих—до 90%. Иначе сказать, в то время как несеющие земли почти не нанимали вовсе, а из малосеющих арендовала лишь пятая часть, среднесеющие почти все пополняли арендой собственную землю до размеров, обеспечивающих вполне потребительское хозяйство (25 десятин на двор в этом районе),—поскольку у части их для этого своей земли нехватало. У многосеющих совокупность своей и арендуемой земли равна была 65 дес. на двор,—количество в 2½ раза превышающее размеры хозяйства, имеющего целью удовлетворение собственных потребностей. Тут уж, очевидно, хозяйство велось и расширялось преимущественно для целей торговых, для прибыли.

Наоборот, обратное отношение имело место при сдаче своей земли в аренду. Из каждых ста несеющих хозяйств Николаевского уезда сдавало свой надел весь или частью в аренду больше половины, то же и с малосеющими. Из среднесеющих сдавала только одна пятая, многосеющие не сдавали вовсе—на всей своей хозяйствовали сами. Таким образом, в то время как многосеющие еще приарендовывали землю, несеющие и малосеющие сдавали свою, не в силах были сами управиться с нею.

То же можно заметить и относительно числа безземельных хозяйств. Среди несеющих Вяземского уезда половина безземельных, среди малосеющих—1/50, у среднесеющих их почти нет, у многосеющих вовсе нет. Таким образом, половина несеющих хозяйств не сеет по очень уважительной причине—у них нет и земли, на которой можно было бы сеять. А за остальной половиной земля хоть и числится, но только числится—хозяйство на ней не ведется.

Несмотря на то, что почти в половине деревень была еще община, которая время от времени производила «уравнительные переделы»,—

влияние в деревне капитализма было настолько велико, что пролетаризованная часть крестьянства получала на деле меньше наделов, чем ей следовало бы по численности населения. Например, в Епифанском уезде Тульской губ. в тот же период на сто душ мужского пола у несеющих хозяйств приходилось 36½ наделов, на сто душ малосеющих до 70 наделов, среднесеющие получают уже 80, а многосеющие до 90 наделов. Иначе сказать, каждый мужчина из многосеющих хозяйств наделялся чуть ли не втрое лучше, чем из несеющих. Об уравнительности тут уж не приходилось говорить,—здесь место имела уравнительность не по отношению к людям, а по отношению к капиталу.

Можно было бы подумать, что различие в размерах земельных хозяйств зависит от того, что одни сельские общества вообще многоземельные, а другие—малоземельные. Но из только что приведенного распределения наделов видно, что тут разница прямо в числе наделов, получаемых крестьянином разного типа, безотносительно к величине самого надела. В Воронежском уезде из каждых ста семей 13 имели больше 4-х едоков на надел, 43 семьи—от 2-х до 4-х и 44 семьи—не свыше 2-х. Если принять во внимание, что один надел полагался на одного мужчину, то при равномерном распределении земли правильно было бы, чтобы у всех приходилось не свыше 2-х едоков на надел. Вместо того у необеспеченных число их доходило до 4-х. Другим примером может служить Чердынский уезд Пермской губ., где есть многоземельные общины бывших государственных крестьян с наделом почти в 6 десятин на душу и малоземельные общины бывших помещичьих крестьян с вдвое меньшим размером надела. И вот оказывается, что на каждые сто хозяйств имели меньше одного надела 14½ у многоземельных и 17 у малоземельных, имели от одного до трех наделов 75 у многоземельных и 72 у малоземельных и, наконец, имели более 3-х наделов по 11 у тех и у других. Как видно, разделение крестьян на слои имело здесь место в каждой группе деревень независимо от величины надела в той или иной из них.

И все эти цифры не есть что-нибудь случайное. Если взять сведения по всей России, то окажется следующее. В 1877 г. в 46 губ. Европ. России было 8 милл. 400 тыс. крестьянских дворов с 110 милл. дес. удобной земли. Из них малоземельных—до 10 дес. на двор—было 37% всего числа дворов, около трети, и у них было 18% всей земли, около шестой—вдвое меньше чем следовало бы по их численности. Хозяйств с 10—15 десятинами было 39%, и у них было 36% всей земли — почти столько, сколько и следует по среднему расчету. Хозяйств с более чем 15 десятинами было 24%, и у них 45% земли—почти вдвое больше сравнительно с их численностью. Уже тогда, сле-

довательно, четверть хозяйств пользовалась почти полозиной всех надельных земель. Сосредоточение деревенского хозяйства в руках сельской буржуазии и нарождение сельского пролетариата шли постепенно дальше, но охватывающих всю Европ. Россию обследований очень долго не производилось. Вот табличка по некоторым губерниям, относящаяся ко времени около 1890 г. [1]).

	Таврич. губ.		Орловск. губ.		Нижегородск. губ.		Пермская губ.	
Приходится на	50% дворов низшего разряда	20% дворов высшего разряда	50% дворов низшего разряда.	20% дворов высшего разряда.	50% дворов низшего разряда	20% дворов высшего разряда	50% дворов низшего разряда	20% дворов высшего разряда
Из 100 дес. арендованной земли	13,8	61,9	12,9	51,7	16,4	50,8	7,6	71
Из 100 дес. всей земли. .	23,8	49,0	24,9	38,2	30,9	36,5	19,2	49,6
Из 100 дес. посева. . . .	21,5	49,1	?	?	28,6	38,2	18,9	52,1
Из 100 дес. сданной в аренду	72,7	9,7	93	2,7	88,2	3,8	74	7
Из 100 улучшенных орудий	3,6	85,5	2,4	75,5	?	?	2	86,1

Из этого видно, что если в конце семидесятых годов XIX века 24% хозяйств сосредоточивали у себя 45% земли, к началу девяностых уже 20% хозяйств имели иногда и 49% земли, а арендованной даже 60—70%, и владели половиной всех крестьянских посевов. Им же принадлежали и почти все улучшенные орудия труда. Наоборот, вся почти сдававшаяся в аренду земля сдавалась 50% хозяйств низшего разряда, которые не имели средств для ведения на своей земле хозяйства.

Это интересно сравнить со сведениями профессора Мареса, по приблизительному подсчету которого тогда из 64 миллионов крестьянского населения 46 губ. Европ. России могли свободно продавать хлеб за покрытием своих издержек на пропитание и хозяйство лишь 10 с лишним миллионов, или 16%, а 33 миллиона, или больше половины остальных, не обеспечивали себе даже продовольствия. Им нехватало до

[1]) Ленин, „Развитие капитализма“.

200 миллионов пудов в год, и они прикупали у высших 16%, хлеб которых вместе с помещичьим вывозился и в города и за границу. 32% производили достаточно для себя, но не для продажи (без ущерба своему потреблению). Вот, например, в Николаевском уезде каждое несеющее хозяйство в общем ежегодно прикупало 67 пудов хлеба, малосеющее прикупало 38 пудов, а многосеющее в то же время продавало по 125 пудов в год. Разница между пролетарскими и буржуазными крестьянскими хозяйствами очевидна: одни покупали хлеб, другие продавали его.

В Пермской губ. (в Красноуфимском уезде), также в начале 90-х годов, хозяйства малосеющие продавали рожь осенью по 68 коп. за пуд и покупали ее весной по 72 коп. Среднесеющие продавали по 74 коп. за пуд, а покупали по 71 коп. Наконец, многосеющие продавали по 79 коп., а покупали по 66 коп. у тех же малосеющих. Разница в ценах между много- и малосеющими получалась большая. Многосеющие продавали, как предприниматели, желающие иметь прибыль. Они продавали сразу помногу, им выгодно самим свезти в город, они могут не торопиться, выждать время и получить высшую цены—79 коп. Малосеющие торговлей хлебом заниматься не могут, его нехватает на собственные потребности. Они продавали в случае крайности, например, когда приезжали за податями. Они продавали скупщику, часто своему же многосеющему соседу. Ждать было невозможно, им приходилось соглашаться и на 68 коп., чтобы зимой и весной снова покупать из заработанных тем временем на стороне денег уже по 71 коп. Одно хозяйство—многосеющего—торговое, другое—малосеющего—могло задаваться целью лишь собственного продовольствия.

Сведения о распределении земель находятся в полном согласии со сведениями о скоте и других средствах производства и об употреблении крестьянским двором своих рабочих сил.

В то время как у несеющих Вяземского уезда приходилась одна штука скота только на пять хозяйств, у малосеющих в каждом хозяйстве было не меньше двух голов, у среднесеющих не менее 4-х и у многосеющих не менее 7 голов. В Николаевском уезде у несеющих и малосеющих было по 2 головы на двор, у среднесеющих от 4-х до 10 голов и у многосеющих свыше 23 голов на двор—разница громадная.

Не следует думать, что это объясняется большим количеством людей в хозяйстве, вследствие чего и всего там больше. Если оценить в деньгах скот, постройки и орудия производства, то на душу обоего пола приходилось в Козловском уезде стоимости [1]):

---

[1]) По разработанному Черновым обследованию.

	Скота	Построек	Инвентаря	Умерших на 1.000 чел.	Из 1.000 дней потеряно по болезни
	В рублях				
У несеющих вовсе . . .	2,75	28,50	0,5	50	58
У сеющих от 6 до 9 дес.	20,00	33,5	7,4	44	13
У сеющих свыше 12 дес.	30,00	45,0	11,5	26	7

Здесь прибавлены еще некоторые сведения, показывающие, что уровень смертности и болезненности столь же значительно различается в этих разрядах, как и смертность и болезни городского пролетариата и городской буржуазии. Из таблицы ясно,—многосеющие хозяйства много сеяли не потому, что семья большая, но потому, что хозяйство другого типа (ибо все сведения приведены в среднем на душу, а не на двор). Земля сосредоточивается в тех же руках, в чьих сосредоточены средства производства. А если сложить стоимость всех средств производства, т.-е. скота, построек и орудий, то окажется, что на каждого члена семьи в несеющем хозяйстве приходилось 31 р. 75 коп., а в многосеющем 86 р. 50 коп.,—разница ясна.

Наиболее надежный признак, на основании которого хозяйство можно отнести к тому или иному разряду, это наличность и численность рабочего скота. Без рабочего скота крестьянин, понятно, не может действительно вести самостоятельное хозяйство. Он может еще пытаться нанимать чужой скот (натуральный кредит на ростовщических условиях), но чем больше будет запутываться в таких долгах и кабальных сделках, тем вернее придется в конце концов вовсе забросить или сдать свой надел и искать себе какого-нибудь заработка на стороне.

Если взять Николаевский уезд, то из всех несеющих хозяйств без рабочего скота оказывалось более 80%, среди малосеющих—около половины, из среднесеющих—одна двадцатая или тридцатая, а среди многосеющих не было их и одной трехсотой. При этом всех безлошадных было в 1888 г. 21% из всех хозяйств уезда, а в 1898 г. почти 26%, больше четверти.

Высший разряд крестьян, одна пятая всех крестьянских дворов, сосредоточивал в своих руках в Таврической губернии 42%, в Орловской—42%, в Нижегородской—46%, в Пермской—42% всего рабочего скота. Низший разряд крестьянских дво-

ров, половина всего их числа, имел в Таврической и Пермской губ. по 26% всего рабочего скота, в Орловской—18% и в Нижегородской—17% [1]). Здесь та же картина, как и с посевами. Сельская буржуазия сосредоточивала в своих руках чуть не половину всего рабочего скота.

Среди несеющих Вяземского уезда—безлошадных 95%, т.-е. почти все. Среди малосеющих их только 15%, из среднесеющих только трое на 200 дворов, из многосеющих не наберется и одного на сотню. Низший беспосевный разряд не имеет и лошадей. Очевидно, ему оставалось жить только продажей своей рабочей силы. Высший же разряд собрал в своих руках такую крупную долю земель, посева, скота, орудий, что своими силами не мог бы управляться с хозяйством и должен был нанимать рабочих. Цифры вполне подтверждают это заключение.

В то время как из несеющих и малосеющих хозяйств Николаевского уезда в 1898 г. нанимал сроковых рабочих лишь 1%, среднесеющие (трудовые) хозяйства пользовались наймом в 7-ми или 8-ми случаях из ста, а из многосеющих нанимали работников 44%, т.-е. почти половина многосеющих хозяйств велась с помощью наемных рабочих. В Вяземском уезде процент малосеющих, нанимающих рабочих, стал за 16 лет, с 1884 г. до 1900 г., на 4 меньше, а многосеющих на три больше, т.-е. одни хозяйства становились здесь все более предпринимательскими, употребляющими чужую наемную силу, а на другом конце замечалось обратное развитие.

В Таврической, Орловской, Нижегородской и Пермской губерниях высший разряд в $^1/_5$ всех дворов нанимал больше половины, до $^3/_4$ всех нанимаемых там рабочих. Низший же, равный половине всех дворов, нанимал только от $^1/_{12}$ до $^1/_6$ части. Высшие хозяйства—многопосевные и многолошадные—являлись преимущественно, иногда почти сплошь, хозяйствами с наемными рабочими, низшие же—безлошадные и одно-лошадные, беспосевные и малопосевные—держали рабочих лишь в виде исключения.

Наоборот, отпускали из своего хозяйства работников в наем в чужие хозяйства в Николаевском уезде из несеющих—половина, из малосеющих—пятая, из среднесеющих—тридцатая часть, многосеющие почти не отпускали вовсе. Если перевести всю рабочую силу на деньги, то окажется, что в Козельском уезде из каждых 100 руб. оборота рабочий силы у несеющих приходилось на свое хозяйство 8 руб., а на чужие хозяйства 92 руб. Иначе сказать, несеющие безлошадные жили почти

---

[1]) Ленин, «Развитие капитализма».

исключительно работой в чужих хозяйствах. У малосеющих однолошадных на свое хозяйство приходилось 43 руб., на чужие—57 руб., все еще больше чем наполовину и они жили наемной работой, и лишь на другую половину—своим кусочком земли, своей лошадью.

Наоборот, у многосеющих на свое хозяйство приходится 66 руб., больше $^2/_3$. В Таврической, Орловской, Нижегородской, Пермской губерниях высший разряд отпускает всего $^1/_8$ всех рабочих, а низший—от $^3/_4$ до $^9/_{10}$ [1]).

Не в силах будучи полностью обеспечить свое существование работой на своей надельной земле, «трудовое крестьянство», все эти среднесеющие, бросалось на аренду. Но что делать тому, у кого нет ни рабочего скота, ни других средств производства, как он может рассчитывать поправить арендой свое положение, когда принужден забросить и свой участок? Ему оставалось заняться только промыслами, т.-е. либо стать наемным рабочим у соседа многолошадного или у помещика, либо переселиться в город искать работы вне земледелия, либо, удержав за собой дом на родине, уехать на лето на сельскохозяйственные работы на юг, уйти на постройки на лето, на рубку дров в лес на зиму, в извоз и т. д., или у себя в деревне работать на скупщика, изготовляя из кредитуемых материалов какие-нибудь сапоги и колеса или другие предметы сельского кустарного производства. Всем этим в значительной мере приходилось заниматься даже и среднесеющим, потому что мы видели, что дохода на все поборы и жизнь им сплошь и рядом нехватало и от своей земли и от арендуемой вместе.

Занималась промыслами и сельская буржуазия, все эти многолошадные, и многопосевные. Но только их занятия уже другого характера. Низшие разряды — безлошадные, однолошадные — могли заниматься промыслами на месте и отхожими промыслами только в качестве рабочих—кроме своих рук у них ничего не было. Высшие же разряды опирались на сосредоточение ими у себя средств производства и капиталов, занимались промыслами уже в качестве хозяев и предпринимателей—заводили торговопромышленные заведения, открывали лавки, трактиры, делались скупщиками хлеба, ростовщиками, раздавали работу кустарям и т. п.

Из всех торговопромышленных заведений в деревнях Орловской и Нижегородской губ. в руках высшего разряда сельской буржуазии ($^1/_5$ всех дворов) было по целой половине; наоборот, целой половине

---

[1]) Сводка земских данных В. И. Лениным в той же книге («Развитие капитализма»).

крестьянских дворов этих губерний (безлошадным и однолошадным) принадлежало меньше 1/5 всех торговопромышленных заведений.

Если взять среднее (трудовое) хозяйство Воронежской губ. с двумя головами рабочего скота и сравнить его с тамошним хозяйством без рабочего скота—с одной стороны, и с имеющим более 5 голов—с другой, то окажется следующее [1]). Из всех расходов, включая сюда и уплату податей, такое хозяйство расходовало деньгами только две пятых, а оба крайние—по три пятых. Это значит, что в этот период среднее хозяйство еще целых 60% своих потребностей удовлетворяло натурой, произведениями собственного хозяйства. А безлошадные и многолошадные—только 40%. То же верно и относительно доходов. Отсюда видно, что если среднее трудовое крестьянство жило в конце XIX века еще преимущественно продуктами своего хозяйства, зерном и пр., то сельский пролетариат и полупролетариат жил уже преимущественно продажей своей рабочей силы, а сельская буржуазия—торговлей предметами своего хозяйства.

Перед нами вырисовывается ясная картина русской деревни середины 90-х годов XIX века. С одной стороны, имелись крестьянские дворы без рабочего скота, без посевов, по большей части без орудий производства, живущие исключительно или преимущественно продажей своей рабочей силы. Это—рабочее крестьянство. Если у некоторых из них, у малосеющих, однолошадных, осталось немного собственной запашки, то сбор с нее служил для собственного употребления, они не продавали, а прикупали хлеб, они не были хозяевами-предпринимателями и не могли быть ими по неимению средств. Даже когда у них есть земля, они—батраки с наделом. Одни из них, не имея ни орудий, ни средств для обработки земли (безлошадные, беспосевные), сдавали ее в аренду или забрасывали и уходили совсем на фабрики, в города, делались постоянными сельскохозяйственными рабочими и т. п. Другая же часть, однолошадная и малосеющая, сохраняя еще собственную запашку, подчас по бешеным ценам приарендовывала землю, в надежде поправиться, пробиться, посылала кого-либо из членов семьи ежегодно на промыслы, летом миллионами уходила на юг на сезонные сельскохозяйственные работы, на постройки и т. д. Один и тот же человек бывал полгода рабочим, полгода крестьянином, бьющимся над своим участком. Но торговцем хлеба, предпринимателем ради прибыли, он не являлся вовсе. Только влияние крепостнических поборов могло принудить его понести на рынок (для уплаты налогов) тот хлеб, которого нехватало и для себя,—с тем, чтобы весной при-

[1]) Из книги Щербины, «О бюджете воронежских крестьян 1896 г.».

купить опять по более дорогой цене. Вот класс сельских пролетариев, безлошадных, бесхозяйных, и полупролетариев, отчасти однолошадных, но с ничтожными посевами.

С другой стороны, многолошадная, многопосевная сельская буржуазия. Она составляла каких-нибудь 10—15% всех дворов, но непосредственно сосредоточивала в своих руках значительную часть,—до трети и больше,—всего земледельческого крестьянского производства. Она являлась нанимателем, скупщиком, ростовщиком для остальной деревни, владельцем торгово-промышленных заведений, одним из главных приобретателей распродающихся дворянских земель и значительным арендатором. В дореволюционной русской деревне противостояли друг другу, следовательно, уже вполне оформившиеся крестьянский пролетариат и крестьянская буржуазия. Одни покупали, другие продавали, одни нанимались, другие нанимали. Интересы их были противоположны, и примирения между ними быть не могло. Их по отношению к внешнему миру сближала только общая неприязнь к помещику, к «барину».

Посредине между этими группами стояло так называемое трудовое крестьянство, для которого земледелие в своем хозяйстве являлось главным занятием и источником средств к жизни, хотя уже и не единственным. Чтобы удержаться на земле, с каждым годом принуждено оно было все более и более заниматься отхожими промыслами, отхожими работами и лишь в исключительных случаях могло пробиваться вверх в ряды сельской «аристократии». Гораздо чаще неурожай, пожар, падеж скота, увеличение сборов, случайная потеря одного из работников выводили его из состояния неустойчивого равновесия и бросали в ряды полупролетарских и пролетарских слоев деревни.

Не будучи в силах обеспечить большую прочность своему хозяйству поднятием его производительности по причине крепостнических поборов, такой средний крестьянин в то же время удерживал еще свое хозяйство за собой—ценой недоедания и чрезмерной работой. Хотя размер аренды на каждое хозяйство этого слоя значительно меньше площади, арендуемой крестьянской буржуазией, но в целом до половины площади арендуемых земель занято было крестьянами этого разряда. Это «середняцкая» или «трудовая» аренда—аренда для потребления, в отличие от предпринимательской аренды—для прибыли сельской буржуазии.

Каковы были перед революцией приблизительные размеры каждого из этих слоев населения русской деревни, каковы их особые интересы, требовавшие устранения крепостного гнета, и какое значение для каждого из них могло иметь коренное земельное преобразование

в смысле такого устранения? Ответив на эти вопросы, можно оценить сравнительное значение и особенность интересов каждого из этих классов и уяснить классовое значение постановки крестьянского вопроса обеими спорящими за влияние на деревню партиями—марксистами и народниками.

6.

В 1914 г. в тех же 50 губ. Европейской России жило всего 136 милл. чел., в том числе 25 милл. в городах и 111 милл. вне городов, в уездах. Из внегородских жителей 16 милл. чел. приходилось на неземледельческое население (фабричные с семьями, ремесленники и т. д.), $2^1/_2$ милл. чел. на семьи крупных землевладельцев, имеющих каждый свыше 50 десятин, затем $2^1/_2$ милл. на разных кочевых калмыков и т. п. и наконец девяносто милл. человек (свыше $14^1/_2$ милл. семей)—на все остальное население, занимавшееся сельским хозяйством, т.-е. на мелких крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих.

Больше двух третей крупных землевладельцев в упомянутом смысле (т.-е. имеющих более 50 дес. крупных крестьян и других владельцев) тоже принадлежало к крестьянскому сословию (крестьяне, казаки, колонисты) и обычно продолжало жить в деревнях и лично работать в своих хозяйствах, как прочие крестьяне, но только нанимая еще по нескольку рабочих.

С другой стороны, наемные сельскохозяйственные рабочие—это не кто иной, как разорившиеся крестьяне, потерявшие землю и лошадь, прекратившие свое хозяйство и ушедшие наниматься в чужие люди, или отдельные члены полупролетарских семей, отпущенные на заработки. Когда говорится о «крестьянстве», то часто смешиваются вместе все 93 милл. чел., все три части, которые надо различать:

1) крупно-крестьянская сельская буржуазия, сама нанимающая рабочих; 2) сельскохозяйственные наемные рабочие, которые вовсе не ведут самостоятельного крестьянского хозяйства; 3) живущее своим трудом «настоящее» мелкое трудовое крестьянство, имеющее собственное хозяйство, иногда еще прирабатывающее на стороне, но не нанимающее рабочих (так называемый «средний» крестьянин).

Из всех земледельческих семейств (в которые входили эти 93 милл. человек) по военно-конской переписи 1906 г. многолошадных (имевших три, четыре и более лошадей) оказалось только 9%, и владели они третью всех лошадей.

В середине 90-х годов XIX века собирали в 46 губ. Евр. России

хлеба достаточно для продажи без отказа в удовлетворении своих потребностей 16% всего крестьянского населения (Марес).

К середине 90-х годов, по приведенным выше сведениям, повидимому, до 20% дворов сосредоточивало свыше трети всех посевов на надельной и арендованной земле.

По этим данным численность сельской буржуазии в это время можно определить не менее 10% и не более 15% всех дворов.

С другой стороны, имелись налицо совершенно пролетаризованные безлошадные и беспосевные дворы.

При освобождении крестьян от крепостной зависимости безземельных было только 6,7%. Затем в 1877 г. низший разряд составлял 10% всех дворов и имел 3% всей земли. Следовательно, тогда количество безземельных во всяком случае не достигало еще десятой части всех.

Через 30 лет развития в деревне товарного хозяйства процент безземельных, беспосевных, бесхозяйных вырос в огромных размерах и по отношению ко всему наличному крестьянскому населению русской деревни в 1906 г., по сводной работе Лохтина, достигал не менее 20%. Этим можно измерять успехи товарного перерождения и классового разложения русской деревни за это время. В 123 уездах, о которых по земским переписям были к этому времени подробные сведения, из числа наличных дворов 7,1% (1.204 тыс. дворов) вовсе не имели уже наделов. Затем из имевших наделы—10% совершенно бесхозяйных. И наконец 13,1% частью сдают свой надел другим в аренду, частью обрабатывают его наймом скота и орудий на кабальных условиях и т. п. Не считая даже обрабатывающих наймом, все же около 20% всех семей уже совершенно не занималось самостоятельным хозяйством, «перешло на пролетарское положение».

Таким образом, до пятой части русского крестьянства оказалось уже вовсе без земли. Те из них, кто имел право на общинную землю, забросил ее: или сдал в аренду, или просто оставил миру. Мало у кого из неимевших земли нашелся бы рабочий скот, с помощью которого они могли арендовать другие земли и вести на них хозяйство. Вот какие данные имеются о лошадях:

По военно-конской переписи 1882 г. безлошадных было около одной пятой, по переписи 1888—91 гг.—уже несколько свыше четверти, и, наконец, по переписи 1912 г.—уже до 32%, целая треть всех дворов. Но надо принять во внимание, что часть безлошадных в южных губ. снабжена была рабочими волами, заменяющими там лошадь, так что надо считать около 30%.

Сведения о безлошадных и безземельных подкрепляются еще дан-

ными о числе крестьян, главным занятием которых была наемная работа. В сельском хозяйстве статистики насчитывали таких перед революцией одну шестую взрослого мужского крестьянского населения. Из них не менее половины занято не в помещичьих хозяйствах, а в хозяйствах крестьянской буржуазии.

Затем очень значительное число считается крестьян, не покинувших совершенно своего деревенского дома и занятых в других отраслях наемного труда. Из 40 губ. Евр. России, по данным 1911 г., ежегодно уходило, напр., в одни только строительные (считая постройку дорог) промыслы 2.345 тыс. крестьян. Об остальных 10 губ. сведений нет, и оттуда такой отход незначителен (по обследованию Комитета по заселению Амурского края). В общем на сельский пролетариат в подлинном смысле этого слова, как на класс, не ведущий собственного хозяйства и живущий продажей своей рабочей силы, нужно было отнести в это время не менее 20% деревенского населения.

Остальные 65%—70% (свыше 65 милл. чел.) составляли, во-первых, мелкое «трудовое» крестьянство (так наз. «середняки») и, во-вторых, большая часть малопосевного слоя, являвшегося полупролетарским, примыкавшего по своему положению к сельскому пролетариату и живущего не столько обработкой своей земли, сколько работой на стороне в чужих хозяйствах. Ежегодно на зиму отправлялось в леса до 2 милл. закабаленных подрядчиками крестьян, летом занимавшихся своим хозяйством. Каждый год еще другие миллионы двигались на сельские работы, на уборку хлебов в Новороссию, на Северный Кавказ, за Волгу, и многие успевали вернуться на свои участки в более северные губернии, где эти работы начинаются позже. Другие в виде подсобного промысла занимались извозом, уходили в города как строительные рабочие (свыше миллиона), судовые (двести тысяч), чернорабочие, разносчики и т. п. Каждый год 8—9 миллионов крестьян брали в волостях паспорта и билеты на отлучки в поисках за работой. Не менее трех четвертей однолошадных и малопосевных, по вычислению Вл. Ильича, жило, таким образом, наполовину наемным трудом. Да прибегало к нему часто и более высоко стоящее «трудовое» крестьянство. Прибавим, что по конской переписи в 1912 г. в России числилось около 30% однолошадных.

Таким образом по всем этим, конечно, только приблизительным расчетам, можно было бы насчитать около 10% крестьянской буржуазии, около 20% деревенского пролетариата, процентов 20 полупролетариата и до 50% трудового крестьянства. Следовательно, в нашей деревне рабочее и полурабочее население составляло величину не очень многим меньшую, чем трудовое крестьянство. Прибавим, что,

согласно с этим, по сведениям, впрочем, сомнительной точности, собранным минист. финансов, все годовое производство земледелия лишь наполовину превышало сторонний заработок крестьян.

Особенностью распадения деревни на разные классовые слои было то, что в некоторых случаях можно было установить географические районы, с преобладанием того или иного слоя, хозяйственно между собою связанные.

В России есть такие местности, которые являются преимущественно царством крупного крестьянства, как, напр., Заволжские губ., Донская и губернии юго-востока, где величина надела в 1904 г. достигала 20—40 дес. на двор и выше. Наоборот, в других районах сосредоточено преимущественно мелкое и полупролетарское крестьянское хозяйство, как губернии центрального района, где на двор приходилось 7—8 дес. В экономическом отношении эти районы, взятые вместе, представляли одно целое, так как области с мелко-крестьянским хозяйством являлись постоянными поставщиками рабочих для крупно-крестьянских районов. В других же областях России расслоение крестьянства имеет характер преимущественно не между областями, но внутри каждой области. Таково распадение крестьянства на почве промыслов—на севере, на почве земледелия—на юге.

Разложение экономически однородного крестьянства под влиянием торжества товарного производства в русской деревне стало таким образом уже до революции свершившимся фактом, с каждым годом все расширявшимся и углублявшимся. Однородного русского крестьянства уже не существовало. Трудовое, хозяйствующее, самостоятельное мелкое крестьянство не составляло теперь уже подавляющего большинства в русской деревне. Деревня втянулась в товарный круговорот. Все меньше становилось хозяйств, не входящих в круг капиталистического производства, все больше связывались с ним: одни—продажей своей рабочей силы, другие—продажей товаров. Спрашивается, как отражалось на развитии товарного хозяйства вообще и на отдельных классах деревни в частности существование крепостнических поборов?

Не говоря уже о безлошадной и безземельной части крестьянства, для всего мелкого трудового слоя, для всех арендаторов по нужде никакое улучшение земледельческого производства при таких условиях было невозможно. Раньше мы подробно останавливались на том, какими приемами крепостники и наш двуликий Янус отбирали налогами и арендой от крестьянина все, что он мог бы обратить на улучшение производства (глава 2-я). Под давлением необходимости, под напором требования богатого соседа, крепостника и казны мелкий кре-

стьянин тащил на рынок даже последнее яйцо из-под курицы, тащил хлеб, который ему приходилось зимой покупать обратно. Он не мог обеспечить себя улучшением производства на своей земле по недостатку средств, и потому единственным выходом для него было—расширять площадь своего землепользования.

Такое положение приводило к страшному повышению арендных цен. Мы видели, что какой-нибудь мелкий крестьянин платил за аренду земли не столько, чтобы оставить себе чистый доход с этой арендованной земли, но все, что он мог отдать сверх пополнения того недостатка в жизненных средствах, который ему нужно было покрыть (в дополнение к части издержек своего существования, покрывавшейся им от хозяйства на своей надельной земле). А из этого следует, что, где имели место такие условия, землевладельцу гораздо выгоднее было сдать свою землю по «голодной цене» крестьянину, чем вести на ней самому капиталистическое товарное хозяйство наемными рабочими. В самом деле, при ведении своего хозяйства ему пришлось бы оплачивать более или менее полное содержание наемных рабочих, и ему осталась бы только прибыль сверх этого. У крестьянина же арендатора он мог забрать не только эту прибыль, но и часть издержек его содержания—ту часть, которая этому арендатору оставалась от его собственной надельной земли. Вот, напр., Орловский уезд: здесь вся арендуемая крестьянами пашня давала в год, не считая стоимости семян и удобрения, двести семьдесят одну тысячу рублей. Арендная плата составляла двести сорок пять тысяч. Крестьянству оставалось всего 26 тысяч рублей, какая-нибудь десятая доля. Между тем, если бы помещики обрабатывали эту землю за свой счет, то наем рабочих и инвентаря обошелся бы им по местным ценам в сто семьдесят восемь тысяч (все по данным того же Комитета 1903 г. под председательством Витте). Иначе сказать, помещики получали бы на полтораста тысяч меньше, чем при господствовавшем порядке. Следовательно, крепостнический гнет над мелким крестьянством делал ведение улучшенного капиталистического хозяйства менее выгодным, чем сдачу крестьянам земли в кабальную («голодную») аренду. Этим останавливалось развитие земледелия, развитие производительности труда не только на крестьянских землях, но и на помещичьих.

Только тогда мог бы крупный владелец предпочесть собственное хозяйство крепостнической аренде, когда производительность труда в собственном капиталистическом хозяйстве была бы настолько выше, что, даже и оплатив полностью содержание наемного рабочего, оставила

хозяину больше, чем он получил бы от низкой производительности арендующего крестьянина, хотя и принужденного оставлять себе только часть содержания наемного рабочего. Для того, чтобы такое хозяйство могло возникнуть рядом с крепостническим использованием своих земель, нужен был слишком быстрый и крупный подъем производительности (доходности), сплошь и рядом при господствовавших почти до конца XIX века низких ценах на хлеб бывший невозможным.

Там, где имела место собственная помещичья запашка наемными рабочими, она всегда давала в России с десятины больше пудов хлеба, чем при хозяйничаньи крестьянина. Потому что крестьянин был беден, удобрял поле простым навозом, работал простыми дешевыми орудиями, не успевал во-время делать нужные работы, потому что занят был другими—одни руки, не разорваться. А помещик был богат, он покупал искусственное минеральное удобрение, он покупал сложные, дорогие, хорошие орудия, он нанимал столько рабочих, чтобы ни одна работа не стояла оттого, что руки заняты другою (многочисленные опыты показали, что на всем юге России крестьяне должны были получать меньший урожай по одному тому, что всегда неизбежно запаздывали против помещиков с некоторыми полевыми работами).

По этим причинам помещик всегда мог у нас получить больше пудов хлеба с десятины, если завел свое капиталистическое хозяйство, чем сколько получалось хлеба с его земли, когда он сдавал ее в аренду крестьянину. Но когда цена на хлеб была низкая, помещик получал от этой разницы меньше лишнего дохода, чем сколько он мог выжать с арендующего крестьянина. С арендующего крестьянина он получал, правда, прибыль за меньшее количество пудов. Но крестьянин отдавал помещику не только эту прибыль, крестьянин отдавал еще значительную часть того, что следовало ему за труд обработки земли (вспомните гл. 3-ю). Между тем, еслиб помещик вел капиталистическое хозяйство, он должен был бы платить своим наемным рабочим полностью за их труд. Ведь наемный рабочий не вел еще особого самостоятельного хозяйства на собственной земле, от которого он получал бы часть необходимых ему для жизни средств. А арендующий крестьянин это делал, и потому помещик мог отнимать у него не только прибыль, но и часть оплаты его труда (потому такая аренда и называлась кабальной, т.-е. не только невыгодной, но и фактически принудительной для крестьянина, в силу независевших от него условий).

Пока цены на хлеб были низки, помещикам выгодней было отнимать у арендатора значительную часть оплаты его труда, чем получать незначительную прибыль за добавочные пуды хлеба, какие можно

было бы извлечь из земли при капиталистическом хозяйстве. Потому в то время очень малая часть помещиков вела капиталистическое хозяйство—лишь те, имения которых находились в особо благоприятных для этого условиях. После долгого, четвертьвекового периода низких хлебных цен—в Европе во второй половине девяностых годов XIX века началось вновь сильное и прочное повышение хлебных цен. Оно быстро оказало отраженное влияние и на Россию,—настолько существенное вообще, что с этих пор можно считать начало нового периода истории русского земледелия. В частности постепенно, когда цены на хлеб повысились, дело переменилось и с характером использования помещиками принадлежавших им земель. Оказалось, за добавочные пуды хлеба, какие можно извлечь из земли путем капиталистического хозяйства, стало получаться теперь куда больше дохода, чем можно было отнять у арендующего крестьянина из оплаты его труда. Поэтому помещики стали заводить и расширять капиталистическое хозяйство на своей земле, перестали сдавать ее в аренду, в разных местах не раз возникали из-за этого крестьянские беспорядки. А те помещики, которые не имели свободного капитала для заведения собственного хозяйства на своей земле,—стали ее усиленно продавать. Потому что продажная цена ее определялась уже тем крупным доходом, какой могло бы дать капиталистическое хозяйство на ней, а не тем менее крупным доходом, какой давала сдача ее в аренду крестьянам. Значит, обратив свою землю в деньги (продав ее), такой помещик получал бы с этих денег потом больший доход, чем сколько он получал арендной платы от крестьян[1]).

Так случилось, что за последние 20 лет перед революцией 1917 г. соотношение между площадью капиталистического хозяйства (наемными рабочими) и площадью крепостнического хозяйства (аренда) в крупном землевладении все изменялось в пользу капиталистического. Крепостнические землевладельцы таяли с двух концов: одни сами превращались в капиталистических, а другие продавали свою землю, делались денежными капиталистами и тоже, значит, переставали быть заинтересованными в обязательном поддержании всей системы русского крепостничества, экономического и политического. Эта постепенная потеря царизма его общественной опоры в немалой степени облегчила его низвержение в феврале 1917 г.

Конечно не все непокрытые лесом пригодные для сельского хозяйства земли находились под посевом. Из 202 милл. дес. сельско-

---

[1]) См. подробнее во второй части этой книжки: «Русское земледелие эпохи высоких цен. 1897—1917 гг.».

хозяйственной площади Европ. России (50 губ.) в 1914 г. засеяно было 82 милл. дес., под паром находился 41 милл. дес., под лугами — 22 милл. дес., остальное—под огородами, пастбищами и т. д. Как указано в гл. 2-й, на четырех пятых сел.-хоз. площади велось хозяйство мелко-крестьянского типа и на одной пятой—предпринимательское, буржуазное. Средний сбор всех хлебов с десятины (1914 г.) составлял в хозяйствах мелко-крестьянского типа—40 пудов, а в хозяйствах капиталистических (предпринимательских, ведущихся наемными рабочими)—56 пудов, т.-е. на 40% больше.

Вследствие особенно плохой обработки четырех пятых земли (неглубокая вспашка, отсутствие минерального удобрения, несвоевременность работ и т. д.), русское земледелие было гораздо чувствительнее к неблагоприятной погоде, чем европейское. От плохой погоды у нас наступал большой неурожай, а в Европе только небольшое уменьшение урожая. Если взять средний урожай за четверть века до 1910 г. (Иванцов), то окажется, что в России ежегодное колебание, отступление от него составляло в среднем 17%, в средневолжском районе—даже 36%, а в Англии—только 7%, в Германии—тоже только 7%. Для европейцев земледелие—дело прочное, устойчивое, а в нашем мелко-крестьянском хозяйстве—какая-то азартная игра на риск, «как бог пошлет».

Несомненно таким образом, что в русских условиях капиталистическое хозяйство на помещичьих землях приносило бы больше хлеба, чем сдача их в аренду крестьянам. Но раз рядом стояло малопроизводительное мелкое хозяйство, легко поддающееся крепостническому обиранию, то не было места для успешного и быстрого развития высокого производительного капиталистического хозяйства в земледелии.

Но это еще не все. Рядом с арендой мелкого крестьянского хозяйства, преследующего цели своего существования, цели продовольствия, существовала еще аренда крупного крестьянского хозяйства. Крупный крестьянин арендовал землю сплошь и рядом уже не по нужде, а ради расширения своего хозяйства и своих торговых оборотов. Крупный крестьянин, у которого не было такой крайности, не давал и такой высокой цены. Чем меньше были арендные участки, тем выше была арендная плата с десятины. Например, в Рязанском уезде малоземельные (до 3-х дес.) платили с десятины 11 руб. 21 коп., среднеземельные (от 3-х до 5 дес.)—уже только 6 р. 50 к., а имеющие более 5 дес.—лишь 5 р. 77 к. В то время, как арендатора по нужде помещик заставлял брать землю обычно погодно, на один урожай,—арендатор ради прибыли стремился обеспечить себе более прочное пользование землей, а помещик должен был соглашаться на долго-

срочную аренду и притом по более дешевой цене. В Херсонском уезде за погодную аренду платили с десятины 8 р. 76 к., при долгосрочной—только 5 р. 52 к. В Александровском при годичной—9 р. 96 к., при долгосрочной—6 р. 28 к., то же и повсюду, разница более половины (все по земским обследованиям 90-х годов).

Однако, существование рядом крепостнической аренды ради продовольствия чрезвычайно затрудняло подъем производительности труда и на крупно-крестьянской аренде. Благодаря соперничеству со стороны арендаторов по нужде, арендаторы ради выгоды все же должны были уплачивать столь высокие поборы, что значительное усовершенствование земледелия делалось невозможным и для них. Они только меньше терпели убытков, чем мелкие арендаторы, т.-е. они удерживали у себя больше из заработной платы, которую пришлось бы платить помещику при обработке за свой счет. Так в том же Александровском уезде при чистом доходе (за вычетом хозяйственных расходов) в 3 руб. 98 коп. с десятины, убыток краткосрочного арендатора составлял 6 руб., а убыток долгосрочного—только 2 руб. 30 коп. с десятины (при чем под убытком здесь имеется в виду недополученная заработная плата, какую они получили бы, если бы были наемными рабочими).

Арендные цены вследствие увеличения крестьянской нужды все взгонялись вверх, все труднее делалось улучшение земледелия, и в некоторых местах России дело дошло до того, что даже и крупное крестьянское хозяйство стало разоряться, терять лошадей. В Таврической губ., напр., в 1889 г. за арендованную десятину платили 4 руб. 10 коп., через десять лет, в 1899 г.,—уже 10 руб. 20 коп. В Козельском уезде в 1885 г.—9 руб., через 10 лет, в 1895 г.,—уже 15 руб. 50 коп., и так повсюду.

Таким образом возможность крепостнического обирательства крестьян затрудняла повышение производительности труда и развитие хозяйства не только на землях трудового и пролетаризующегося (рабочего) крестьянства, но и на землях крупных крестьян (сельской буржуазии) и в частновладельческих имениях.

Поэтому развитие товарного хозяйства в русском земледелии не приводило к быстрому и значительному повышению его уровня, не создавало прочного, все расширяющегося рынка для торговли и промышленности в такой мере, в какой это возможно было без сохранения остатков крепостнических отношений.

Повышение хлебных цен с конца девятнадцатого века позволило, правда, крупному и отчасти среднему крестьянству несколько «стать на ноги», несмотря на царские порядки. Но зато тем хуже пришлось сельскому пролетариату и полупролетариату. Ведь безлошадный мало-

земельный крестьянин обычно не продавал хлеба, наоборот, принужден был еще прикупать его, потому что производил слишком мало на своем участке. Высокие цены на хлеб разоряли его еще больше. А таких крестьян вместе с сел.-хоз. рабочими было до 40% всего земледельческого населения. Наоборот, средний—и особенно крупный — крестьянин продавал хлеб, от повышения цен ему оставались избытки, он начинал улучшать свое хозяйство, начинал быть менее зависимым от приарендовывания помещичьей земли. Вот пример: За 1895—1915 гг. в 10 раз увеличились ежегодный привоз в Россию сельскохозяйственных орудий из-за границы и производство их внутри страны. Какая же часть деревни обновляла свое хозяйство, кто покупал эти орудия? В Херсонском земском складе в 1907 г. куплено всех усовершенствованных орудий:

засевавшими до 5 десятин	1 %
» от 5 до 7 дес.	4 »
» от 7 до 15 »	34 »
» больше 15 »	61 »

Так, примерно, было и везде. Надо заметить, что посев в 4 или 5 десятин соответствует крестьянскому хозяйству в 8 или 10 десятин остальное—пар и прочие угодья). Значит, подавляющее большинство крестьянства (с наделами до 10 десят.) купило лишь одну сотую этих орудий, а почти все остальное (95%) досталось сельской предпринимательской буржуазии, мелкой и крупной. Подобное же явление замечалось с использованием другого явления, сильно развивавшегося в деревне за десятилетие 1905—1915 гг.—я имею в виду кредитные кооперативные товарищества. В 1905 г. членами в них входило менее полумиллиона крестьянских семей, а к 1916 г.—уже свыше девяти миллионов. Целью их было—дать взаймы средства крестьянину для улучшения его хозяйства. Но у кого хозяйство было слишком мало, тому и средств доставалось мало, да и плохо можно их было в нем использовать. Взять, напр., покупку лошадей при помощи кооперативного кредита. По массовым исследованиям на основе земской статистики и изучения техники (Вихляев, Кудашев) оказывается, что в России в среднем рабочая сила одной лошади использовалась полностью лишь при площади посева в 4 или 5 десятин. А такая площадь существовала лишь в хозяйствах с 8—10 десятинами всей пригодной земли. Значит, если крестьянин, имевший меньше 8 десятин (а, как мы знаем, таких было большинство), покупал лошадь, то он даже не мог полностью выработать с нее доход, какой вырабатывал с такой же лошади кре-

стьянин, имевший 10 десятин или больше. Лошадь недостаточно окупалась в слишком мелком хозяйстве.

В результате широкое распространение в деревне кредитных кооперативных товариществ еще увеличило имущественное расстояние между низшими и высшими частями крестьянства. Сельскохозяйственные рабочие, не имеющие собственных дворов (домов), вообще не принимались по закону членами в сельские кредитные кооперативы. Безлошадные крестьяне, сохранившие дворы и даже наделы, участвовали в них гораздо меньше «настоящих» крестьян-хозяев, средних и крупных,—не было смысла. Напр., еще в 1907 г. в Уфимской, Воронежской и Оренбургской губерниях из всех безлошадных дворов участвовала в кредитных кооперативах только десятая часть, а из двухлошадных—целая четверть. Наконец, на каждого крупного крестьянина выдавалось обычно в несколько раз больше кооперативной ссуды, чем на мелкого, да это и понятно—крупный надежнее в глазах правления, он вернее и быстрее вернет ссуду и улучшит ею свое хозяйство, чем какой-нибудь малоземельный, который даже не сможет полностью воспользоваться рабочею силою лошади, если уж купит ее на полученную ссуду. Кредитные кооперативы находились преимущественно в руках верхнего слоя крестьянства, и их быстрое распространение служило признаком укрепления буржуазных отношений в деревне.

В результате—одни продавали свои земли, а другие выделяли их в особый цельный кусок из общих крестьянских полей, для того, чтобы завести там хозяйство лучшее, чем какое возможно при чересполосице с землями бедных крестьян и при подчинении одному обязательному для всей деревни севообороту, порядку уборки и т. д. Продавать и выделять таким образом единолично надельную землю разрешено было крестьянам лишь с 1 января 1907 г. («столыпинская реформа»). За девять лет, 1907—1915 гг., в 47 губ. Европ. России отмежевано фактически 1.300 тыс. крестьянских семей (дворов) цельными хуторами или отрубами 13 милл. дес. земли, т.-е. по 10 десятин на владельца. Продало же свои наделы около миллиона владельцев, в среднем по $3^1/_2$ десятины, втрое меньше, чем отмежевано. Очевидна разница между типами таких крестьян и раскол крестьянства на разные классы. В хуторяне шли более крупные, окончательно ликвидировали свою связь с землей более мелкие.

7.

Еще тяжелее отражалось господство крепостнических отношений на пролетаризовавшемся мелком крестьянстве и сельском пролетариате.

Крепостнический гнет создавал в России такие условия, что пролетаризовавшиеся крестьяне, для которых земледельческое хозяйство стало уже невыгодным, частью все-таки не могли бросить его и покрывали дефицит голодом и пр. Частью же, бросая свое хозяйство, они не находили удовлетворительного выхода, кроме бродяжничества и босячества, либо медленного и постепенного вымирания, и лишь отчасти находили себе прочное занятие в городе и т. п.

В самом деле, крепостнические поборы, лишая малоземельного крестьянина возможности улучшить свое хозяйство и этим обеспечить себя, в то же время делали невыгодным и маловыгодным на других землях более производительное хозяйство с большими затратами капитала и наемными рабочими. Отсюда получался заколдованный круг. Чем хуже приходилось малоземельному крестьянину на своем участке, чем более убыточным становилось для него его хозяйство, чем более ему приходилось покрывать недостатки голодовками—тем больше была потребность его в аренде помещичьей земли, тем выше росли арендные цены, тем затруднительнее становилось и на помещичьих землях развитие хозяйства с наемными рабочими и, следовательно, тем труднее было малоземельному найти работу вне своего хозяйства, тем труднее—оставить свое хозяйство ради наемной работы.

Заколдованный круг был замкнут. Чем хуже было мелкому крестьянству, тем больше приходилось цепляться ему за свою землю,—выхода не было. Чем больше он цеплялся за землю, тем больше она дробилась, тем больше ртов оказывалось при том же производстве, тем меньше приходилось на долю каждого. Голодовки, в первые десятилетия после отмены крепостного права, в 1860-х гг. случавшиеся лишь время от времени, через 40 лет стали почти постоянным ежегодным явлением то в той, то в другой части страны. Ни в одной стране не было в деревне такой массы работоспособного населения, излишнего сравнительно с существующей производительностью земледелия, как у нас в России. Число излишних мужчин рабочего возраста определялось официальными статистиками, приблизительно, в 6 милл. чел., т.-е .до $^1/_4$ взрослых мужчин. Единственным выходом было—развитие промышленности, которая поглотила бы часть этих рабочих сил, и сохранение в земледелии всех капиталов, которые высасывались из него крепостниками и которые, употребленные в земледелие, повысили бы его производительность (успешность) и этим обеспечили бы гораздо большую долю работоспособного населения.

Таким образом, на всех разоряющихся крестьян, на всех этих безлошадных и малопосевных, на все эти десятки миллионов полукрестьян-полурабочих крепостнические поборы влияли прежде всего тем,

что препятствовали им развязаться так или иначе со своим положением. Даже заработок сельскохозяйственного наемного рабочего был в то время в России выше дохода такого крестьянина или какого-нибудь арендатора по нужде, не говоря уж об еще высшем положении фабрично-заводского пролетариата. Напр., в Костромской губ., по бюджетным исследованиям 1910 г., средний дневной заработок взрослого мужчины в крестьянском сельском хозяйстве 38 коп., а в промыслах 59 коп. Но перейти к этому более выгодному заработку пролетаризующийся крестьянин сплошь и рядом не мог; а поскольку переходил—понижал его выгодность. Крепостнические поборы с земледелия стесняли развитие городской промышленности, крепостнические поборы стесняли развитие капиталистического хозяйства и в деревне.

Но так как положение было невыносимо, то эти крестьяне все же целыми массами покидали деревню и стремились на сторону. В 148 уездах 29 губ., по которым есть более подробные сведения, из всех 5.129.000 мужчин рабочего возраста (от 18 до 60-ти лет) уходило ежегодно из деревни на отхожие промыслы 2.798.000, т.-е. больше половины (50%). Половина из этого числа уходила в города и другие промыслы, половина же, как сельскохозяйственные рабочие, была занята в хозяйствах крупных крестьян и помещиков (по данным Комитета по колонизации Амурского края начала XX века). Половина всей деревни, все крестьяне-рабочие и полурабочие (пролетаризующиеся, обращающиеся в рабочих крестьяне), искала здесь выхода от тисков крепостничества в городской промышленности и сельском хозяйстве. Но последствия крепостнического гнета не оставляли их и там.

В городе они сказывались просто. При недостаточном развитии промышленности, она неспособна была поглотить все бегущее из деревни пролетаризующееся крестьянство. Желающих работать оказывалось гораздо больше, чем требовалось работы, голодный крестьянин соглашался на низкую плату и дурные условия труда. В Америке, в Австралии, в тех странах, где был введен 8-часовой или почти 8-часовой рабочий день, рабочие могли добиться этого только потому, что земледелие было там свободно от всяких крепостнических поборов. Свободная от феодального гнета земля обеспечивала там крестьянам и сельским рабочим гораздо высший уровень благосостояния. Прилив их в города не был таким напряженным и поглощался потребностями промышленности, развивавшейся на основе широкого и прочного рынка. Возросшая производительность труда дала возможность австралийским и американским рабочим при восьмичасовом труде получать втрое большее сравнительно с русскими вознаграждение. И в

России положение городских рабочих тесно связано с положением деревни. Когда жизненный уровень деревни поднимется, тогда деревенщина не будет и на фабриках соглашаться на ничтожную плату и дурные условия труда; когда жизненный уровень деревни поднимется, тогда пойдет вперед развитие и городской промышленности. Оно обеспечит рост и увеличение благосостояния городского пролетариата. Уничтожение крепостнических поборов с земледелия—такой же жизненный интерес для городского рабочего, как и для деревни.

Таким образом исторически и экономически неизбежный отлив населения из земледелия в промышленность и торговлю происходил у нас без серьезного повышения благосостояния переселявшихся в города «раскрестьянившихся крестьян» и даже с затруднением борьбы городских рабочих.

Наемный труд в сельском хозяйстве еще тяжелее чувствовал на себе влияние крепостничества. Сельских наемных рабочих перед революцией считалось в России не менее 4-х миллионов (считая сезонных), но положение их было хуже, чем где бы то ни было. Годовая заработная плата сельского рабочего в Германии была втрое больше, во Франции—вчетверо и в Англии—впятеро, чем в России. Низкая производительность труда и сравнительная маловыгодность капиталистического хозяйства, эти следствия крепостнического гнета, удерживали оплату русского сельского рабочего на ничтожной высоте.

Ярким примером этого могла служить связь между ценами на землю и заработком сельского рабочего. Чем больше была потребность в аренде, чем более крепостнический характер имели ее условия, чем выше, следовательно, была цена земли,—тем маловыгоднее было для помещика ведение своего хозяйства, тем меньше расположен он был вести хозяйство наемными рабочими, тем на худшие условия приходилось им соглашаться. Если взять все губернии с урожайностью десятину плата годовому сельскому рабочему была 50 руб. В четырех годовому сельскому рабочему составляла 60 руб. И, наконец, в 6 губ. губерниях со средней ценой земли 83 руб. 50 коп. за десятину плата годовому сельскому рабочему составляла 60 руб. И наконец, в 6 губ. с ценой земли в 71 руб. 33 коп. плата сел.-хоз. рабочему составляла 82 руб. в год. Иначе сказать, чем больше было влияние крепостнических отношений, чем выше была цена земли, тем хуже оказывалось положение сельских рабочих.

Такие платы имели место в конце 90-х годов XIX века. Но с тех пор и до начала мировой войны положение земледельческих наемных рабочих в России не улучшилось. Деньгами стали получать больше,

но так как все стало дороже, то жили не лучше прежнего. По официальным сведениям (Дроздов), поденная заработная плата пешему земледельческому рабочему в 50 губерниях Европ. России составляла в среднем:

за десятилетие 1891—1900 гг.	55,0 коп.
» 1901—1910 »	69,2 »

Плата в деньгах увеличилась на четверть. Но если посмотреть, сколько на эти деньги можно было купить ржи, то окажется следующее. Если бы весь свой недельный заработок (6 дней) батрак употребил на покупку ржи, то в первое десятилетие он купил бы 4 пуда 36 фунтов, а во второе—5 пуд. 4 фунта,—почти без перемены. За следующие 2 года (1911—1912) заработная плата опять поднялась (до 80 коп. в среднем), но поднялась и цена ржи.

Количество подобных примеров можно бы значительно увеличить. Но печальное положение русского сельского рабочего—вещь столь известная каждому, что об этом можно не распространяться.

В итоге крепостнические поборы, задерживая поднятие производительности труда в земледелии вообще, вместе с тем тяжелым бременем ложились на все слои русской деревни, кроме, конечно, самих крепостников. Особенно тяжелым делали они расслоение крестьянского населения на классы для теряющих хозяйственную самостоятельность, пролетаризующихся (обратившихся наполовину в рабочих) крестьян и для сельских рабочих. Хотя существование крепостнических поборов задерживало развитие товарного хозяйства и, следовательно, расслоение крестьянства (конечно, лишь до некоторой степени), но оно за то ставило самые широкие его слои в совершенно безвыходное положение и загоняло в какой-то заколдованный круг.

Вместо расширения хозяйства одних и увеличения спроса на труд других оказывалось очень часто просто общее обнищание.

Победа революции должна положить конец всем этим бедам, всему крепостничеству. И земледельческим наемным рабочим, и крестьянам, и всему населению России откроется дорога к лучшему будущему.

8.

Можно ли и нужно ли было революционным партиям бороться с расслоением крестьянства на классы, и что может дать такая борьба? Обе группировки—марксисты и народники—давали на это разный ответ.

Народники главную задачу видели все время именно в этом. Они

требовали раздела всей земли, имеющейся в России, поровну в пользование между всеми лично обрабатывающими землю без употребления наемного труда. Уравнительное пользование землей должно постоянно поддерживаться время от времени новыми уравнительными переделами. Крестьянам, если они пожелают, будет предоставлено соединять свои хозяйства, хозяйствовать целым товариществом (кооперацией). Но обязательно общей объявляется только собственность на землю, а отдельные крестьянские хозяйства остаются самостоятельными и независимыми одно от другого, и каждое из них так же существует продажей своих товаров на рынок, как и раньше. Предлагаемую ими меру народники называли «социализацией» земли. Таким образом «уравнительное землепользование» народников стремилось установить в русском земледелии исключительное господство мелкого крестьянского «трудового» хозяйства при одновременном сохранении товарного строя всего общественного хозяйства.

Как видим, под словами «социализация земли» отнюдь не следует понимать «социализм»—это совершенно различные понятия. Но в основе существования мелкого крестьянства —говорят народники —лежит его собственный труд на находящейся в его пользовании земле, и, предлагая меры в пользу расширения и укрепления крестьянского мелкого хозяйства, мелкого производства,—мы стремимся этим к победе трудового начала, дорогого и для наемных рабочих.

При этой программе все надежды сельских рабочих и полурабочих, всех пролетаризующихся крестьян должны быть основаны, понятно, не на дальнейшем расслоении деревни и победоносном усилении классовой пролетарской борьбы. Нет, пусть загорится в них надежда обеспечить свое положение в своем собственном самостоятельном хозяйстве на общественной земле. Этот лозунг объединит все крестьянство, считают народники, исключительное господство мелкого производства будет закреплено, крупные земледельческие хозяйства разрушены, наемный труд в земледелии запрещен.

Таковы те средства, какими думают помочь делу народники. Но всякая программа действий имеет смысл лишь постольку, поскольку ее можно согласовать с общим ходом исторического развития общества, с законами его развития.

Перемены в жизни человечества происходят не случайно, не по воле добрых или злых людей, но всякий раз на основании всего того, что достигнуто всем предшествующим развитием, и по тому пути, который определяется настоящим положением вещей и соотношением общественных сил. Вся история человечества есть история приспособления его к природе, ко всем условиям жизни, история стараний обеспечить

себе существование и возможность дальнейшего развития. История— развивающаяся путем борьбы между собой разных частей общества, в зависимости от места и роли их в производстве (борьба классов).

Насколько успешно общество может достичь этой цели, определяется во всякое время, в конце концов, состоянием его производительных сил, материальными условиями его существования. А из них орудия труда, вообще все средства производства и способ пользования ими составляют именно то условие, изменения которого вызывают изменения приспособления человечества к жизни по всей линии. Строй жизни людей, не имеющих в своем распоряжении других орудий, кроме топора, лопаты и лука, будет, конечно, совершенно иным, чем у общества с железными дорогами, пушками и паровыми машинами.

Развитие средств производства рано или поздно приводит к положению, когда замкнутое домашнее хозяйство превращается в товарное (гл. 4), а товарное принимает форму капиталистического, ведущегося в крупных размерах на основе извлечения капиталистом выгоды из труда наемных рабочих.

Хозяйство мелкого производителя втягивается в общий товарный круговорот, и в связи с этим все условия хозяйствования в нем совершенно меняются. Место продажи излишков заняла продажа всего производимого продукта. Многие связанные раньше с земледелием промыслы, как ткачество и другие, отпали от него и выделились в самостоятельные отрасли промышленности. У кого рост производства, величина урожайности на его участке растет и изменяется не так быстро, как где-нибудь на другом конце России, тот выручит от своего участка меньше, чем выручал раньше, меньше, чем выручают другие. Мировой и национальный рынки простирают теперь свое влияние на каждое единичное хозяйство, цена продуктов его определяется не рынком соседнего округа, но рынком всего мира. Для мелкого производителя доход от его хозяйства определяется не только тем, насколько велика урожайность на его участке, но и тем, насколько она отличается от успешности труда остальных хозяйств, находящихся, может быть, за тысячи верст, но участвующих в общем торговом обмене и, следовательно, в установлении цен.

А где же ему, мелкому хозяину, имеющему только руки и землю, самому по себе вводить такие улучшения и усовершенствования, какие в силах делать капиталистические хозяйства Англии и Америки? В капиталистическом обществе каждое товарное хозяйство должно стремиться к удешевлению изготовляемых предметов и к увеличению их количества. Когда вся жизнь хозяйства основана на сбыте товаров, тогда ему необходим возможно более широкий и прочный рынок сбыта,

чтобы обеспечить себе существование. И вот место прежней сохи и тому подобных орудий производства занимают усовершенствованный плуг и земледельческие машины, трехполье сменяется травосеянием, плодосменной системой полеводства, перестает пустовать под паром целая треть пашни и т. п. На каждый участок земли затрачивается больше капитала, но в результате получается настолько больше всяких продуктов, что большие расходы покрываются с избытком. Повысившаяся урожайность позволяет в большей степени удовлетворять потребностям все растущего народонаселения. Производство хлеба, мяса и других продуктов сельского хозяйства увеличивается не только благодаря расширению его площади, но и благодаря большей успешности труда на том же пространстве, в силу затраты больших средств на улучшение земледелия.

Пусть удастся какому-нибудь мелкому производителю, самому или соединившись с несколькими товарищами-пайщиками, улучшить свое хозяйство—тем резче сделается разница между ними и остальными, которые не в силах были пойти вверх и, следовательно, при товарном строе вынуждены пойти вниз и часто совсем исчезнуть из рядов самостоятельных предпринимателей. Или же, чтобы удержаться хотя бы внизу, они стараются приспособиться к рынку другим путем. Они делают для него свои товары доступнее—ценой сокращения своих требований. Собственным недоеданием и чрезмерной работой желают они покрыть недостаток капитала для поднятия земледельческого хозяйства на их участках. Но положение их остается весьма неустойчивым, и в России, как мы видели, оно в значительной степени поддерживалось существованием крепостнической эксплоатации, мешавшей развитию капиталистического хозяйства в земледелии. Иногда эти мелкие производители сохраняют свое хозяйство только в качестве подсобного занятия к главному отныне промыслу—наемному труду, стремясь производительностью своей запашки покрыть лишь некоторые свои потребности в предметах сельского хозяйства без вынесения их на рынок. Так прусские с.-х. рабочие в деревне имели свой «депутат», т.-е. жили постоянно в помещичьей экономии и лишь для надобностей домашнего хозяйства обрабатывали кусочек земли.

Раз Россия не являлась уже страной маленьких замкнутых друг от друга хозяйств, внутри себя удовлетворяющих свои потребности, но страной с товарным хозяйством, то в ней неизбежно происходило то, что и в каждой такой стране: экономическое падение самых слабых предприятий во всех отраслях народного хозяйства с превращением их владельцев в пролетариев, постепенное оттеснение на задний план в земледе-

лии крестьянских хозяйств прежнего типа, более быстрое сравнительно с земледелием развитие торговли и промышленности. Это сказывалось, между прочим, в том, что у нас, как и везде, соотношение сельского и городского населения все более изменялось в пользу городов. С 1884 по 1897 год население русских городов увеличилось на целую треть (33,8%, в то время как сельское население увеличилось всего на на одну восьмую (12,7%). За следующие 20 лет сельское население увеличилось наполовину, а городское вдвое. Естественный прирост городского населения путем рождения в 2 раза меньше сельского. А между тем оказалось, что на деле прирост городского населения в 3 и в 4 раза больше. Разница приходится на переселяющихся из деревень в города. Исследование переписей Н. Огановским показало, что ежегодно до полмиллиона человек переселялось из деревень в города (1914). Сверх того, переходили во многие внегородские неземледельческие промыслы (железные дороги, копи, рудники и т. д.) и, как сельскохозяйственные рабочие, в хозяйства крупных крестьян и помещиков. Полурабочие (пролетаризующиеся обращающиеся в рабочих крестьяне) искали выхода из тисков крепостничества в отхожих промыслах, в наемной работе в сельском хозяйстве и в городе. У нас этот процесс задерживался, как мы видели, тем, что крепостнический гнет затруднял полукрестьянину-полурабочему перемену своего положения и удерживал его в значительной мере в том же неопределенном переходном состоянии без надежды подняться и без выгодного выхода в другую сторону. Только небольшая часть безземельных и малоземельных могла находить исход в переселении в Сибирь (там мало пригодных свободных земель). Последние 15 лет перед мировой войной в Сибирь выселялось всего около четверти миллиона чел. в год в среднем.

Конечно, превратиться в предпринимателя, в сельского буржуа или в самостоятельного, независимого от рынка мелкого трудового крестьянина такой пролетаризующийся крестьянин не мог бы и при отсутствии крепостнических поборов. При существовании в стране товарного хозяйства могут сохраниться лишь те хозяйства, которые имеют и могут увеличивать свои средства производства, а независимым от рынка не может остаться никакое хозяйство. Но без препятствий развитию хозяйства со стороны крепостнических пережитков, по крайней мере, пролетаризующемуся крестьянину открывалась бы возможность найти более выгодную наемную работу, и, оставив свой клочек, на котором он не может держаться, он вошел бы совершенно в ряды наемного пролетариата. При крепостничестве же этого выхода перед собою он не видел, и ему оставалось только мечтать, как бы снова превратиться

в самостоятельного независимого мелкого хозяина, как бы попытаться остановить неизбежное развитие товарного производства. Начинаются требования соответственных законов («уравнительное землепользование» народников, «черный передел» крестьянских масс).

Но законодательные распоряжения, находящиеся в противоречии с потребностями экономической жизни, рано или поздно остаются только на бумаге, а жизнь идет помимо них.

В частности, русский крестьянин год за годом пользовался уравнительными переделами, как средством не допускать потери самостоятельности одними крестьянами и сосредоточения производства в руках других. С этой целью в большей части русских деревень время от времени производятся переделы всей принадлежащей обществу земли в уравнительное пользование между всеми членами общины. Собственно на бумаге общины с переделами лет 15 назад существовали свыше чем у четырех пятых крестьян. Но расслоение крестьян в некоторых местах зашло так далеко, что об уравнительности хозяйств там нечего было думать, пролетаризованному крестьянину нечем было бы обрабатывать землю, и переделы прекратились. По сведениям, собранным в 1904 году, в 24 губерниях, где на бумаге среди крестьян исключительно общинное владение, с уравнительными переделами было всего 129,2 тысячи селений. Из них за последние 15 лет перед тем (1889—1904 гг.) в 42 тысячах или в целой трети вовсе не было переделов, в том числе почти в 32 тысячах их не было уже до 40 лет. В 1917 г. по официальным сведениям система переделов сохранилась уже не у двух третей, а приблизительно у половины все крестьян. Но, как мы уже показали цифрами (гл. 5), эти уравнительные переделы вовсе не помешали трудовому крестьянству сократиться до половины русской деревни и выделить из себя сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

Оно и понятно. Если объявить имеющим право вести на таком-то участке земли самостоятельное хозяйство человека, не владеющего достаточным для этого капиталом или владеющего средствами производства в недостаточной мере, то все же от этого он действительным хозяином не сделается, а в крайнем случае побьется, побьется и запустит свой участок или сдаст его в аренду. Самому же придется искать такой заработок, который не требует капитала,—наемной работы.

Если бы даже отнять излишек всех лошадей, орудий производства и прочего у богатых крестьян и разделить поровну между всеми, то, очевидно, при господстве товарного хозяйства снова возникло бы то же неравенство. Раньше, когда каждое хозяйство было более замкнутым целым, обособленной от других единицей,—уравнительные переделы иму-

щества могли иметь следствием закрепление приблизительно одинакового хозяйственного уровня во всех этих независимых друг от друга и от общенародного хозяйства единицах. И потому в века господства самостоятельного в своей обособленности мелкого производства уравнительные переделы могли достигать своей цели.

Теперь же, когда всякое крестьянское хозяйство должно производить для сбыта, существование его и развитие зависят прежде всего от того, насколько оно может удовлетворять потребностям рынка и приспособляться к его состоянию. Вместо прежней независимости одних хозяйств от других, теперь всякая перемена в одном из них отражается на всех остальных, расширяя или сокращая для них возможность сбыта своих продуктов или изменяя условия продажи. Во всяком отдельном хозяйстве какая-нибудь перемена может быть случайна, но так как перемены эти где-нибудь не могут не происходить, то в целом неизбежно начинается расслоение хозяйств и дальше катится уж, как снежный ком. Получение наследства, призыв на военную службу, кража лошади или тысяча других неизбежных случаев могут иногда служить исходной точкой для поднятия или падения хозяйства, так как в основе всего товарного производства лежит начало соперничества между отдельными хозяйствами и победа одних над другими.

А превращение деревенского хозяйства в товарное, производящее для сбыта, происходит неизбежно, раз все народное хозяйство организовано как товарное, раз в стране нет ни социализма, ни дотоварных порядков. А тогда, как мы видели, неизбежно распадение однородных прежде, замкнутых в себе хозяйств и распределение их прежних владельцев по различным общественным классам. Это вовлечение доселе отдельно, обособленно стоявшего крестьянина в круговорот экономической жизни уничтожает его равнодушие и к вопросам жизни политической, общественной. Оно заставляет его живо интересоваться ими и толкает на борьбу для защиты своих интересов, как понимает их каждый разряд расколовшегося крестьянства. Уничтожить разделение крестьянства на классы может только уничтожение товарного производства, т.-е. торжество социализма. Вместо массы отдельных хозяйств, каждый из владельцев которых имеет в виду лишь собственные интересы, тогда будет широкое планомерно устроенное общественное хозяйство, управляемое не отдельными частными собственниками, но волей всего народа. Пока же социализма нет, пока всякое крестьянское хозяйство есть хозяйство товарное, до тех пор неизбежно одни будут отходить к буржуазии, а другие к пролетариату, какие бы меры против этого ни принимались.

И потому попытки вновь обратить в самостоятельных мелких произ-

водителей раскрестьянившиеся слои крестьянства при товарном хозяйстве должны остаться в конечном счете бесплодными. Дальше (гл. 10) мы остановимся на том, на какой почве возникают такие требования и каково их общественное значение, пока же ограничимся указанием неразрешимого внутреннего противоречия во всех таких планах. Они хотят удержать товарное хозяйство и вместе с тем сделать так, как будто его нет. Иначе сказать, чтобы хозяйство и осталось товарным и вместе с тем не приводило к разложению на буржуазию и пролетариат, чтобы постоянно поддерживался один уровень там, где вся хозяйственная жизнь общества основана на борьбе и соперничестве.

Народники, предлагая объявить всю землю общественной собственностью для раздела ее поровну в пользование между всеми желающими, настаивали на исключительном господстве однородных самостоятельных трудовых крестьянских хозяйств. Как мы видели, прочность такой комбинации невозможна. Земля может быть общей или государственной собственностью, и это нисколько не помешает вырастать на ней хозяйствам различных величин, как не помешало их появлению существование уравнительных переделов на общих землях русской общины.

И тогда, в зависимости от выгодности, крестьянские хозяйства будут подвергаться всему тому, что случается с ними теперь в пределах деревенской общины. Экономически более сильные будут соединять в своих руках больше хозяйственной мощи, экономически слабые будут на деле отказываться от самостоятельного использования юридически предоставленной им земли. Если бы аренда в таком обществе была даже запрещена законом, всегда будут придуманы более или менее удачные его обходы. Когда в Англии закон запрещал ремесленникам иметь более семи учеников-рабочих—это была тоже попытка обеспечить господство мелкого производства, только в городах тогда бывали случаи, что мастера объявляли самостоятельными ремесленниками своих малолетних детей ради права иметь больше рабочих. И громадное количество как будто «компанейских» хозяйств, в действительности принадлежащих одному какому-нибудь лицу, заранее обеспечившему себе должное поведение «компаньонов», было бы таким же обычным явлением при формальном запрещении крупных хозяйств в земледелии, как «компанейские» предприятия тех евреев в Западном крае, которые до революции формально не имели права арендовать там имения и великолепно это делали в компании с каким-нибудь прогоревшим дворянином. Компаньону дается отступное, и, прикрываясь его именем и правами, догадливый предприниматель ведет свое дело.

Для того, чтобы действительно уничтожить возможность появления

более крупного хозяйства (эксплоататорского типа—помещичьего или кулацкого) и чтобы обеспечить прочное существование мелкому, без постоянной опасности разложения и падения, надо не только формально запретить вести хозяйство с наемными рабочими, как желают народники (наемный рабочий ведь тоже может называться «компаньоном», только получающим меньшую долю прибыли). Для этого надо уничтожить влияние на русское народное хозяйство мирового и европейского рынка, надо уничтожить влияние на земледелие товарного хозяйства в промышленности и торговле, уничтожить железные дороги и телеграфы, одним словом—надо или восстановить хозяйственный строй доброго старого времени, как он был сотни лет назад, что вообще невозможно, или уничтожить товарное хозяйство и заменить его социалистическим, что пока невозможно [1]).

9.

Развитие средств производства приводит к распадению общества на разные классы. Смена одной формы приспособления человечества к жизни другою, более обеспечивающую высшую производительность труда, не происходит мирным незаметным образом, но путем борьбы между собой различных общественных классов, в зависимости от положения, какое каждый из них занимает в производстве. Для одного класса новый способ организации производства и всего общественного хозяйства выгоден, потому что несет ему увеличение влияния и экономической мощи, для другого—пагубен, потому что он приспособлен к прежней форме производства и все свое существование строит на ее сохранении.

Так, при переходе к капиталистическому хозяйству класс крепостников-землевладельцев осужден на уничтожение и потому силой политической власти хочет удержать за собой право на пользование плодами того хозяйства, в котором собственно не принимает никакого

[1]) По политическим причинам во время Октябрьской революции 1917 г. марксисты (РКП) согласились установить уравнительное землепользование, запрещение законом аренды и наемного труда в сельском хозяйстве. Это было правильно, так как иначе нельзя было бы привлечь малосознательную и полную предрассудков крестьянскую массу к поддержке пролетарской революции. Но ход вещей подтвердил затем правильность предсказаний, сделанных на этот счет в перепечатываемой в тексте брошюре 1905 г.: наемные рабочие набирались под видом «принятия в семью», аренда практиковалась в прикрытых формах или в обход закона и т. д. Наконец, сама деревня начала понимать, что дело не в таких юридических запрещениях, а в тракторах, в кредите и т. д., и в 1925 г. эти запрещения были отменены, как ухудшающие положение как раз бедняцких слоев. (Примечание 1925 г.)

участия. Класс же действительных организаторов производства, буржуазия, стремится в это время, наоборот, к уничтожению крепостничества и к разрушению политической власти крепостников.

Точно так же, когда назревают постепенно условия для перехода капиталистического общества в социалистическое, класс капиталистов, буржуазия, борется против него и готов бороться хотя бы ценой разрушения всего общественного хозяйства, и конечно переход этот никогда не осуществится без отнятия у буржуазии политической власти, без захвата ее пролетариатом. Пролетариат, наоборот, по отношению к социализму играет ту роль его защитника и провозвестника, какую буржуазия играла по отношению к капитализму против крепостничества. И лишь действительная победа социализма уничтожит деление общества на классы и развитие впредь пойдет без междоусобной войны внутри общества. Производительные силы людей достигнут такой высоты, при которой правильное пользование ими возможно только при общем заведывании ими всего общества без деления его на классы.

В этой смене одних хозяйственных и общественных строев другими нет ничего произвольного, ничего такого, чего можно было бы избежать или через что можно перепрыгнуть, раз уж развитие идет в определенном направлении. Если в стране существует только бесконечная масса мелких хозяйств, пользующихся орудиями труда, не требующими соединения общественных сил, тогда, конечно, каждая семья, деревня или город с округом сами удовлетворяют свои потребности, хозяйство остается частным делом и ни о каком социализме не может быть и речи. В нем нет тогда никакой нужды, как бы он справедлив ни был сам по себе. Для того, чтобы в нем появилась надобность и чтобы он стал возможен—надо, чтобы все эти разрозненные хозяйственные единицы связались в одно общественное целое, надо, чтобы народился такой класс, члены которого не были бы лично, как собственники, связаны с отдельными хозяйствами, но были бы заинтересованы только в ходе всего народного хозяйства в целом.

Товарно-капиталистическое хозяйство исполняет задачу подготовки этого. Оно связывает между собой независимые и обособленные раньше хозяйства процессом торгового обмена и разделения труда. Оно сплачивает разрозненные самодовлеющие группы населения в народ, живущий одной хозяйственной жизнью. Оно создает пролетариат—класс наемных рабочих, исполняющий все, не распоряжающийся ничем и смогущий все, когда вырастет, окрепнет и захочет—а захотеть бороться за социализм будет должен в силу самого своего положения в производстве.

Пролетариат все более сосредоточивается в крупных и средних предприятиях, а роль мелких хозяйств без наемных рабочих, поскольку они даже сохраняются, в общей сложности всего народного производства все более падает. Все бóльшая доля всех продуктов производится в хозяйствах, вполне ставших на капиталистическую ногу, и они-то преимущественно и обслуживают общенародные потребности в данном предмете. Численность таких предприятий невелика сравнительно с массой отдельных хозяйств, каждое из которых раньше обслуживало самого себя. Постепенно все бóльшая часть населения превращается в класс наемных рабочих.

Повышая производительность труда, связывая тесными узами каждое отдельное предприятие с хозяйственной жизнью всего общества и сосредоточивая подавляющую часть народного производства в предприятиях с наемными рабочими, товарно-капиталистическое хозяйство придает этим предприятиям общественный интерес, как источнику удовлетворения народных нужд, как средоточию народного труда. С одной стороны, хозяйство перестает быть частным делом, оно становится общественным, а с другой—создается в лице пролетариата та сила, в интересах которой поставить под прямой общественный контроль все предприятия, в которых он работает, объединить в общественном управлении все производство на пользу всего народа и этим навсегда уничтожить неравенство и бедность.

Таким путем товарно-капиталистическое хозяйство приводит к такому развитию средств производства и к такому общественному положению, при которых создается техническая, экономическая и общественная возможность и неизбежность объединения всего народного хозяйства в одно целое (социализм).

Это объединение может осуществиться только тогда, когда власть и руководство жизнью (диктатура) будут принадлежать рабочему классу. В самом деле, в интересах крупных хозяев-капиталистов—существование капиталистического строя, так как он обеспечивает им распоряжение и управление всем народным трудом и богатством страны. Поэтому они должны враждебно относиться к социализму, желающему уничтожить управление отдельных собственников имеющими общественный характер хозяйствами для собственной выгоды. Далее, в интересах мелких хозяев все, что ведет к упрочению и поддержанию их мелких хозяйств, основы их жизни. Поэтому мелкие производители, предоставленные самим себе, в рамках буржуазного строя повсюду высказывались за меры, стесняющие развитие хозяйства страны, так как экономическое развитие ведет к господству крупного хозяйства капиталистов.

И только рабочий класс положение его в производстве делает чуждым забот о существовании отдельных частных предприятий—крупных или мелких. Рабочий класс не распоряжается никакими хозяйствами, не ведет никаких предприятий за свой счет. Поэтому его интересам не противоречат уничтожение собственности отдельных лиц на все средства производства, фабрики, заводы, орудия, скот и прочее, и передача их в общественное заведывание.

Наоборот, только такая передача или обобществление средств производства может коренным образом улучшить его положение и разрешить рабочий вопрос. Какие бы частичные улучшения ни вводить в современные условия труда—8-часовой день и прочее—все же при капиталистическом строе рабочий остается человеком, создающим своим трудом богатства другим лицам, а не себе, человеком, которому необеспечен даже завтрашний заработок, пока вообще остаются рабочие и хозяева. Только уничтожение этого различия путем передачи всех средств производства в собственность и объединенное управление всего народа могут уничтожить различие между капиталистом и пролетарием и обеспечить рабочему классу пользование всеми плодами общенародного труда. Основной интерес пролетариата—уничтожение товарно-капиталистического строя, замена его общественным, социалистическим.

Развитие современного капитализма, достигнув известной высоты, делает переход к социалистическому обществу необходимым и неизбежным (см. выше). Когда-то крепостнический строй стал стеснять развитие производительных сил, приводил к их разрушению, и потому общество должно было или перейти к товарно-буржуазному хозяйству, или разрушаться, вырождаться. Подобно этому теперь капиталистический строй приводит к тому же. Приобретшее общественный характер производство не может находиться в собственности, управлении, распоряжении отдельных частных лиц, думающих лишь о своей выгоде. Их интересы сплошь и рядом расходятся с интересами общества в целом, и противоречие между общественным характером производства и частным присвоением капиталистами его плодов сказывается все острее, чем дальше и глубже идет проникновение капиталистических отношений во все отрасли народного хозяйства. Это противоречие приводит к растрате производительных сил, к периодическим сокращениям производства (кризисы), к существованию рядом непроданных товаров и фабрик, бездействующих за отсутствием спроса, с одной стороны, и голодного рабочего, нуждающегося в этих товарах, и безработного,—с другой. Погоня за рынками сбыта делается все напряженнее, область капиталистического хозяйства все расширяется, и каждый раз это рас-

ширение служит предтечей нового, еще более серьезного потрясения всей хозяйственной жизни. А оно, в свою очередь, сопровождается все бóльшим отступлением роли мелкого производства, все бóльшим сосредоточением всей хозяйственной жизни в крупных предприятиях. Численность пролетариата все увеличивается, он составляет все бóльшую часть населения, в некоторых странах уже теперь половину и свыше, экономическая необходимость все более проясняет его сознание и толкает к взятию производства и власти в свои руки. Общественное по характеру и значению своему хозяйство будет сделано общественным и по управлению им и по распоряжению его выгодами.

Смысл деятельности сознательно-революционных (марксистских) рабочих партий всего мира в том и заключается, чтобы рабочий класс уже теперь накоплял и организовывал ту свою силу, которая впоследствии должна будет установить социалистический строй. Только рабочий класс, сплоченный, сознательный, культурный и свободный, может с успехом провести эти громадные преобразования. Поэтому во всех странах необходимость для рабочего класса привести себя в такое состояние потребует, вероятно, немало времени от момента победы рабочего класса и до полного осуществления социализма в жизни.

Таким образом расчеты наши на введение социалистического строя основаны не на мечте о нем, как о наиболее справедливом устройстве жизни. Нет, у нас есть залог более прочный—мы знаем, что само экономическое развитие товарного хозяйства, сама история приводит ко все бóльшему увеличению численности пролетариата, прямо заинтересованного в наступлении социализма, к необходимости его наступления и к формированию общественных сил, способных это наступление завоевать и провести в жизнь.

Чем бóльшая доля населения будет принадлежать к рабочему пролетариату, чем выше и лучше будет экономическое, умственное и нравственное состояние рабочего класса—тем скорее и вернее наступит социалистический строй. Следовательно, в задачи рабочей партии, когда она в полукрепостнической стране, как наша Россия, наблюдает развитие товарного хозяйства,—не может входить стремление остановить это развитие, уничтожить капиталистические отношения *ради восстановления господства мелкого полунатурального производства*. Такой цели нельзя себе ставить, во-первых, потому, что при существовании товарного хозяйства мелкое производство все равно (гл. 7) осуждено на постоянное выделение из себя крупнобуржуазных и чистопролетарских слоев. Следовательно, если бы кто-либо и задался этой целью, ничего бы не вышло, кроме удлинения,

задержки и повторения прежнего развития. Такой задачи пролетарская партия не может себе ставить, во-вторых, потому, что надежды рабочего класса опираются на увеличение численности и сплоченности пролетариата и, следовательно, в подготовительный к борьбе за власть период связаны с дальнейшим развитием товарного хозяйства. Такого стремления, наконец, у нас не может быть потому, что мы стремимся уничтожить капиталистические отношения не ради восстановления господства мелкого полунатурального производства, а ради социализма. Но до социализма ближе от капитализма, чем от господства мелкого производства.

Задача рабочего класса в развивающемся товарно-капиталистическом обществе—не остановить это развитие, что невозможно и нежелательно для пролетариата, но бороться, во-первых, за то, чтобы это неизбежное развитие протекало с возможно меньшей тяжестью для пролетариата и для обращающихся в пролетариат слоев населения, а во-вторых, за то, чтобы на смену капитализму пришел социализм.

Рост численности и значения пролетариата при одних условиях может быть связан с ухудшением его положения и понижением благосостояния обращающихся в пролетариев мелких производителей-полукрестьян, полурабочих в деревне, ремесленников в городе. Но при других условиях он сопровождается подъемом экономического положения пролетариата и повышением благосостояния обращающихся в пролетариат слоев населения. Задачи нашей деятельности в этом отношении заключаются в том, чтобы неизбежное увеличение численности и силы рабочего класса сопровождалось его всесторонним подъемом. С этой точки зрения относился к положению вещей в деревне и к «крестьянскому вопросу» в дореволюционной России марксизм, как классовая партия наемных рабочих, ставящая себе целью достижение основного классового интереса пролетариата—завоевание социализма, объединение всего народного хозяйства под управлением всего народа для удовлетворения всех его потребностей на равных началах. Только под этим углом зрения и можно понять дореволюционную позицию марксизма относительно проповеди народниками «уравнительного землепользования» и всеспасающего значения мелкого производства [1]).

---

[1]) А равно и согласие на обязательное уравнительное землепользование с запрещением наемного труда и крупных хозяйств в октябре 1917 г. и позднейшее восстановление совхозов, насаждение колхозов и меры, декретированные в 1925 г. (Примечание 1925 г.)

10.

С установленной точки зрения, надо было бороться не с расслоением деревни, не с развитием в ней товарно-капиталистического хозяйства, но с бедственным положением крестьянства, как обратившегося уже в пролетариат, так и пролетаризующегося или близкого к этому (трудового).

Мы решительно отказывались поэтому выставить своей целью восстановление прежней экономической однородности крестьянства путем введения принудительного уравнительного пользования землей отдельными семьями—с отказом, напр., от мысли иметь крупные государственные земельные хозяйства (в которые легко превратить капиталистическую часть помещичьих владений). Мы считали выставление такого требования бесплодным, в силу направления экономического развития, вредным для интересов социалистической борьбы, как мы об этом еще будем говорить, и вовсе ненужным для действительного поднятия благосостояния и всего жизненного уровня широких масс деревенского населения.

Уничтожение крепостнических поборов с земледелия в пользу юридических собственников земель и самодержавного чиновничества освободит русское народное хозяйство от сковывающих его пут. Высасываемые из земледелия средства останутся в нем и успешность труда подымется и в земледелии и в промышленности. Уничтожение крепостнической аренды через предоставление крестьянам обрабатывать землю, которую они теперь арендуют, без взноса платежей,—на-ряду с уничтожением эксплоататорской системы налогов,—откроет дорогу улучшению хозяйства основной массы крестьянства, подъему его техники, интенсификации системы, росту продукции.

Уничтожение крепостнических поборов хотя и не создаст для полуарендатора-полурабочего возможности своими силами обратиться в полного хозяина, но, увеличив спрос на труд и в земледелии и в промышленности, увеличив вознаграждение наемного рабочего,—оно сделает для крестьянина полупролетарского типа выгодным обратиться в полного рабочего и этим повысить уровень своего благосостояния. Когда на почве уничтожения крепостничества начнется энергичное развитие промышленности и крупных государственных земельных хозяйств—полурабочее крестьянство предпочтет сознательно оставить остатки связывающих его разоренных хозяйств ради более выгодной наемной работы, как оно оставляло их подчас при царизме с отчаяния, вытесняемое в босячество или эмиграцию.

Уничтожение крепостнических поборов путем уничтожения собствен-

ности крепостников на землю и власти их в государстве поднимет, таким образом, благосостояние всех слоев деревни, хотя и различным образом: одних—как хозяев, других—как рабочих. Но тем самым, когда достаточно успеют сказаться эти положительные его следствия—оно усилит также различие и противоположность между классами, резче подчеркнув у одних пролетарские, у других буржуазные черты. Этим оно приведет, между прочим, в ряды рабочей партии миллионы новых братьев-пролетариев деревни, классовые интересы которых так же будут требовать социализма,, как и интересы городских пролетариев. А имея власть в своих руках, пролетарии города и деревни смогут, вероятно, не без успеха попытаться создать и действительно социалистическую производственную сельскохозяйственную кооперацию вместо той обслуживающей только торгово-кредитные интересы преимущественно верхнего слоя, какая насаждалась у нас первые полтора десятилетия XX века.

Кто признает насущной задачей момента так изменить существующие отношения, чтобы в земледельческом хозяйстве остались уходящие из него средства для наивозможного поднятия его производительности, тот должен высказаться против всякого выкупа за помещичьи земли.

Вопрос о том, бесплатно или за выкуп получат крестьяне землю, решится, конечно, сравнительной силой разных общественных классов. И в этом споре пролетариату выгодно быть на стороне крестьян. Практически дело, конечно, может несколько затянуться. Но во всяком случае объединительный съезд 1906 г. в Стокгольме принял мое предложение о замене в проекте программы партии слова «отчуждение» точным и ясным понятием «конфискация» и тем определенно высказался против всякого выкупа [1]).

Таким образом, позиция марксизма ясна! Опыты с принудительным уравнением всех хозяйств в России при сохранении товарных отношений не обеспечат и не могут обеспечить прочности мелкого производства—только социализм может положить конец расслоению крестьянства и его необеспеченности.

Имея представление о направлении экономического развития, о внутренней связи всей современной хозяйственной жизни, о необходимых материальных и духовных предпосылках социализма, можно понять эту позицию. Но сам мелкий производитель, не обладая пониманием современного строя, экономически падающий и невежественный, в массе своей не мог еще притти к заключению, что только в социализме ждать

---

[1]) Этот съезд, состоявшийся весной 1906 г., называется «четвертым съездом РСДРП», ныне ВКП (б). (Примечание 1925 г.)

ему спасения, что мелкое производство не может обеспечить ему прочной хозяйственной самостоятельности и высокого уровня благосостояния при существовании частной собственности на капитал, на средства производства, орудия, скот, здания и пр. Отсюда частое сочувствие крестьян народникам, как после октября 1905 г., так и после февраля 1917 г.

Мелкими производителями в капиталистическом обществе являются преимущественно городские ремесленники-хозяева и деревенские крестьяне средней руки. Они стремятся обеспечить себе независимое существование собственными силами—личной работой в собственном маленьком предприятии.

И тем и другим приходится круто. Они оказываются не в силах ни охранить себя от вовлечения в круговорот товарного обмена, ни угнаться по недостатку средств за общим подъемом производительности труда, не в силах стать на товарном рынке на равную ногу с более обеспеченными капиталом хозяйствами и удержать за собой прежние подспорья в виде разных домашних промыслов. И вот они частью, как мы видели, вовсе исчезают, частью же покупают сохранение своих хозяйств ценой понижения своего благосостояния, недоеданием и чрезмерной работой.

Первый исход—полное исчезновение—особенно часто наблюдается у городских ремесленников, так как крепостнический гнет в городской промышленности не имеет места, и развитие идет там более быстрым ходом. Второй выход—незавидное существование в состоянии хронического разорения на своем клочке земли—чаще имеет место в деревне, у мелкого крестьянина.

Мелкий крестьянин, средний «трудовик», живет своим трудом, ведь он не нанимает рабочих,—говорят народники,—и потому его торжество и сохранение—это есть торжество и сохранение трудового начала, которое лежит в основе его жизни, того трудового начала, представителем которого является и живущий своим трудом наемный рабочий. И потому нет р а з н ы х классов: наемных рабочих и мелкого трудового хозяйствующего крестьянства, а есть о д и н класс трудящихся, почему и не должно быть особой рабочей партии.

Но в действительности трудовое начало, на котором основано мелко-крестьянское хозяйство—н е т о, к п о б е д е к о т о р о г о с т р е м и т с я п р о л е т а р и а т. Когда пролетариат говорит о победе труда, он разумеет объединенный труд всего общества, находящийся в распоряжении всего общества. Пролетариат, как класс, не привязан ни к каким отдельным хозяйствам, и торжество труда для него связано н е с о б о с о б л е н и е м их, но с о о б щ е с т в л е н и е м. Победа про-

летарского трудового начала, это—уничтожение наемного рабства, уничтожение работы на капиталиста, а следовательно, замена управления производства капиталистом—управлением всем обществом, замена продажи товаров для прибыли—планомерным распределением их между всем населением. Короче говоря, трудовое начало наемного рабочего находит себе полное выражение лишь в уничтожении самого товарного строя, в социализме.

Трудовое начало мелкого крестьянина и самостоятельного ремесленника совсем другого рода. Для них, основывающих свое благосостояние на процветании своего отдельного маленького хозяйства, для них, связанных с частной собственностью на средства производства по самому своему классовому положению,—трудовое начало выражается в существовании их отдельных мелких хозяйств, торговым сбытом плодов которых покрываются их потребности. В противоположность трудовому началу пролетариата, требующему социализма, трудовое начало мелкого производителя нуждается в товарном обществе, требует обеспеченного рынка для сбыта и притом распределенного таким образом, чтобы товарное хозяйство существовало без соперничества производящих товары хозяйств между собой. Иначе сказать, мелко-хозяйственному трудовому началу необходим узкий замкнутый рынок сбыта, где бы не было конкуренции со стороны, и притом с запрещением или насильственным устранением появляющихся крупных предприятий. Иначе мелкому хозяйству не выстоять, потому что при широком открытом рынке оно не достаточно и не может удовлетворить спроса, а в развитии крупных предприятий для него—грозная опасность оттеснения на задний план. И потому, в то время как трудовое начало пролетариата требует все большего объединения хозяйства, благоприятствует поднятию производительности труда,—из трудового начала мелкого хозяина вытекает, наоборот, стремление ограничить рост производительности, оставить все в таком виде, как есть, во избежание разрушения экономической однородности хозяйств.

«Самостоятельный ремесленник» в таких условиях выдвигает, как это имело место в свое время в Англии и в других странах, требование организации промышленности по цехам с обязательным ограничением размеров производства, как в средние века. «Самостоятельный мелкий крестьянин», этот ремесленник сельскохозяйственного производства, выдвигает подобные же требования борьбы с крупным хозяйством (а не только с земледелием). Будет ли это крупное хозяйство буржуазного землевладельца или крупное хозяйство победившего пролетариата—мелкому частновладельческому трудовику все равно: он

одинаково склонен будет требовать сплошного принудительного раздела поровну («уравнительное землепользование»).

Программа народников и является выразительницей этих требований мелкого хозяина. Эти требования вытекают не из особо красноречивой проповеди народников крестьянам, а из классового стремления мелкого производителя сохраниться в качестве мелкого производителя. Правда, при современном товарном строе достичь этого в достаточной мере невозможно, так как он неизбежно вызывает разложение и расслоение экономически-однородных хозяйств. Но трагизм положения мелких производителей в том и заключается, что требовать отмены товарного хозяйства они не могут. Ведь существование их, как мелких производителей, возможно только в товарном обществе, только тогда, если есть рынок для сбыта их произведений.

Мы должны распространять среди мелкого крестьянства ясное представление о том, что если при мелком хозяйстве оно и может еще кое-как поддерживать более или менее долгое время свое хозяйство, то никак не может обеспечить себе прочности его положения и действительного благосостояния. Только тогда, когда мелкий хозяин откажется от веры в свое самостоятельное и отдельное частное мелкое хозяйство; только тогда, когда он убедится, что обратно, к средним векам дороги нет; только тогда, когда он поймет, что при теперешних орудиях производства спасение всех трудящихся может быть лишь в объединении всего народного хозяйства,—только тогда оставит он свою мечту об отдельном собственном маленьком трудовом товарном хозяйстве, все свои надежды и упования возложит на социализм и примется за превращение своих клочков в кооперативно-социалистические крупные предприятия. Наша роль, как социалистов, должна заключаться не в поддержке мелко-хозяйственных надежд, но в привлечении рядового крестьянина на сторону социализма, в переводе с мелко-хозяйственной точки зрения личного трудового начала на точку зрения общественного трудового начала пролетариата.

Еще в гораздо большей степени все это относится к сельским рабочим и к обширному слою пролетаризующегося крестьянства, ко всем этим полукрестьянам-полурабочим. Хотя такие «крестьяне»—иногда крестьяне уже преимущественно только по названию, а по положению своему — пролетарии, тем не менее пролетарские настроения у них сплошь и рядом отступают перед мечтаниями мелкого производителя. Пролетарии по положению—по своим думам и стремлениям в настоящее время они остаются мелкими хозяевами. Все их прошлое связано с самостоятельным хозяйничаньем на своем участке,

еще недавно они сами или их отцы были такими же рядовыми крестьянами, как и все их соседи. И привычная мысль ищет выхода только в одном—в восстановлении своего прежнего маленького хозяйства или в создании нового по прежнему образцу. При том же в России крепостничество загоняло пролетаризующегося крестьянина в роковой круг, в котором чем ему хуже, тем труднее было найти выход кроме земледелия,—тем более должен он был цепляться за землю. И не зная и не понимая современных условий, он стремился вернуться к прежнему положению — каждый из них спал и во сне видел себя самостоятельным хозяином.

В груди такого сельского рабочего и полурабочего (пролетаризующегося крестьянина) живут две души. С одной стороны, он живет прошлым, его тянет назад, к самостоятельному мелкому производству. С другой—он втягивается в новую жизнь, он приучается думать об улучшении своего положения уже в качестве рабочего и начинает такую же борьбу, как городской его брат-пролетарий. Уже в 1905 г. весь Сквирский уезд Киевск. губ., весь Лидский уезд и некоторые другие были охвачены всеобщей забастовкой сельских рабочих: слышались требования 8-часов. рабоч. дня, деревенский пролетарий устраивал собрания и принимал резолюции, снимал рабочих небастовавших имений, словом, примыкал к общему движению пролетариата. Поскольку сельский рабочий или полурабочий чувствует себя больше рабочим, чем мелким хозяином, постольку он начинает мечтать уж не о восстановлении своего разрушенного или разрушающегося хозяйства, но об установлении социализма. Наоборот, чем больше мечты его направлены в сторону создания своего хозяйства, тем меньше внимания обращает он на рабочую борьбу. Известно, что сезонные рабочие на рогожных и т. п. фабриках легче соглашаются на худшие условия и, вообще, мало придают значения забастовкам, организации и прочему—все их интересы сосредоточены вокруг своего деревенского хозяйства.

Мы должны привлекать на свою сторону рабочее крестьянство, мы должны разрушать предрассудки трудового крестьянства.

Чем более сельский рабочий или полурабочий сознают невозможность возврата к прошлому, чем более сознают они свои пролетарские интересы, тем могущественнее будет армия активных борцов за социализм, тем скорее придет час их победы.

Чем более еще до наступления социалистического строя потеряет надежду на возможность прочно обеспечить свое положение при обособленном мелком товарном хозяйстве рядовой трудовой кре-

стьянин, тем легче согласится он подать свой голос за социализм, тем скорее при социалистическом строе переустроит он свое хозяйство на новых началах. Разрушать психологию, «душу» мелкого производителя в мелком крестьянстве—одна из важных задач рабочей партии.

Но разрушать психологию личного хозяйничанья вовсе не означает стремиться к разрушению самого хозяйства мелких производителей и к превращению их во что бы то ни стало в «пролетариев», как это не раз пробовали уверять крестьян народники.

Марксисты вовсе не стремятся «разорять» крестьян. Наоборот, во всех странах мира марксисты сильней всех выступают на защиту тех мер, которые открывают мелкому крестьянину какой-нибудь выход, либо смягчают его положение.

Марксистам вовсе не нужно всех самостоятельных крестьян обращать в пролетариев, потому что этого вовсе не требуется для социализма. Разрушать мелко-хозяйственные надежды и воззрения крестьян вовсе не значит разрушать на практике самые крестьянские хозяйства и требовать их обезземеления. Ничего подобного. Было бы смешным преувеличением думать, что для наступления социализма необходимо предварительное полное исчезновение мелкого городского и деревенского хозяйства. При современном развитии материальных средств производства и политической жизни, при быстром росте социалистически сознательного пролетариата можно рассчитывать, что царство социализма наступит, когда весьма значительная масса крестьянских хозяйств, основанных на применении личного трудового начала, будет еще существовать. Для возможности социализма нужно лишь, чтобы главная руководящая часть экономической жизни страны сосредоточивалась в поддающихся немедленному обобществлению предприятиях, чтобы пролетариат держал в своих руках власть в государстве и, опираясь на эту часть хозяйства, перестраивал, приспособляя к ней и остальные его части. Мы не можем еще сейчас точно в подробностях указать, в каких формах пойдет это приспособление. Может быть,—подобно тому, как когда-то буржуазия приковала к себе мелкое производство через торговлю,—пролетариат тоже использует организацию обмена, чтобы этим путем сгруппировать, сорганизовать участие в общей планомерной хозяйственной жизни распыленной массы мелких производителей. Может быть, пролетариат непосредственно найдет средства для такого технического преобразования сельского хозяйства (опираясь на имеющие быть конфискованными крупные капиталистические земледельческие предприятия), что этим путем будет проложена дорога к обобществлению деревни. Может быть, будет иметь место какая-либо комбинация из этих путей и т. п.—гадать об этом пока

нечего, но ясно одно: во всяком случае только умалишенный или злостный клеветник может приписывать марксистам намерение силой сгонять крестьян с их участков «для обобществления», как это делали когда-то английские лорды при «огораживании» крестьянских общинных выгонов с целью разрушения неугодного им типа хозяйства и собственной наживы [1]).

При торжестве пролетариата крупные и средние капиталистические предприятия в городе и в деревне прямо перейдут в распоряжение и управление объединенного общества. Сопротивление незначительной сравнительно с пролетариатом кучки капиталистов будет сломлено, когда правительственная власть будет взята в свои руки рабочим классом. Мелким предприятиям *городским* настолько очевидны будут выгоды перехода к общественному хозяйству и самый переход настолько неизбежен в силу их связанности и зависимости от более крупных капиталистических предприятий, да и значение их настолько невелико, что тут не предстоит осложнений.

Мелкие же предприятия *деревенские*, хозяйства более или менее самостоятельных крестьян, по всей вероятности, сохранятся в значительной массе ко времени социалистического преобразования в силу их меньшей зависимости от рынка и возможности сочетать свою запашку с наемными сторонними промыслами. О введении объединенного хозяйства в этих предприятиях насильственным путем, как сказано, нечего, конечно, и думать. Их приведут к социализму только очевидность большей выгодности объединенного хозяйства, раз уж все народное хозяйство стало социалистическим, рост культурности и пример тех земель, которые принадлежали капиталистической части помещиков и перейдут в заведывание всего общества через посредство сельского пролетариата. Крестьянские хозяйства на основе личного трудового начала не будут в состоянии производить на продажу за уничтожением торговли. Они будут работать на рабочее товарищество всего государства, и пример общественного хозяйства сельских рабочих на всей остальной земле увлечет их за собой к организации таких же товариществ, ячеек нового общества.

Значительная часть мелкого крестьянства, таким образом, сохранится до социализма, и чем оно культурней будет—тем лучше. Но отсюда еще далеко до попыток, наперекор истории, наперекор интересам рабочего класса, пытаться *искусственно выращивать* мелкое производство, зная притом, что будущее не принадлежит ему, что оно лишь в известных границах «терпимо» ходом вещей.

---

[1]) См. об этом интересную книгу И. Н. *Граната*.

Будем бороться не с развитием товарного хозяйства в деревне, но с бедственным положением крестьянства, не за мелкое хозяйство, но за лучшую жизнь тех, кто теперь занимается или когда-то им занимался, но стал рабочим или становится им, за облегчение перехода от мелкого хозяйства к хозяйству товарищескому.

Марксизм говорит: самоубийственной и бесплодной была бы со стороны рабочих политика борьбы с увеличением численности пролетариата путем попытки вновь обратить в мелких хозяев «раскрестьянившиеся» слои крестьянства. Бесплодной потому, что из этого все равно бы ничего не вышло: раз есть товарное хозяйство, должно быть и соперничество между хозяйствами, должны появляться буржуазия и пролетариат. Только всеосвобождающий социализм положит этому конец. Самоубийственной, далее, была бы такая политика, рекомендуемая народниками, потому, что она приводила бы не к развитию социалистических стремлений среди самого деревенского пролетариата и полупролетариата, стремлений к объединению хозяйств, но к развитию стремлений обособляющего частно-хозяйственного характера, стремлений к своим отдельным мелким товарным хозяйствам. Мы сами вырывали бы из рядов борцов за социализм крупную силу сельского пролетариата и той деревенской бедноты, которая может стать на точку зрения социализма.

11.

Классовая партия—это такая партия, вся деятельность которой всегда имеет в виду достижение основного интереса пролетариата, как класса наемных рабочих. Этот интерес—уничтожение наемного труда на капиталистов, победа общественного трудового начала путем объединения народного хозяйства в общенародном управлении для общенародной пользы—наступление социализма. Только та партия есть классовая рабочая партия, вся практическая деятельность которой проникнута подготовлением социализма уже и сейчас, в каждый момент движения. У кого социализм только в пропаганде, для кого социализм—только «конечная цель», тот не есть сознательный член рабочей партии.

Спросите многих и многих, каковы задачи пролетарской борьбы у нас в настоящей революции[1]). Вам ответят: победа свободы, достижение учредительного собрания, 8-часовой день, республика и прочее. Ответ в принципиальном отношении неверный, совершенно недостаточ-

---

[1]) Писано весной 1906 г., когда считалось, что революция 1905 г. еще не кончилась. (Примечание 1925 г.)

ный. Учредительного собрания, республики и прочих хороших вещей хотят и многие просто демократы, просто революционеры и республиканцы.

Задача классовой партии пролетариата в настоящее время—не просто победа революции, но накопление и обособление социалистических сил в самом процессе развития этой революции. Накопление социалистических сил заключается в росте классовой обособленности и сознания своего основного классового интереса среди всех представителей общественного трудового начала, всего пролетариата.

Можно из всех, желающих свободы, в теории, по названию различать одних как социалистов, а других—как простых революционеров, а на практике действовать совершенно одинаково и вместе с ними, возвещая при этом, что сейчас задачи наши сходятся, а за социализм мы начнем бороться после, когда придет время, когда будет свобода. Такое поведение не есть поведение партии рабочего класса. Наши задачи, и самые ближайшие, совершенно расходятся со всеми теми республиканцами и революционерами, кто не желает обособлять социалистических сил рабочего класса. Их задача—таким образом достигнуть полной свободы и прочих преобразований, чтобы при этом не увеличилась классовая противоположность между различными частями современного общества, чтобы в этой борьбе пролетариат смешался в общей угнетенной демократической массе. Наша задача—таким образом достигнуть полной свободы и прочего, чтобы при этом пролетариат уже теперь сложился в силу, подготовляющую коренное преобразование современного общества и полное освобождение рабочего класса от наемного рабства и эксплоатации.

Наша задача, следовательно, не просто бороться за 8-часовой день или учредительное собрание, но так бороться, чтобы при этом, вместе с дальнейшим развитием революции, пролетариат все более выделялся как особый класс и обособлялся в сознании своих особых интересов. Быть социалистом не только на словах, но и на деле работать для социализма, подготовлять его уже сейчас, а не откладывать на после—это значит практически, всей своей тактикой развивать, выделять и обособлять социалистические силы рабочего класса. При всяком ином поведении, при одних разговорах о социализме, ругани по адресу буржуазии и практическом смешении с другими классами, при затемнении в сознании пролетариата основных отличий его от всех других классов—вместо накопления социалистических сил получается их растрата. Вожди, передовые в своем сознании, может быть, и остаются социалистами, но широкая рабочая масса привыкает чувствовать себя одним целым со всей демократически настроенной частью населения, не выделяет

себя из нее и не приходит к прояснению своего классового самосознания. Участие пролетариата в революции сводится при этом к тому, что он служит физической силой, добывающей свободу для всех, для буржуазии, без того, чтобы сложиться в особую прочную силу для себя.

К сожалению, не всякий социалист в теории ведет себя как социалист на практике. Симпатии к падающему мелкому производству, проникновение его настроением, непонимание процесса современного экономического развития, непонимание того, что юридическая форма общей собственности скрывает за собой экономическую сущность частных мелкохозяйственных целей, и ряд других причин толкают различных социалистов на дорогу, которая, если бы была принята всем рабочим классом, нанесла бы непоправимый вред классовому характеру его движения и, следовательно, всей борьбе за социализм. Основной грех социалистов-народников заключается в ошибке по этому пункту, в расточении социалистических сил вместо их накопления, в ослаблении классового движения пролетариата теми воззрениями, той тактикой, к которой они зовут его.

В самом деле, вспомним их программу в крестьянском вопросе. С одной стороны, они разжигают в сельском рабочем и полурабочем мелко-хозяйственные надежды и настроения и этим отвлекают его от пролетарской борьбы, из возможного борца за объединение хозяйства превращают его в борца за чистую собственность для упрочения и развития частных хозяйств, правда, небольших размеров. Таким образом, их тактика прямо ослабляет рабочее движение, стремясь лишить его тех сил, которые принадлежат ему по своему классовому положению и как раз нуждаются в прояснении своего пролетарского сознания.

С другой стороны, проповедуемая ими «социализация», т.-е. введение общей собственности на землю с обязательным уравнительным ее разделом между хозяйствами отдельных семей, представляет собой лишь вид удовлетворения буржуазных мелко-хозяйственных стремлений «самостоятельного трудового» крестьянства, а народники выдают эту меру за проникнутую социалистическим духом, чуть ли не вводящую наполовину социализм. Этим они вводят в заблуждение наемный пролетариат относительно истинного характера требований хозяйствующего мелкого крестьянства и создают условия, при которых пролетариат может делаться склонным к смешению в одной партии не только с рабочим и полурабочим крестьянством, но и с хозяйствующим трудовым. Между тем трудовое начало рабочего, как мы видели, стремится к обобществлению хозяйства, а трудовое начало хозяйствующего крестьянина—к обособлению хозяйств. Так создаются условия, при которых

пролетариат, если бы пошел за народниками, оказался бы в конце концов с затемненными представлениями о других классах и без собственной классовой силы, дружно стремящейся к социализму.

Чем объяснить такое поведение народников и как надо правильно понимать соотношение городского пролетариата, рабочего крестьянства и хозяйствующего (трудового)?

Поведение народников объясняется тем, что они и не хотят быть классовой партией пролетариата. Они хотят быть партией всех трудящихся, как они говорят. Но в наши дни быть партией всех трудящихся можно, лишь кладя в основу принцип либо личного трудового начала—принцип мелкого хозяина, стремящегося к упрочению своего частного хозяйства, либо общественного—принцип пролетариата, стремящегося к обобществлению всего хозяйства. Марксизм кладет в основу принцип, вытекающий из классового положения пролетариата, и потому зовет в свои ряды крестьян, лишь поскольку они переходят от принципа частного хозяйства к общественному. Народники, наоборот, хотят включить хозяйствующее трудовое крестьянство, как целый слой, в одну партию с рабочими, хотя бы основные хозяйственные интересы их были разные.

Крестьяне-рабочие—наши братья по классовому положению, и в их интересах—итти вместе с нами к социализму. Крестьяне-хозяева («трудовые»)—только наши союзники по борьбе за свободу, которым до тех пор не зачем итти к социализму, пока они надеются на свое частное хозяйство [1]).

Народники отвлекают от промышленного пролетариата его б р а т ь е в на точку зрения с о ю з н и к о в, а союзников хотят объединить в одну партию с пролетариатом, что возможно только переводя е г о на и х позицию и лишая своей обособленной силы. Классовая партия наемных рабочих поступает наоборот: стремится слить в одну партию городских рабочих и р а б о ч е е крестьянство, не хозяйствующее, и обособить в самостоятельную общественную силу. Для одних—на первом плане интересы мелкого хозяйствующего трудового крестьянства, для других—класс наемных рабочих с примыкающими к нему слоями, которому ходом исторического развития суждено быть провозвестником и завоевателем социализма.

---

[1]) Это безоговорочно верно для дореволюционной России, когда писались эти строки (1906 г.). Но установление пролетарской диктатуры (1917 г.) и ее победа изменяют и постановку вопроса о крестьянстве вообще—см. нашу книжку «Советская деревня». (П р и м е ч а н и е 1925 г.)

12.

Самое существование у нас народничества даже среди рабочих[1]) объясняется экономической отсталостью России. Другие страны раньше нас вступили на путь товарно-капиталистического развития, соотношение сил крупного и мелкого производства там настолько выяснилось, роль крупного производства и значение его для подготовления материальных условий социалистического строя настолько очевидны для социалистов, что там в настоящее время уже не может существовать заметного влияния среди рабочих партии, которая ставила бы себе целью путем всеобщего уравнительного передела восстановить и поддерживать господство мелкого производства, хотя бы в одном земледелии. Поэтому там рабочие партии идут тем же путем, как и российские марксисты: защищают интересы сельского пролетариата, стремятся облегчить положение мелкого сельского хозяина-крестьянина, поскольку его хозяйство может дожить до социализма, но не задаются несбыточными мечтаниями поворачивать обратно «колесо истории». Они знают, что колесо истории должно вертеться вперед и что этот поворот принесет пролетариату победу.

А было время, когда и там многие социалисты жили мечтами, подобными нынешним стремлениям наших народников. Экономическое развитие развеяло их. Международный марксизм наших дней борется не за господство мелко-крестьянского хозяйства, но за улучшение и повышение жизненного уровня тех крестьян, которые теперь вполне или наполовину им занимаются.

Однако в настоящее время—надо это признать—значительное большинство крестьянства русских губерний и хозяйствующего трудового и бесхозяйного рабочего стоит на точке зрения мелкого хозяйства. Они требуют передачи им помещичьей земли, именно имея в виду укрепление личных мелких товарных хозяйств. Мы уже говорили о том, что безусловно в интересах пролетариата в целях устранения крепостничества предоставить крестьянам почти все земли (кроме имеющих обратиться в крупные государственные земельные предприятия около $7\frac{1}{2}$ милл. десятин нынешнего капиталистического помещичьего посева). Но мы знаем, что эта передача в конечном счете приведет не к упрочению крестьянской однородности, а как раз к усилению разложения деревни на различные общественные классы. В зависимости от этого изменится и оценка своего положения рабочим крестьянством. Резче отделившись от крестьянства ярко-буржуазного (кулаки, скуп-

[1]) Писано весной 1906 г., когда эсеры собрали около половины голосов на нескольких крупнейших металлических заводах Ленинграда. (Примечание 1925 г.)

щики и т. п.) и мелкохозяйственного («трудового»), убедившись, что одной общей собственности на землю оказывается мало для упрочения его экономического благосостояния, что улучшить положение ему удастся скорее как рабочему, чем как мелкому хозяину,—эта часть крестьянства тем с большей энергией войдет в социалистические ряды и своим дружным напором увеличит мощь классовой рабочей партии. Развивая отсталые мелкохозяйственные стремления, народники могут иметь среди этой части сельского населения успех лишь временно, пока она несознательна, но ее классовое положение будет толкать ее на пролетарскую точку зрения. Батрацко-крестьянские политические организации в Венгрии, Италии, в Прибалтийском крае и других местах могут служить примерами того, как быстро переходят на точку зрения пролетариата сельские рабочие и примыкающие к ним полурабочие-полуарендаторы после того, как они убеждаются в невозможности человечески существовать при условии частного мелкого товарного хозяйства и приходят к мысли, что выход заключается лишь в объединении народного хозяйства под общим управлением для общей пользы.

Это крестьянство — р а б о ч е е крестьянство — будет в конце концов разочаровано предстоящей земельной реформой, поскольку ждет от нее превращения своего в самостоятельных хозяев, как бы широка эта реформа ни была. И иначе быть не может, потому что рабочий вопрос в земледелии и весь аграрный вопрос могут быть разрешены только так же, как и в промышленности: социализмом.

Иное будет положение мелкохозяйствующего т р у д о в о г о крестьянства и того слоя крестьянской буржуазии, который сам нанимает рабочих. И те и другие, в случае успеха, почувствуют себя удовлетворенными. Рядовой крестьянин, еще владеющий в достаточной для ведения хозяйства мере средствами производства, увидит, наконец, исполненной вечную свою мечту—иметь достаточно свободной от поборов земли, иметь возможность использовать рабочие силы своей семьи не при условиях непрерывной голодовки. Сообразно этому изменится и отношение этого слоя крестьян к дальнейшему течению революции.

Все крестьянство, стремящееся к земле, и трудовое и рабочее безразлично, должно волей-неволей приходить в столкновение с сторонниками царизма, должно быть республиканским. Мы уже говорили о двуликом Янусе. Социальной группой, интересы которой защищал преимущественно царизм, являлся прежде всего класс крепостников-землевладельцев. И в то же время именно крепостники-землевладельцы должны быть лишены прежде всего права собственности на землю, чтобы освободить крестьянское хозяйство от изнурительных поборов. Следовательно, как бы широкая крестьянская масса ни была проникнута

раньше, по своей темноте, самыми преданными чувствами по отношению к монархическому образу правления,—неумолимый ход вещей должен был уничтожить эти добрые чувства и ясно показать крестьянству, что царизм находится в первом ряду его врагов. Всевозможные свирепые усмирения и насилия, так часто практиковавшиеся царским правительством в деревне, много сделали в этом отношении. В сознании всего русского крестьянства они кровавыми письменами вырезали, что царский режим и земля в руках крепостников неотделимы одно от другого, что помещичья земля может стать крестьянской лишь с изменением прежнего режима. Поэтому после того, как крестьяне получат землю, для них обратное восстановление самодержавия стало бы невозможным. Возвращение самодержавия означало бы возвращение господства крепостников-землевладельцев и попытки отнять у крестьян полученные ими земли, вновь обложить их поборами. Бояться возвращения самодержавия после удовлетворения крестьянских требований не приходится.

Вновь монархическим хозяйствующее трудовое крестьянство не станет. Оно получит свое, потому что, как мы видели, это необходимое условие для поднятия производительности труда в России вообще. Получив свое, оно не вернется затем к старому строю, но несомненно остановится в своем революционном стремлении, потому что цель его будет достигнута. В этом заключается огромное отличие революционного движения мелкого крестьянства от революционного движения пролетариата.

Этого обстоятельства (различия основных хозяйственных интересов) не надо никогда забывать при оценке желания народников слить пролетариат в одну партию не только с рабочим, но и с мелким «трудовым» крестьянством.

Со временем, надо думать, с наступлением социалистического строя или, быть может, еще и до того, обстоятельства приведут и мелкого трудового крестьянина в массе к переходу на точку зрения необходимости социализма. Мы уже говорили об этом. Тогда и он сольется с пролетариатом в одну партию, но сольется не для поддержки своих мелко-и частнохозяйственных классовых интересов, как пытаются слить народники, но сольется с отказом от всех мелкохозяйственных упований, с пролетарским требованием объединения народного хозяйства на пользу общую.

И выяснением классовых противоречий, всей своей политикой, срывающей всякие прикрасы, вскрывающей истинный смысл всяких громких фраз, твердо ведущей линию к социализму,—марксизм постарается, чтобы это время наступило возможно скорее!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА ВЫСОКИХ МИРОВЫХ ЦЕН

О ВЛИЯНИИ ВЫСОКИХ ЦЕН НА СРАВНИТЕЛЬНУЮ ДОХОДНОСТЬ ХОЗЯЙСТВ.

1.

Кто хочет изучать судьбы и перспективы аграрных отношений в России, должен прежде всего обратиться к широко раскинувшимся южным степям, сплошной полосой протянувшимся от Дуная до Урала.

Здесь средоточие русского земледелия, здесь производится главная масса основного продукта русского вывоза—пшеницы, здесь земледелие более чем где-либо служит исключительным занятием сельского населения, а не только подспорьем к его промыслам, как на севере и отчасти в промышленном центре. Здесь—и в некоторых отношениях только здесь—наблюдается технический прогресс сельского хозяйства и рост сборов всего зерна на душу населения.

Работы В. Ильина, Постникова и др. в свое время отзодили немало места югу, но, написанные в девяностых или самом начале девятисотых годов, не могли, естественно, воспользоваться теми статистическими сборниками, какие появились лишь в последнее десятилетие [1]) и содержат в себе результаты земских переписей и обследований нашего времени.

Авторы работ по аграрному вопросу по необходимости оперировали с данными годов эпохи низких цен, и мощное влияние наступившего с конца 90-х годов прочного и длительного их повышения, естественно, не могло быть ими описано.

Так и остается оно подробно неизученным до сих пор. Писатели народнического толка ограничиваются или пережевыванием немецких ревизионистов, как Быховский, Огановский и др., или как Суханов—теориями настолько самобытного свойства, что даже сочувствующий Пешехонов приходит от них в смущение. Писатели марксистского лагеря смолкли последнее время в этой области почти

[1]) Напечатано в 1910 г. (Примечание 1925 г.)

совсем, устраняясь от фактического исследования. Между тем материал накопился вполне достаточный, дающий возможность тщательно проследить решительное, хотя и постепенное изменение всех устоявшихся было отношений.

2.

В печати неоднократно делались утверждения о вырождении и грядущем исчезновении помещичьего капиталистического хозяйства в русском земледелии. Указывалось, что разница в доходности капиталистической запашки и мелко-крестьянской не так уж велика,—в доказательство приводились официальные цифры об урожаях на надельных и «прочих» землях.

Между тем, «прочие» земли совершенно неправильно отождествлять с капиталистической запашкой, так как заметная доля их принадлежит крестьянам и т. п. мелким владельцам, ведущим хозяйство того же типа, какой преобладает и на надельных землях. А из владений крупных собственников значительная часть сдается в погодную аренду подесятинно крестьянам же. Низкий сбор на всех этих землях в общем итоге «прочих» затушевывает высокие урожаи предпринимательских капиталистических посевов.

Чтобы иметь право судить о действительном соотношении обоих типов хозяйств—предпринимательского (капиталистического) и продовольственного (мелко-крестьянского),— надо выделить из всех посевов на «прочих» землях собственный капиталистический посев крупных частных собственников («экономический») и сравнить сборы с него и доходность с данными о надельном (крестьянском) хозяйстве, год за годом за достаточно продолжительный промежуток времени.

Единственный уезд на всем юге, для какого имеются соответствующие земские данные, это—Елисаветградский у. Херсон. губ. [1]); как показывает ряд данных, по нему можно судить о ходе дела на нашем юге вообще. Результаты получаются очень интересные.

Разница между сборами на «собственном» посеве помещиков (экономическом) и сборами с крестьянских надельных земель оказалась значительно выше, часто вдвое, чем между последними и сборами с «прочих». Затем выяснилось, как не подлежащее сомнению [2]), определяю-

---

[1]) В ежегодных «Обзорах Херсон. губ. за . . . год», изд. Херсон. губ. зем. К сожалению, до 1894 г. подробные сведения отсутствуют. Площадь Елис. у.—4½ милл. дес. (превышает некоторые европейские государства), население—¾ милл. душ (плотность 53 чел. на 1 кв. версту).

[2]) По данным других губерний, напр., Екатеринославской, к этому выводу можно прийти лишь на основании косвенных показателей. См., напр., № 40 и № 41 «Ю.-Р. С.-Х. Г.», 1909 г. «К вопросу об аренде».

щее значение повышения цен в последнее время, настолько резко выраженное, что в нем и приходится искать ключ к уразумению происходящих изменений. Поэтому все имеющиеся данные (за 12 лет) мы разбиваем на период низких цен и период высоких, сменивший его, повидимому, довольно прочно.

В посевах надельных и экономических пропорция культур не совсем одинаковая, помещичьи экономии лучше приспособляются к требованиям рынка и земли. Чтобы это обстоятельство не затушевывало сравнения доходности, берем однородную пропорцию культур для обоих типов хозяйств, именно среднюю в уезде за рассматриваемый период. Фактическая средняя доходность экономий несколько больше, а крестьян—несколько меньше принимаемой нами, так что действительность еще несколько благоприятнее для помещичьего хозяйства, но зато нами сравниваются вполне однородные величины.

В расчет приняты 4 главных хлеба, занимавших в 1893—1905 гг. в среднем почти 84% всего посева уезда. В том числе $^1/_{12}$ приходится на озимую пшеницу, $^1/_6$ на рожь, $^1/_2$ на яровую пшеницу и $^1/_4$ на ячмень. Эта пропорция (на 1 дес.) и положена в основу всех вычислений, окончательный результат которых здесь излагается.

Начнем с сбора и цен. Средняя годовая цена (с лета до лета) всех четырех хлебов получалась геометрически, т.-е. делением всего валового дохода от всех 4-х хлебов на число пудов собранного зерна. Она составляла в

Трехлетие 1894—1896 гг.	40, 3	коп. за пуд
девятилетие 1897—1905 гг.	65, 5	» » »
+ или —	+62,56	» » »

В сравнении с периодом низкого уровня цены возросли почти на две трети. Это повышение—результат новой конъюнктуры на мировом рынке, где цены повысились длительно и прочно (см. ниже). Что определяющим моментом служит именно мировой рынок, а не урожай в России, ясно из сопоставления прироста цен со средними сборами:

	Трехлетие 1894 — 1896	Девятилетие 1897 — 1905	Плюс или минус в %
Копеек за пуд 4-х хлебов.	40,3	65,5	+ 62,56%
Пудов с одной дес. всех хлебов	40,0	39,5	— 1,22%

Никоим образом нельзя отнести это повышение на счет меньшей урожайности периода высоких цен. Бывшие в 1899—1900 гг. неурожаи покрываются избытком других лет. Средний сбор 4-х хлебов (понимая

под капиталистическим—собственный посев частных лиц, не сдаваемый в подесятинную аренду) составлял с 1 десятины:

	Трехлетие 1894 — 1896	Девятилетие 1897 — 1905	Плюс или минус в %%
капиталистич. посева . .	53,7 пудов	48,1 пудов	—10,4%
надельного посева	34,2 »	32,3 »	— 5,7%
превышение сбора капит. над надельн.	56,9% »	49,0% »	

Таким образом среднее превышение капиталистического сбора над крестьянским за все двенадцатилетие составляет в среднем 51%, между тем как обычно приводимое превышение «прочих» земель над надельными за то же время в Елисав. у. равно лишь 40,3%. Но если валовой сбор капиталистической запашки наполовину больше крестьянской, то чистый доход соответственно еще выше, так как издержки возрастают далеко не пропорционально сбору, особенно в таком хозяйстве, как наше помещичье, которое отличается от крестьянского не столько суммой затрачиваемого труда, сколько лишь более высокой капитало-интенсивностью и более целесообразным отношением к делу. И действительно, чистый доход капиталистической запашки превышает чистый доход надельной на 209,6% в среднем за все двенадцатилетие, т.-е. в 4 раза больше, чем соответственное превышение сбора. Но для нас интересны не столько эти средние, сколько изменение соотношения доходности во времени под влиянием повысившихся цен. Цифры говорят следующее:

С одной десятины	Трехлетие 1894 — 1896	Девятилетие 1897 — 1905	Плюс или минус
чист. дох. капиталист. пос.	9 р. 64,3 к.	15 р. 88 к.	+ 6 р. 23,7 к.
чист. дох. надельн. пос. .	1 » 63 »	5 » 62,2 »	+ 3 » 99,2 »
превышение капитал. над надельным	8 » 01,3 »	10 » 25,8 »	+ 2 » 24,5 »

Как видно, расстояние между доходностью капиталистической и крестьянской запашки увеличилось более чем на четверть, на 28%. Чем это должно было отразиться на взаимоотношениях хозяйств обоих типов? Прежде всего, конечно, повышением съемочной платы при подесятинной сдаче, возможность чего создается повышением доходности крестьянского посева (на арендуемых у помещиков землях крестьяне ведут хозяйство такого же типа и с таким же успехом, как и на своей надельной земле). Землевладелец лишь тогда охотно сдаст свою землю, если съемочная плата будет отставать от чистого дохода, возможного при организации им собственного хозяйства, не многим более, чем на тот рубль, который стоит ему администрация

(не засчитанная херсонск. статистиками в расходы его производства). Именно, в Елисаветградском у. мы находим такое соотношение:

	Трехлетие 1894 — 1896	Девятилетие 1897 — 1905	Плюс или минус
Чист. дох. с 1 дес. капит. посева	9 р. 64,3 к.	15 р. 88 к.	
Сред. съем. плата за 1 дес. владел.	8 » 65, »	12 » 27 »	+ 3 р. 62 к.
Превышение чист. дохода над аренд.	0 » 99,7 »	3 » 60 »	+ 2 » 61,3 »

Следовательно, аренда возросла почти на всю величину роста крестьянского дохода (3 р. 99,2 коп.), крестьянин отдал на увеличение аренды выше $^9/_{10}$ увеличения своего дохода (90,7%), но все-таки владелец терпит убыток больше 2½ руб. на каждой десятине при подесятинной сдаче ее крестьянам — сравнительно с тем, что получал бы при организации собственного хозяйства. Так увеличили возросшие цены, так сказать, удельный вес разницы производительности обоих типов хозяйств. Неизбежным выводом отсюда являлось расширение собственной (капиталистической) запашки и сокращение помещиками подесятинной сдачи своей земли крестьянам. Это и произошло.

Почему съемочные цены на владельческую землю не возросли еще более? Теоретическим пределом — максимумом платы при некапиталистической продовольственной аренде (а такова именно мелко-крестьянская) служит весь чистый доход плюс вся оплата труда арендатора-крестьянина. Если бы плата достигла этого размера—арендатору ничего не осталось бы для пополнения своего продовольствия, с какою целью и взялся он за аренду.

Выделяя из всей стоимости рабочей силы и рабочего скота $^2/_5$ на скот, согласно данным по Старобельскому и др. уездам, получим оплату рабочей силы арендатора. Суммируя ее с чистым доходом, будем иметь предельный максимум продовольственной аренды. Так как по данным «Обзоров Херсон. губ.», точные сведения о размерах подесятинной аренды имеются для Елисаветградского уезда за 10 лет, 1895—1904 гг., то и данные о чистом доходе и оплате рабочей силы [1]) возьмем

---

[1]) Без молотьбы, которая не засчитывалась херсонскими статистиками (соответственно в валовом доходе не считали соломы). В также степном Старобельском уезде оплата рабочей силы в начале 1900-х гг. на 1 дес. посева (с молотьбой) составляла 6 р. 52 к. для крупных владений и 6 р. 50 к. для средних (Мат. Хар. губ., в. IV), т.-е. на рубль больше, чем в начале 1900-х гг. в Елисаветградском уезде без молотьбы.

за тот же период, разбив его на две половины: пятилетие более низких цен (1894—1899) и пятилетие более высоких (1900—1904).

	1894 — 1899	1900 — 1904	За 10 лет
Сред. чист. дох. с 1 дес. крест. посева	4 р. 68,8 к.	7 р. 59,8 к.	6 р. 09,3 к.
Оплата раб. силы на 1 дес. посева	4 » 99,8 »	5 » 43,2 »	5 » 27 »
Предельн. максимум прод. аренды	9 » 68,6 »	13 » 03 »	11 » 86,3 »
Фактич. съемочная плата за 1 д. владельч. посева.	9 » 79,6 »	12 » 91,4 »	11 » 35,5 »

Иначе сказать, аренда поднялась уже до своего предельного максимума еще до повышения цен на хлеб, и если крестьянин, кроме вознаграждения за молотьбу (1 рубль), мог сберечь еще что-нибудь для себя, то только понижая питание своего скота и т. п., что, конечно, и происходило. Затем, рассматривая второй столбец, относящийся к периоду более высоких цен, находим, что всякое повышение доходности немедленно учитывается в пользу землевладельца. Крестьянину-арендатору, как цены ни подымешь,—все же не остается почти ни копейкой больше, чем оставалось раньше [1]).

А если и при таких условиях съемочная плата значительно отстает от дохода собственного (капиталистического) посева владельцев, то тут не поможешь уже никаким нажатием арендного винта, никаким сокращением потребностей крестьянина: просто сдача в аренду должна начать уступать место собственным посевам владельцев. Цифры говорят на этот счет следующее:

	Пятилетие 1895 — 1899	Пятилетие 1900 — 1904	Плюс или минус в %%
Ср. сбор 4-х хлеб. с 1 дес. собств. посев. личн. влад.	51,8 пуд.	51,0 пуд.	— 0,4%
Ср. год. цена 4-х хлебов [2]).	49,6 коп.	61,0 коп.	+ 23 %

[1]) Это касается, конечно, лишь обычной мелко-крестьянской погодной продовольственной съемки (подесятинной). В другом положении находятся многоимущие долгосрочные арендаторы-предприниматели, хотя бы из тех же крестьян. Располагая большими средствами и арендуя надолго и помногу, они гарантируют владельца от потери платы при неурожае, возможной при обычных подесятинных сделках с главной массой крестьян, и получают землю гораздо дешевле. Так, в Елисаветгр. уезде они платили в 1901—1905 гг. в среднем 7 руб. 50 коп. за десятину, в то время как крестьяне при обычной (подесятинной погодной) аренде—почти 13 руб.

[2]) Среднюю годовую цену 4-х хлебов, как главный показатель доходности, берем за 1894—1898 и 1899—1903 гг., т. к. размер аренды скорей зависит от итогов предшествующего сел.-хоз. года, чем от текущего, виды на который выясняются уже после факта аренды.

Собств. посев личн. владел.	239,7 тыс. дес.	299,4 тыс. дес.	+ 25 %
Сдано ими подесятинно .	87,1 тыс. дес.	51,7 тыс. дес.	— 40,6%
% собст. посев. ко всему посев. уезду	29,18%	33,1%	+ 13,4%

Трудно было бы придумать даже нарочно более красноречивые цифры. Подесятинная сдача сократилась почти вдвое. Капиталистическая запашка возросла на четверть. Характер изменения выразится еще резче, если сравнить рост капиталистического посева с движением остального посева и средним по уезду.

	1895 — 1899	1900 — 1904	Плюс или минус в %%
Собств. посев личн. владел.	239,7 тыс. дес.	299,4 тыс. дес.	+ 25 %
Весь остальной посев . .	581,7 » »	605,1 » »	+ 4 %
По уезду	821,4 » »	904,5 » »	+ 10,2%

Как показывает процент прироста, продовольственное хозяйство, крестьянское, стоит почти на одном месте. Весь почти прирост (вместе с выигрышем земледелия от высоких цен) выпадает на долю собственной запашки частных личных владельцев. В экономическом отношении и при низких и при высоких ценах на зерно помещичий капиталистический посев выгоднее крестьянского и дает больше валового продукта. Но благодаря социальным отношениям, порождающим «продовольственную аренду», при низких ценах столь же и даже более доходна для помещиков и подесятинная сдача помещиками своей земли крестьянам. Как только цены на хлеб повысились—крестьянское хозяйство потеряло возможность конкурировать с капиталистическим своей «голодной арендой», и капиталистическое производство стало в буквальном смысле, «вырывать у него почву из-под ног» и концентрировать в себе все большую долю производства зерна.

Что Елисаветградский уезд типичен для всего степного юга, подтверждают все прямые и косвенные данные, какими только можно располагать. Так, в Царицынском уезде, единственном уезде Саратов. губ., вполне принадлежащем по своему характеру к нашей области в процентном распределении посевов [1]) произошли за последние годы такие изменения:

	Трехлетие 1899 — 1901	Трехлетие 1904 — 1906	Плюс или минус в %%
Собств. посев части. владел.	2,14%	6,93%	+ 223,8%
Весь остальн. посев уезда.	97,86%	93,07%	— 4,9%

[1]) Матер. для оц. зем. Сарат. губ., вып. VI, 1908 г.

Картина вполне сходная с Елисаветградским уездом: доля собственной помещичьей запашки в общем посеве уезда все возрастает, крестьянское надельное, арендное и на купленных товариществами землях хозяйство начинает оттесняться с своих позиций. Повидимому не вполне своевременно народническое пение отходной капиталистическому предпринимательскому производству в нашем земледелии по его предполагаемой нерентабельности.

В связи с этим можно отметить, между прочим, некоторое замедление в темпе перехода дворянских земель в другие руки. И это несмотря на стремительный рост цен на землю, поднявшихся в Елисаветградском уезде с 116,1 руб. за 1 десятину в 1898 г. до 240,9 руб. в 1904 г. (по данным нотариал. архив.). Полного прекращения дворянского обезземеления ждать, конечно, нельзя, так как многие не имеют оборотных средств и возможности для организации самостоятельного производства.

По данным Дворян. банка (обз. Херс. г. за 1896 г.) в Елисаветградском уезде во владении дворян числилось к началу:

1877 г.	596,4	тыс. дес.
1886 »	495,8	» »
1896 »	395,8	» »

Иначе сказать, ежегодная потеря неуклонно составляла в среднем 10 тысяч десятин. Затем по данным ежегодных обзоров дворянские потери за 10 лет, 1896—1905 гг., составили всего почти 64 тыс. дес. А если принять среднюю годичную потерю предшествующего десятилетия за 100, то получится такой ряд:

Годы	Ср. годов. потеря дворян
1885—1895	100 %
1896—1900	84,6%
1901—1905	43,4%

За последнее пятилетие, сравнительно с предыдущим, потери дворян уменьшились на 48,7%, а площадь сдаваемой личными частными владельцами земли, как мы знаем, уменьшилась на 40,6%—все факты одного рода. Крупное владение делается сравнительно устойчивее и все более переходит в крупное хозяйство, а не только владение.

Об упрочении же свидетельствует и прекращение роста % заложенных частновладельческих земель. До периода высоких цен площадь заложенных земель росла очень быстро, в 1895 г. равняясь 74% всех частновладельческих земель, к концу 1898 г. достигла уже 82%. С этого года процент заложенности стоит почти на одном уровне, скорее с небольшой тенденцией к понижению, и к 1 янв. 1906 г. составляет ровно 80%.

Наконец, абсолютное количество рабочего скота (волов и лошадей), не изменившееся у «прочих» владельцев, у крестьян в девятисотых годах (1901—1905) сравнительно с девяностыми (1895—1898) уменьшилось довольно заметно—на 6,4%.

Словом—нет никаких данных, которые противоречили бы ясно выраженному все нарастающему перевесу владельч. хоз. над крестьянским. Остается еще раз напомнить, что фактически капиталистическое хозяйство еще выгоднее, так как благодаря более благоприятной пропорции культур, чем средняя по уезду, действительный средний сбор 4-х хлебов здесь выше, чем принималось нами:

	1903 г. (урож.)	1905 г. (неурож.)
Принятый сбор с 1 дес. капит. посева .	62,3 пуд.	38, 2 пуд.
Фактический » » 1 » » » .	72,7 »	43,16 »
Принятый » » 1 » надел. » .	51,5 »	19, 1 »
Фактический » » 1 » » » .	51,5 »	19, 3 »

ДОХОДНОСТЬ ХОЗЯЙСТВА И РАЗВИТИЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

1.

Сравнительная экономическая выгодность помещичьего и крестьянского посева с удобством измеряется отношением стоимости производства к его результатам, т.-е. к цене полученного с 1 десятины продукта. Вот соответственные цифры (для 4 главных хлебов в среднем[1]) по Елисаветградскому уезду. В периоды низких и высоких цен на хлеб отношение это соответственно равнялось:

	1894 — 1896 гг. (низкие цены)	1897 — 1905 гг. (высокие цены)
помещиков	60,2%	49,5%
крестьян	89,2%	82,9%

Иначе сказать, во-первых, под влиянием повышения цен на хлеб, доля издержек производства падала у хозяйств обоих типов. Во-вторых, у помещиков она упала на 17,7% прежней величины, а у крестьян только на 7%, потому что чем больше сбор с одной десятины, тем быстрее падают издержки на один пуд при росте цены валового продукта. В-третьих, и это очень любопытно, в экономическом отношении (т.-е. в смысле рентабельности) собственный помещичий посев оказывается выгоднее крестьянского посева и при низких ценах и при высоких. Если принять для каждого периода величину указанного отношения у помещиков за 100%, то получится:

	1894 — 1896 гг.	1897 — 1905 гг.
у помещиков	100%	100 %
у крестьян	148%	167,3%

Таким образом, по соотношению между затрачиваемыми средствами и получаемыми результатами, крестьянское хозяйство оказывается на половину и на две трети хуже поставленным, чем помещичье. Таков ответ жизни на предположения народнических «теорий» об обязательности якобы большей выгодности мелкого хозяйства сравнительно с крупным.

---

[1]) Пшеница озимая и яровая, рожь и ячмень—средняя взвешенная.

Обстоятельство это объясняется главным образом четырьмя характерными чертами степного помещичьего хозяйства, сравнительно с крестьянскими:

1. Более интенсивные у помещиков системы производства, невозможные при данных условиях при слишком мелких размерах хозяйства (имеющихся у крестьян). Это и понятно: не заведешь многополья на небольшом, сравнительно, клочке. Даже больше того, если взять с одной стороны частные (т.-е. все ненадельные) хозяйства до 100 дес., а с другой—частные же хозяйства свыше 600 десятин, то для степного Старобельскоего уезда Харьковской губ. [1]) будем иметь, что в каждом из этих разрядов из каждых 100 десятин пашни находится под системами:

	Одно-трех-полье	Четырех-девятиполье
хозяйств до 100 десятин	67,1%	8,1%
хозяйств свыше 600 десятин	26,4%	59,5%

Впрочем, многополье в помещичьих экономиях юга практикуется в связи с оставлением части пашни под залежь и толоку, так что основной экстенсивный характер хозяйства остается. Но в крестьянском хозяйстве нет почти и такого многополья.

2. В связи с многопольем более рациональная в товарном и агрономическом отношениях пропорция и чередование культур, что предохраняет почву от истощения, повышает урожаи и делает их устойчивее. Так, в том же Старобельском уезде под озимыми в хозяйствах до 100 дес. занято 5,1% посева, а в хозяйствах свыше 600 десятин целых 17,1%. Во всех пятнадцати уездах Полтавской губ. конопля, лен, картофель, баштаны, посевные травы, табак, свекла и др. корнеплоды вместе занимают только 4,2% всего крестьянского надельного и мелкого частного посева, но почти в 4 раза большую долю крупновладельческого посева (15,1% по переписи 1900 года). Здесь сказывается более потребительский характер мелкого хозяйства и исключительно товарный—хозяйства крупного (помещиков).

3. Большая капитало-интенсивность, доступная помещичьему хозяйству в силу его большей экономической мощности (например, лучшие орудия), при экстенсивной системе дающая большие преимущества и вместе с тем не требующая большего увеличения ежегодных затрат на амортизацию и ремонт, а только крупного единовре-

[1]) По земской переписи, изд. Харьк. губ. зем. в 1908 г.

менного расхода, недоступного мелкому хозяину. На 100 дес. пашни в крупных хозяйствах Старобельского уезда приходится ценности мертвого инвентаря на 40% больше, чем в мелких частновладельческих, не говоря уже о крестьянских, а расходы на амортизацию и ремонт всего на 25% больше, что с избытком покрывается получаемой пользой.

4. Лучшее использование имеющихся сил, например, более своевременная обработка пашни под весенний посев—не предшествовавшей осенью, а предшествующим летом. По данным полтавского опытного поля за 25 лет, одно только это, удерживая влагу в почве, повышает урожай на $^1/_3$ и $^1/_2$ без всякого увеличения издержек. Русская агрономия признает это правилом для всего нашего засушливого юга. Между тем крестьянину обычно невозможно одновременно производить разные работы: молотьба хлеба заставляет его обычно откладывать пашню «под зябь» на позднюю осень, иногда до ноября, а при хорошем урожае—и вовсе отказываться от нее, ограничиваясь весенней вспашкой перед посевом. Помещичье же хозяйство, благодаря своим размерам (числу рабочих), производит работы своевременнее, при чем в общем в то же время затрачивается на рабочую силу по расчету на 1 дес. пашни не больше крестьянского. В Старобельском уезде в мелких владениях (до 100 дес.) на рабочую силу и на администрацию вместе расходуется на 1 дес. пашни 6 руб. 93 коп., а в крупных (св. 600 дес.)—7 руб. 16 коп., а только на рабочую силу в мелких—6 руб. 85 коп. и в крупных—6 руб. 54 коп. Разница, таким образом, не в размерах расходов, а в возможности более свободного маневрирования рабочей силой для своевременности ее приложения. Такая возможность облегчается прежде всего более крупным количеством работников в хозяйстве, т.-е. крупными размерами хозяйства.

Естественно, что в итоге в крупном (помещичьем) хозяйстве издержки производства на пуд хлеба выражаются меньшей цифрой и при низких и при высоких ценах. Однако при низких ценах на хлеб крестьяне в состоянии еще покрыть эту разницу отказом от оплаты почти всего своего труда на арендованной земле. При высоких—и этот отказ не может уравнять уже слишком неравные условия.

Отсюда неизбежность сокращения продовольственной аренды в период высоких цен со всеми вытекающими отсюда последствиями для мелкого крестьянского хозяйства. Земские переписи последних лет полностью подтверждают такое заключение.

2.

Земские подворные переписи, произведенные в первое десятилетие XX века в некоторых уездах южной России, способны придать новую постановку вопросу об аренде полевых земель. К сожалению, имеющиеся в обращении общие труды по русскому аграрному вопросу поневоле игнорируют эти данные, будучи составлены еще в конце 90-х годов или в начале 900-х годов. Тем более важно обратить внимание на назревающие тенденции.

Для дальнейшей работы мы пользуемся рядом изданий, относящихся приблизительно к одному району степного зернового хозяйства. (Вып. I сб. по осн. ст. Тавр. г., подв. пер. Перекоп. у., Симф., 1907 г.; Мат. по оц. зем. Харьк. г., т. IV частновлад. хоз. Старобельск. уезда. Харьков, 1908 г. Мат. по оц. зем. Екатериносл. г., по уезду Славяносерб. (1906 г.), Александровскому, Екатеринославскому и Мариупольскому (1904 г.). Площадь сдаваемых в аренду земель в этом районе, как известно, очень велика. Аренда здесь характеризуется тремя типами: 1) внутринадельная аренда крестьянами же, 2) долгосрочная частновладельческих земель за деньги и 3) краткосрочная, денежная или натуральная, частновладельческих же имений почти исключительно крестьянами (подесятинная).

Если взять площадь крестьянской земли, всей удобной или пахотной (надельной и купленной, не считая сданной в аренду), то окажется, что площадь приарендовываемых крестьянами земель составит к ней:

В Славяносербском	уезде	(вся удобн.)	66,0%
» Александровском	»	(пахот.)	40,7%
» Екатеринославск.	»	(вся удобн.)	66,4%
» Перекопском	»	(вся удобн.)	111,1%
» Мариупольском	»	(пахот.)	35,0%

Что касается не крестьянских, преимущественно частновладельческих земель, то из них сдается в процентах:

В Славяносербском	уезде	(вся удоб.)	62.13% [1]
» Александровском	»	(пахот.)	66,75%
» Екатеринославск.	»	(вся удобн.)	45,00% [2]
» Старобельском	»	(вся удобн.)	50,50%

Таким образом на юге в аренде находится около половины, часто больше, всех не крестьянских полевых земель. При чем на арендуе-

---

[1] В том числе крестьянами 51,7%, т.-е. пять шестых.

[2] Только крестьянами, не считая прочих арендаторов.

мых землях крестьяне ведут в настоящее время от $^1/_4$ до $^1/_2$ всего своего хозяйства. Понятно, насколько заинтересованы обе стороны в арендных отношениях, и какое они имеют значение в общей экономии сельского хозяйства. В исключительной важности изменения таких арендных отношений для устойчивости мелкого крестьянского хозяйства сомневаться не приходится.

Недостаточная наделенность землей для удовлетворения продовольственных и податных требований; экстенсивность крестьянского хозяйства и затруднительность его развития вследствие недостатка материальных средств; конфигурация наделов, заставляющая иногда арендовать «против воли»; недостаток некоторых специальных угодий—все побуждает крестьянина брать землю. Нет надобности особенно останавливаться на отрицательных чертах крестьянской аренды, они слишком известны. Чрезмерно высокие арендные цены, не только не оставляющие крестьянину чистого дохода, но даже лишающие его иногда части оплаты затраченной им рабочей силы, если расценивать ее по существующим в уезде нормам; материальная необеспеченность арендатора, приводящая к наиболее невыгодной для него краткосрочной подесятинной съемке и вместе с тем к хищническому непрерывному распахиванию участка впредь до полного его засорения; низкая урожайность, низкий валовой доход и потери отсюда в общей экономии страны—все эти моменты много раз подвергались обсуждению.

Проекты регулирования аренды выходили до сих пор [1]) преимущественно из среды землевладельцев или же лиц, в значительной степени отражавших из взгляды. Из 531 уездных комитетов о нуждах сельского хозяйства, учрежденных по распоряжению Витте в 1902 году, очень многие обсуждали вопрос об аренде, но чрезвычайно односторонне. Поскольку признавалась высота арендных плат, она относилась на счет краткосрочности аренды и признавалась, во-первых, «платой за риск» землевладельца, необеспеченного при неурожае в аккуратности получения условленной суммы вследствие маломощности съемщика, и, во-вторых, вознаграждением за хищническое истощение полей—это неизбежное следствие краткосрочности сдачи. Однако за законодательное воспрещение краткосрочности и за ограничение срока не менее чем 6 годами из всех 531 комитетов высказались лишь 3: Нерехтский Костромской губ., Вольмарский Лифл. губ., Шлиссельбургский Петербургск. губ. [2]). Точно также за законо-

---

[1]) Напечатано в 1909 г. в № 40 харьковской «Южно-русской Сел.-Хоз. Газеты». (Примечание 1925 г.)

[1]) См. Флексор. «Аренда»

дательное регулирование арендных цен высказались лишь 4 уезда: Новоузенский Самарск. губ., Вольский Саратовск. губ., Перекопский и Днепровский Таврич. губ. Да и странно было бы ожидать, чтобы землевладельцы, из которых преимущественно состояли эти комитеты, по собственной инициативе отказались от возможности учесть немедленно повышением аренды всякое изменение цен на хлеб и другие условия.

Проекты регулирования аренды, возникавшие (независимо от витевских комитетов) в земских сферах и среди членов сельскохозяйственных обществ, также окрашены были в определенно землевладельческий цвет. По большей части они сводились к требованию правительственной гарантии за исправность крестьянских платежей, вроде существующей гарантии жел.-дор. займов. Предполагалось, что на этих условиях помещики согласятся несколько понизить арендные цены (ввиду полной обеспеченности поступления дохода), а крестьяне при правительственной гарантии смогут брать землю долгосрочно. Правительство же всегда сумеет взыскать с крестьян недоимки, как взыскивает по всем другим повинностям, что недоступно частным лицам. Так, например, предлагал Бялоблоцкий, доклад которого Оренбургское общество сельского хозяйства постановило разослать для обсуждения во все сел.-хоз. общества России. Такая постановка вопроса освобождает, конечно, владельцев от всяких решительно забот, но ничуть не гарантирует против ростовщического роста цен и полного обессиления крестьянского хозяйства.

Земские агрономы, с своей стороны, не раз выдвигали различные планы кооперативной организации аренды в более или менее чистом виде. Так, на губ. агр. совещании в Полтаве Красинский, представитель Золотоношского общества сельского хозяйства, предлагал вместо аренды устраивать акционерные сел.-хоз. компании. Помещик получает акции на сумму стоимости имения, а рабочие (крестьяне)—по 1 акции в 100 руб., которые должны ссудить им под проценты земство. Доход распределяется по акциям. В том же 1904 г. Василенко («Хуторянин», № 18—19) в докладе Полтавскому общ. сел. хоз. предложил ввести неделимые долгосрочные арендные хозяйства с неделимым же инвентарем,—с тем, чтобы цены на землю устанавливать на 10 лет по решению губ. зем. управы с участием 2—3 специалистов (от Крест. банка и от правительства). Если первое из этих предложений было лишь фиговым листком на обычном отношении к трудящимся, то и последнее все же совершенно не гарантировало крестьян-арендаторов. Губернская управа состоит обычно из представителей одной стороны—землевладельцев; участие же непосредственно заинтересованных—крестьян—в определении цен Василенкой не предусма-

тривалось. Через некоторое время агроном. совещание при Полтавском губ. земстве признало нужным «посредничество мелких сел.-хоз. обществ по аренде земель». Выразилось ли оно в чем-нибудь практически, нам неизвестно, но кажется, что нет.

Радикальнее были предложения саратовских агрономов, обсуждавшиеся в совещании при губ. зем. управе в 1903 г.: распространение законов о ростовщичестве на сферу арендных отношений и отчуждение от частных владельцев «тех земель, какие существенно необходимы для известной группы населения, в устранение полного разорения». («Саратовск. Зем. Неделя», № 12 за 1903 г.)

Еще радикальнее высказались в начавшуюся затем эпоху народного движения 1905—1906 гг. оппозиционные и крайние партии и с ними значительная часть крестьян. Поскольку речь шла об арендуемых землях, они требовали перехода их в руки крестьян или с выкупом непосредственно или без выкупа через посредство местных самоуправлений или государства и общин. Последним путем имелось в виду оставить в руках крестьянина крупные средства, идущие на уплату аренды, и тем открыть возможность технического и культурного развития его хозяйству. Невыгодное для отдельных землевладельцев, такое решение вопроса было самым многообещающим для общей совокупности русского хозяйства.

Но все проекты остались проектами. Между тем возраставшая выгодность капиталистического хозяйства в земледелии должна была привести к двум результатам. О первом из них наглядно свидетельствует следующая таблица, касающаяся распределения сдаваемой в аренду пашни между долгосрочной и краткосрочной арендой:

	Долгосрочная	Краткосрочная	В том числе натур.
Славяносербск. уезд (1904)	40,5%	59,5%	20,8% [1]
Старобельский „ (1905)	46,5%	53,5%	36,3% [2]

Между тем в 1898 г. в соседних Александровском [3]) и Екатеринославском уездах долгосрочно сдавалось 67—76%, а натурально всего 14,7% и 6% (включительно с издольной арендой).

Долгосрочная сдача заложенного владения, целым имением или участками, как справедливо замечает составитель стат. опис. по Староб. уезду Попов, служит обыкновенно переходом к окончательному раз-

---

[1]) В том числе за отработки 1,15%

[2]) В том числе 2,5% смеш. и 0,9% за отработки.

[3]) Ныне Запорожский уезд. (Примечание 1925 г.)

рыву прежнего владельца со своим хозяйством. Наблюдение ее в позже обследовавшихся уездах одного и того же района в значительно меньшем количестве дает, повидимому, возможность заключить, что крупные владельцы начинают, наоборот, хозяйствовать на своей земле. Рост краткосрочной подесятинной сдачи непосредственно самими владельцами в этих условиях означает, что они стремятся включить в свой севооборот и сдаваемые земли, к обработке которых за свой счет пока почему-либо не могут приступить. С этою целью владельцы, как свидетельствует земское обследование Староб. уезда, «часто ставят в условие обязательно сеять определенные растения и определенно чередовать поля под посев, толоку и залежь, или комбинируют поля, сдаваемые и оставляемые в собственной эксплоатации, так, чтобы в результате сдачи не нарушался принятый в хозяйстве севооборот».

Особенно интересно отметить, что роль издольной сдачи увеличивается по направлению от мелких владений к крупным (Старобельск. уезд., «Мат. Хар. губ., вып. IV», стр. 80), что как бы указывает на стремление крупных владельцев обеспечить себя рабочей силой, замаскированным наймом которой является, собственно говоря, издольная сдача. Между тем раньше, сдавая землю долгосрочно (хотя бы ее снимали с целью пересдачи тем же крестьянам), владельцы совершенно выпускали из своих рук контроль над севооборотом и т. п.

Державшийся кое-как хозяйственный строй южной деревни неминуемо должен был распасться, раз была поставлена под вопрос аренда частновладельческих земель. Потерять равновесие должна была, конечно, главная масса крестьян—те, кто арендует для покрытия продовольственных недостатков, а не от избытков средств для дохода. Наглядно иллюстрируется это данными, например, земской переписи Екатеринославского уезда 1898 г. о крестьянских хозяйствах двух разрядов: размером до 20 дес. и размером свыше 20 дес.:

	До 20 дес.	Свыше 20 дес.
Число дворов	28.846	1.728
У них земли (надел. и купл., кроме сданной)	160 тыс. дес.	80 тыс. дес.
Приарендовано	141,5 » »	18,5 » »
В %%	88%	23%

«Крепкие» хозяйства, хотя их всего 6%, имеют целую треть всей надельной и купленной земли. Из всей площади аренды на них приходится лишь около $^1/_{10}$ (11%). Наоборот, в мелких хозяйствах (а их 94% всех) аренда играет в несколько раз большую, решаю-

щую роль. Вывод отсюда ясен: существовать они без нее не могут, ликвидация вненадельной аренды у помещика должна сопровождаться тенденцией к ликвидации надельного хозяйства главной массы крестьян.

Новейшими земскими обследованиями мы видели, как установлен факт превышения в настоящее время доходностью капиталистического земледелия арендной платы. Тогда и самое изменение характера аренды (долгосрочная—краткосрочная) должно оказаться лишь переходной ступенью. Место продовольственной аренды при таком соотношении должно постепенно занимать капиталистическое хозяйствование помещиков на их земле. Недурно иллюстрирует это анкета Вольно-Эконом. Общества: «Аграрное движение 1905—1906 годов». Корреспонденты Вольно-Эконом. Общества из Новороссии прямо заявляют, что крестьянские беспорядки в Верхнеднепровском и др. уездах Новороссии имели причиной предшествовавший им незадолго переход некоторых крупных владельцев к батрацкому хозяйству и вызванное этим значительное сокращение и даже полное прекращение сдачи ими в аренду земли, которая частью запускалась под толоку, частью начинала обрабатываться капиталистически [1]).

Сокращение сдачи частновладельческих земель в аренду должно было прежде всего ударить по той части крестьянства, какая приарендовывала землю не для расширения производства с целью дохода, а для покрытия продовольственных недостатков. Тем самым часть эта принуждалась стать на путь ликвидации и надельного своего хозяйства,—к чему столь полную возможность предоставил закон 9 ноября 1906 г. о продаже крестьянских наделов. Уже и до этого времени значительная и все увеличивавшаяся часть крестьянской пашни сдавалась более «крепким» однообщественникам. Согласно земским переписям 1884—1885 гг. и 1898—1904 гг. [2]), из крестьянской земли сдавалось:

	1884 — 1885 гг.	1898 — 1904 гг.
Славяносербский уезд	5 %	10,4%
Мариупольский »	9,4%	23,2%
Александровский » [3])	(?)%	14,8%
Екатеринославск. »	(?)%	12,1%

Сдача крестьянами в аренду своей надельной земли все чаще служит предисловием к полному оставлению этой (более бедной) долей

---

[1]) См. «Обзор» Б. Громана в т. II «Агр. дв».

[2]) Данные 1884—1885 гг. цо книге Посникова «Южно-русс. хоз.», 1890 г., стр. 137. Для 1904 г., для Слав. у. принята в расчет вся над. и купл. земля, для Екатеринсл.—вся надельная.

[3]) Для Александр. и Мариупол. уезд. принята в расчет вся надел. пашня.

крестьян попыток остаться самостоятельными хозяевами. «Крепкие» крестьяне спешат за бесценок скупить надел слабых хозяев, лишая их хотя бы иллюзорной самостоятельности. Да иначе и не могло быть, так как державшийся кое-как хозяйственный строй южной деревни неминуемо должен был распасться, раз была поставлена под вопрос возможность аренды крестьянами частновладельческих (помещичьих) земель. Что тяжелей всего должно было приттись именно мелким хозяевам среди крестьян, наглядно иллюстрируется следующими, напр., данными земской переписи о крестьянской аренде в Екатериносл. уезде в 1898 г.:

Размер владения	Число дворов	У них надельн. и куплен., кроме сданной	Приарендовано
До 20 десятин	28.846	160 тыс. дес.	141,5 т. д. = 88%
Св. 20 »	1.728	80 » »	18,5 » » = 23%

В мелких хозяйствах снятие земли в аренду играло в четыре раза большую, прямо решающую роль. Вывод отсюда ясен. Конечно, поскольку речь идет о скупке наделов, и раньше сдававшихся в аренду,—это лишь юридическое оформление уже сложившихся экономических отношений. Иное дело—оставление самостоятельного хозяйства теми, кто им еще занимался.

Таким образом на основании последних земских обследований уездов южной России можно, повидимому, заключить, что земледельческое хозяйство находится в процессе весьма существенной переработки. Капиталистическое хозяйство делается доходнее продовольственной аренды, эта последняя стоит на пути к исчезновению, в связи с чем должно ликвидироваться и надельное хозяйство низших слоев крестьянства, а внутринадельная аренда должна заменяться все больше продажей наделов беднотой. Попытки крестьян в 1905—1906 гг. силой остановить рост капиталистического хозяйства в Новороссии оказались неудачными. Этот оборот экономического развития, выводя крестьянскую массу из длительного состояния неустойчивого равновесия, заставляет ее определеннее диференцироваться и бросать свои насиженные места—выселяться в города, в Сибирь, замещать собой пришлых рабочих, делать ненужным их прилив.

Подтверждений, достаточно доказательных, такого заключения имеется сколько угодно. Выселение в Сибирь раньше было ничтожно, теперь растет не по дням, а по часам. Согласно отчету земской областной орг. [1]), число переселенцев составило в тысячах:

[1]) См. приложение к протоколам постан. Екатерин. губ. зем. собр., 1908 г., стр. 1421.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	перв. 9 мес. 1908 г.
Из Харьковской губ. . . .	1,3	6,5	19,3	48,1
Из Екатериносл. » . . .	1,8	6,7	8,7	26,4

А если бы не задержка со стороны администрации, выселение шло бы еще скорее. На весну 1909 г. для Херсонской губ. затребовано земли в Сибири для 87 тыс. душ пересел. об. пола, а дано лишь для $5^1/_2$ тыс. душ. Харьковская губ. требовала для 82 тыс. чел. об. пола, а получила лишь для 12 тыс. Полтавская губ. просила для 146 тыс., получила лишь для 38 тыс. и т. д. [1]).

Число пришлых с.-х. рабочих в южные степи еще недавно исчислялось ежегодно десятками тысяч на каждую губернию. Для северян юг казался каким-то благодатным привольем. В Екатеринославской, напр., губ. еще в 1893 г. число пришлых сел.-хоз. рабочих определялось в среднем в 63 тыс. чел. (Е. Варб. «Наемн. с.-х. раб.», М., 1899 г.), в 1900 г., несмотря на неурожай этого года было зарегистрировано на врачебно-продовольственных пунктах свыше 31 тыс. пришлых рабочих (Шаховской. «Землед. отход», стр. 157 и сл.). А в 1907 г. в этой обширной губернии записано на пунктах всего 9 тыс. челов., в 1908 г.—только 6 тыс. чел., цифры совершенно ничтожные, особенно при крупном росте запашки [2]). Стало слишком довольно батраков на местах, чтобы нужен был еще крупный прилив их со стороны.

Рост «крепкого» батрацкого хозяйства в деревне, рост крупного капиталистического хозяйства в частновладельческих экономиях находят себе блестящее подтверждение в быстро растущем—на фоне обесхозяйствления и выселения низов—числе заводов сельскохоз. орудий и ввозе сложных машин, не производящихся в России и применяемых только в крупных хозяйствах.

До 1903 г. сельскохозяйственных заводов на всем юге России [3]) было всего 20, они производили не очень дорогие простые орудия улучшенного сравнительно с обычным крестьянского типа. В 1908 году в южных губерниях их оказывается уже в 5 раз больше—целых 100—с 6 тыс. рабочих («Нужды деревни», № 46 за 1908 г.). Что касается ввоза из-за границы сложных машин, то в 1898 г. его, можно сказать, еще вовсе не было, теперь же он направляется в значительной своей части именно на юг России. По официальным [4]) сведениям он составлял:

---

[1]) См. И. Ребрин. «Что нужно знать ходокам», стр. 52.

[2]) См. прилож. к проток. постан. Екатерин. губ. зем. собр., 1908 г., стр. 569.

[3]) Нынешняя Украина, Крым и Северокавказский край. (Примечание 1925 г.)

[4]) См. «Сборник ст.-эконом. свед. по сел. хоз. России». Спб., 1907 г.

	1898 г.	1902 г.	1906 г.
	В тысячах пудов.		
Жнеи-сноповязалки	8	321	567
Жнеи с самосбр. приб.	2	413	479
Сложн. паров. молотилки	54	431	534
Сеноворош. и конн. грабли . . .	1	227	163

Рост—не имеющий себе равного. Крупные владельцы прямо с лихорадочной быстротой спешат оборудовать производство. Не доставляй оно им выгод, они предпочли бы попрежнему сдавать свои земли в аренду и не тратиться на современный инвентарь. Даже война с Японией 1904—1905 гг. и аграрное движение 1905—1906 гг. не задержали почти этого процесса. Привоз всех сложных сел.-хоз. машин, кроме локомобилей, в 1906 г. достигал 1.913 тыс. пуд., а в следующем, 1907 г., уже 2.297 тыс. пуд. (Записка Сов. съездов о мерах к подъему жел. пром., 1908 г., стр. 40).

В 1898 г. кооперативных учреждений южная деревня почти не знала—к 1909 г. их уже тысячи (см. «Вопросы местной кооперации», изд. «Ю.-р. с.-х. газ.»).

По земской переписи уже на рубеже XX века в Екатеринославском уезде едва 6% всех крестьянских дворов сосредоточили 33% всей надельной и купленной земли. Таким образом среди самих крестьян имеется кому скупать от более бедной части надельные земли. А такая скупка должна вызвать понижение площади продовольственной аренды не только путем перехода крупных экономий к капиталистической запашке, но и путем сокращения числа носителей продовольственной аренды—низшего и среднего крестьянского слоя. Рядом все более становятся крупно-капиталистические хозяйства аграриев и мелко-капиталистические хозяйства «крепких крестьян»,—вместо прежней сдачи помещичьих имений мелким подесятинщикам в аренду, с одной стороны, и продовольственного хозяйства этих мелких крестьян—с другой.

Крупные крестьяне, действительно, выделяются теперь в первую голову на всем юге к одному месту. Если сравнить средний размер надела на 1 крестьянский двор (по статистике 1905 г.) с средним размером надела дворов, ходатайствовавших о выделе к одному месту в 1909 г., то получится на один двор:

Губернии	Выделяющийся к одному месту	Вообще по губернии
Полтавская	23,0 дес.	4,9 дес.
Воронежская.	17,7 »	9,6 »
Саратовская	14,9 »	9,5 »
Самарская.	26,1 »	18,8 »

В противоположность рядовой крестьянской массе, просто спешащей укрепить за собою надел выделом его в собственность и вместе с тем оставляющей его в чересполосице,—к одному месту выделяются явно крупные «крепкие» хозяйства, получающие возможность этим путем ввести «у себя» все агрономические улучшения, доступные и возможные только благодаря величине и единству владения. Это-то крупное крестьянство, избавленное от необходимости существовать продовольственной подесятинной арендой, могло принять и приняло участие в повысившейся доходности земледелия под влиянием высоких цен на хлеб. Оно и создало тот спрос на улучшенные крестьянские орудия, который за пять лет (1903—1908 гг.) упятерил число заводов сел.-хоз. орудий на юге. Теперь ясно, почему можно бы привести такие, казалось бы, взаимно исключающие друг друга цифры, как рост спроса на крестьянские орудия и одновременное усиление бегства крестьян из деревни. Высокие цены на хлеб повышением доходности помещичьего хозяйства и вызванным этим сокращением продовольственной аренды дали мощный толчок диференциации крестьянства и одновременно росту производительных сил в земледелии. «Крепкие» прикупали орудия, а бедные—бежали из деревни.

Выше приведены данные об увеличившемся в 30 раз за 10 лет с 1898 г. по 1907 г. ввозе сложных сельскохозяйственных машин, употребляемых только в помещичьих крупных имениях[1]). Теперь ясно, почему земская статистика на-ряду с этим и с увеличением площади капиталистической помещичьей запашки констатирует уменьшение прилива пришлых летних с.-х. рабочих на юг: благодаря крушению мелкого хозяйства, базировавшегося на продовольственной аренде, помещики находят теперь достаточно рабочих на месте из разоряющихся местных крестьян. Напр., в Елисаветградском уезде за 15 лет (1894—1908 гг.) количество пришлых сел.-хоз. рабочих с 38 тысяч в год уменьшилось втрое—и все-таки прежний «тревожный» вопрос о недостатке рабочих рук отошел для южного помещика в прошлое.

Понятно, наконец, при тенденциях, на наличность которых указывают все эти последние земские переписи, почему оставлены без практических последствий прежние проекты регулирования аренды, выдвигавшиеся виттевскими комитетами, земствами и т. д. еще недавно. Помещикам незачем требовать правительственной гарантии, лучшую гарантию они найдут в хозяйствовании за собственный счет, поскольку

---

[1]) Согласно Огановскому «Борьба за землю» т. I, юг покупает три четверти всех производимых в России и ввозимых в нее сел.-хоз. орудий и машин.

же не имеют оборотных средств—переуступят хозяйство имеющим их. Для крестьян же продовольственная аренда все более будет терять смысл, раз при выплате арендных цен придется сообразоваться со ставшей недоступной для них доходностью, культурой и техникой крупного капиталистического хозяйства. Они,—точнее, верхняя «крепкая» их часть—смогут преуспеть лишь, если и самое аренду поставят капиталистически, как это делали, например, с большими затратами и с большим успехом немцы-колонисты в Таврич. губ. (крупная запашка, широкое применение батрацкого труда, улучшение орудий, пар и пр.—см. Посникова «Южно-русское хозяйство»).

Все это без государственной помощи (на которую крестьянским низам нечего рассчитывать) доступно лишь для «крепких крестьян»—в одиночку или путем кооперации. Материальный успех хозяйства крупного владельца от прочно подымавшихся цен, металлические шаги технического прогресса на южных полях, с применением сложных сел.-хоз. машин, и пр.—это отходная продовольственной аренде и вместе с ней продовольственному арендатору. На жизненном пиру в прежней форме для него при нынешних условиях оказывается все менее места.

ПРИТОК СРЕДСТВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.

1.

Статистические данные привели нас к следующим выводам: 1) в экономическом отношении и при высоких и низких ценах на хлеб помещичья запашка выгоднее крестьянской и дает больше валового продукта [1]; 2) но благодаря социальным отношениям (порождающим продовольственную аренду) при низких ценах столь же доходна и сдача земли в погодную аренду крестьянам; 3) при наступившем же периоде высоких цен в районе экстенсивного и переходного от экстенсивного зернового хозяйства (а такова большая часть русского земледелия [2]), надо ожидать роста капиталистического хозяйства, крупного помещичьего и крупно-крестьянского.

Но спрашивается, насколько прочно повышение цен? Иначе сказать, можно ли на основании явлений, наблюдаемых в 1898—1905 гг., делать заключения по отношению к будущему? И каков удельный вес юга, на территории которого мы прежде всего установили все эти явления, в общей экономике русского земледелия?

На оба вопроса можно ответить с исчерпывающей определенностью.

Русские хлебные цены, как известно, определяются мировым рынком, а на мировом рынке они растут непрерывно и будут еще держаться долго на высоком уровне. Средние лондонские цены на пшеницу в коп. за пуд составляли по пятилетиям [3]:

1884—1898 год.	91 коп.
1896—1903 »	102 »
1904—1908 »	114 »

---

[1]) Даже принимая во внимание разный местами % посева на общей площади пашни у крестьян и у помещиков. напр., в Полтавской губ., он одинаков у тех и других (77%), а в Херсонской у крестьян 85,6%, а у прочих 68% (1906 г.).

[2]) И долго еще будет. В 1905 году плотность населения 47 губ. Евр. России (без трех северных: Арх., Вологодской, Олонецкой) на 1 кв. версту равнялась 34,8 чел., а в то же время в Бельгии—243 чел., в Англии (без Ирландии и Шотландии)—228,8 чел. (см. Ден «Сел. хоз.». 1908 г., стр. 45). Чтобы достичь такой плотности и соответственной степени интенсивности земледелия, России нужно немало времени, даже не учитывая необязательности точного соответствия между плотностью и интенсивностью.

[3]) См. № 1 «Промышленность и Торговля» за 1910 г.

Летом 1909 г. они поднялись еще выше (там же). И подъем хлебных цен на мировом рынке (для которого показательны именно лондонские цены) отнюдь не случаен.

Еще в начале 90-х годов прошлого столетия знаменитый физик В. Крукс поднял вопрос о долженствовавшем скоро, по его мнению, обнаружиться недостаточном росте производства пшеницы — главной основы питания европейцев. В. Крукс указывал, что немного уже осталось нераспаханных, годных под пшеницу, земель в Соединенных Штатах и других странах. Рост населения и собственной индустрии будет требовать все большую долю производства хлеба в Соединенных Штатах для внутреннего рынка. А одна Аргентина вместе с распашкой новых земель в Сибири и пр. с трудом лишь догоняет рост мирового населения, все увеличивающего притом потребление хлеба на душу. Повышение ренты и цен на землю в (заокеанских) странах новой культуры вообще делает невозможным в ближайшие десятилетия серьезное длительное понижение хлебных цен. Впредь расчеты международного рынка,—писал Крукс [1]),—должны будут строиться не столько на распашке новых девственных почв, как это имело место с начала 70-х годов XIX столетия, но на подъеме урожайности старой территории. Рост цен на хлеб явится следствием складывающейся таким путем мировой конъюнктуры. Предсказания В. Крукса были сделаны в годы нижайшего уровня цен, и дальнейшее движение их блестяще оправдало его расчеты, и притом не только относительно пшеницы, но и ржи и других важнейших хлебов. Больше того, американские статистики приходят теперь к заключению, что через каких-нибудь 15—20 лет вовсе прекратится вывоз пшеницы из Соединенных Штатов в Европу [2]). А Соединенные Штаты до сих пор были главнейшим поставщиком хлеба на мировом рынке. Согласно официальному «Сборнику ст.-эк. свед. по сел. хоз. России» (Спб. 1907), в 1903 г. оказалось в миллионах пудов:

	Весь мировой урожай	В Соед. Штатах	В России
Пшеница	5.197,5	1.058,9	1.031,6
Овес	3.032,1	857,6	708,0
Рожь	2.673,6	45,5	1.412,9
Ячмень	1.656,0	175,1	474,7

[1]) См. кн. «Хлебный голод», изд. в России в 1909

[2]) С этим тогдашним предсказанием Крукса о хлебном экспорте Соед. Штатов можно сопоставить идущие в ту же сторону выводы о Соед. Штатах тов. Осинского в его последней книге. (Примечание 1925 г.)

Немудрено, что при таких перспективах все более на первый план должно было выдвигаться в России из всех хлебных культур производство пшеницы, а главный ее район — юг. Если взять два соседние пятилетия и принять за сто средний годовой сбор ржи и пшеницы в 1896—1900 гг. по всей России [1]), то средний годовой сбор выразится в следующих цифрах:

	ржи	пшеницы	всех хлебов
1896—1900 гг.	100 %	100 %	100 %
1901—1905 гг.	106,3%	141,4%	119,6%

Пшеница все быстрее догоняет рожь: в 1903 году ее сбор составил 73% всего сбора ржи, в 1906 году—уже 85%.

Но и цены ржи идут вверх. Время, когда удешевление перевозки созданием парового морского транспорта могло вызвать огромный переворот в европейском земледелии (начало 70-х годов XIX века),— прошло безвозвратно. Если бы теперь был найден способ доставлять зерно из Америки в Европу совсем бесплатно—и то бы это не вызвало потрясения, настолько уже невелики теперь трансокеанские фрахты на этот груз.

Европейское зерновое хозяйство не могло бороться в 70-х годах с заокеанским дешевым хлебом единственно вследствие неблагоприятных социальных условий: исторически сложившейся высокой земельной ренты. Чтобы не понизить значительно свою долю в общественном продукте, английские лорды предпочли предписать своим арендаторам перейти к более интенсивному скотоводству, а континентальные аграрии, сверх того, оградили свою ренту еще высокими таможенными пошлинами.

Таким образом исключительно благодаря прелести социальных отношений в Европе не было сделано, что возможно, для поднятия сборов хлеба в пределах европейской территории. По существу же в технически-экономическом отношении (отвлекаясь от социальной категории—ренты) интенсификация зернового хозяйства вполне способна была повести к удешевлению зерна и в Европе, что доказывается общеизвестным фактом отсутствия сокращения (и даже наоборот—наличностью роста) площади земледелия без этой ренты.

---

[1]) Везде имеются в виду 72 губ. Российской империи, по которым публикуются официальные сведения: 50 губерний Европ. России, 4 губ. сев. Кавказа, 8 губ. Сибири и Средней Азии и 10 губ. польских.

К повышению хлебных цен приводила таким образом комбинация трех условий:

1) приближение к концу в течение последних 40 лет распашки большей части пригодных для наших хлебов девственных почв;

2) непрерывный рост населения как на старых европейских территориях, увеличивавший спрос, так и в новых заокеанских странах, где он требовал все большую долю заокеанского хлеба для тамошнего же населения;

3) политика социальных господ Европы, искусственно задерживавших, ради высоты своей земледельческой ренты, соответствующее росту населения увеличение производства зерна.

Так как первые два условия все время возрастали, а третье имеет длительный характер, то ясное дело, что и высокие цены 1898—1905 гг., которые приводились выше, не могут считаться случайными, а составляют лишь первое проявление того периода высоких цен, который пришел в мир на смену предшествовавшему четвертьвековому понижательному движению.

Немудрено, что экспортная цена русского хлеба (т.-е. цена его при продаже за границу) неуклонно повышалась. Если взять средние по двухлетиям цены пуда всех хлебов в зерне, вывозившихся из России в 1894—1909 гг., то получится следующий ряд:

1894 и 1895 гг.	. . . . .	58,5 к.
1896 » 1897 »	. . . . .	68,2 »
1898 » 1899 »	. . . . .	80,8 »
1900 » 1901 »	. . . . .	73,7 »
1902 » 1903 »	. . . . .	76,3 »
1904 » 1905 »	. . . . .	79,4 »
1906 » 1907 »	. . . . .	85,7 »
1908 » 1909 »	. . . . .	95,74 »

В 1909 году средняя экспортная цена всех хлебов 98 коп.—на 40 коп., или почти на 70% выше уровня 1894—1895 гг. В начале 1910 года экспортная цена пшеницы была 121 коп. (Одесса 23 января), ржи — 100 коп. (Либава, 23 января [1]). Рядом с этим, естественно, возросли цены и на внутренних рынках. Если принять средние цены десятилетия 1890—1899 гг. за сто, то для последнего года, о котором есть официальные отчеты [2]), окажется такой рост (на внутреннем рынке):

---

[1]) Данные относит. 1894—1907 гг. см. у Хрулева «Финансы России» (1909 г.) а след.—в № 2 «Южно-рус. с.-х. газ.» за 1910 г.

[2]) Билимович. «Подъем товарных цен», 1909 г.

	1890 — 1899 гг.	1907 г.
Рожь	100%	159,1%
пшеница	100%	142,2%
овес	100%	161,8%
14 главных хлебн. прод. [1]	100%	142,3%

А ведь в десятилетие 1890—1899 гг. входят годы с такими высокими ценами, как 1891 г. и 1892 г., а в конце его уже началось опять повышение (1898—1899).

Таким образом повышение цен, с каким пришлось считаться последние годы, имеет очень прочный характер, и длительных изменений в этом направлении ждать еще долго не приходится.

Тем более несомненное общественное значение имеют, стало быть, и те тенденции, какие вызваны в жизни высокими ценами в южном хозяйстве.

Что же касается значения южного хозяйства в общей экономике России, то надо сказать, что оно и вообще велико и все более увеличивается.

Да это и неизбежно, потому что чем более растет население Европы и ее индустрия, тем более должен увеличиваться где-нибудь соответственно сбор зерновых продуктов. Если Соединенные Штаты готовы уже скоро приостановить свой вывоз, то тем более должно расти производство пшеницы в степных областях России, по климатическим и почвенным условиям весьма благоприятных этой культуре и,—в силу избыточного земледельческого населения государства и слабого развития индустрии,—не испытывающих особого недостатка в рабочих руках.

Если отрешиться от государственных границ и взять всю международную территорию (т.-е. все страны, втянутые в таварообмен продуктами сельского хозяйства), то, согласно Л. Крживицкому, приблизительно окажется (принимая данные 1840 г. за сто):

	1840 г.	1866 г.	1888 г.
Мировое население	100	125	158
рук, занятых в земледел.	100	122	154
продукция на 1 работника	100	114	150
акров обрабат. земли	100	119	163
получено бушелей хлеба	100	139	221
тонн продуктов скотоводства	100	120	158
урожай с 1 акра	100	116	133

Повышение урожайности с акра (акр составляет около 1/3 дес.), несомненно наблюдающееся, компенсируется увеличившимся потреблением хлеба на душу населения, и в результате за полустолетие пло-

[1] Эти 14 главных продуктов: рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, кукуруза и прочие главнейшие зерновые хлеба.

щадь пашни и % занятых сельским хозяйством лиц почти в точности следует за общим ростом населения всего более или менее культурного мира.

Понятно, что при таких условиях, и особенно имея в виду быстро увеличившуюся индустриализацию Соединенных Штатов,—можно предвидеть и в будущем столь же быстрый рост нашего южного земледелия, какой имел место до сих пор. А это еще более увеличивает силу тех общественно-политических заключений, какие можно вывести на основании данных последних земских переписей.

Но даже и без этого, уже и теперь степное хозяйство играет доминирующую роль на сельскохозяйственном рынке и почти преобладает в производстве. Из всего хлеба (в зерне и муке), отправленного вообще из губерний, отправляющих более 1 миллиона пудов хлеба и муки, на долю 14 вполне или частью степных губерний России в 1898—1902 гг. приходилось 58,3%, т.-е. больше половины (по офиц. данным о жел.-дор. и водных перевозках).

Из всей крестьянской надельной земли 44 губерний Европейской России (т.-е. вся Европ. Россия, кроме 3 губерний Прибалтийского края с его развитыми капиталистическими отношениями, кроме 3 губерний пустынного севера—Арханг., Вологод., Олонецк.,—и кроме Кавказа) в 12 южных по статистике 1905 г. находится 40%. Но в северных губерниях лес составляет притом больший процент надельной площади чем в южных, а о разнице в плодородии нечего и говорить. Если взять эти же 12 губерний, степной район Сибири и степной Северный Кавказ, то окажется, что в этом степном («пшеничном») районе находится около 40% всех дворов крестьян и прочих сельских сословий (казаки, немецкие колонисты и т. д.) всего государства [1]).

В то время как во всей России земледелие неуклонно в среднем идет назад, в степном районе производительные силы в нем развиваются. Немудрено, что центр тяжести все более переносится на юг. Согласно данным «Комиссии о центре», на каждую тысячу душ обоего пола приходилось, в среднем, в год четвертей сбора четырех главных хлебов по пятилетиям:

	1871 — 75 гг.	1876 — 80 гг.	1881 — 85 гг.	1886 — 90 гг.	1891 — 95 гг.
50 губерний Европейской России	3.101	2.912	2.958	2.918	2.803
6 южных губерний . .	2.520	2.678	2.734	3.277	4.084

[1]) После отделения Польши, Литвы, Эстонии, Латвии и Финляндии процент крестьянского населения, приходящийся на степную часть СССР, должен был еще увеличиться. (Примечание 1925 г.)

Под влиянием высоких цен подъем южного хозяйства должен был затем еще усилиться. И действительно, в 46 губерниях Европейской России (т.-е. во всей, кроме Прибалтики, Польши и Кавказа) площадь посева увеличилась с 1887 г. по 1905 г. на 5,3 милл. дес., но в том числе в 8 чисто степных губерниях—на 4,3 милл. дес., а по всей остальной громадной территории только на 1 милл. дес.

Следовательно, заключения наши о влиянии высоких цен и вызываемых ими изменений на общественно-политические отношения могут считаться достаточно обоснованными и в смысле прочности наблюдаемого явления и в смысле роли южного земледелия в стране.

2.

Давнишним проклятием русского земледелия была ничтожность затрат на его улучшение. Когда из крестьян все выкачивалось насосом государственного бюджета и аренды, а помещики удерживались от капиталистического хозяйства низкими ценами—притока средств в земледелие не было. А между тем, без увеличения массы производимых продуктов не было выхода из экономического угнетения всей страны. Получался заколдованный круг.

Теперь же средства явились, создалась *возможность* введений улучшений, и возросшие цены сделали *выгодным* их введение.

Согласно официальным данным, средний сбор всех зерновых хлебов по Российской империи составляет в последнем пятилетии 3.830 миллионов пудов (1905—1909 гг.) Из них приблизительно 750 миллионов пудов приходится на долю собственного, т.-е. капиталистически-организованного, посева средних и крупных помещиков (имеющих свыше 100 дес.) или получается ими отчасти в качестве доли при сдаче в аренду на издольных условиях. Почти весь этот хлеб вывозится за границу, либо идет на винокурение и т. п., вообще продается.

Остальные свыше 3 миллиардов пудов производятся в хозяйстве крестьян всех разрядов (крестьяне, казаки, колонисты и т. п.). Такого крестьянского населения теперь (1910 г.) в России около 110 миллионов человек.

По самым осторожным расчетам из 3.100 милл. пуд. крестьянского хлеба поступает на рынок не менее миллиарда пудов (остальное потребляется в пределах самого сельского хозяйства)—скорее более. При повысившихся на 40 к. сравнительно с 1894 г. ценах и при таком количестве продаваемого хлеба—увеличение выручки от повышения цен должно давать около 400 миллионов рублей в год лишних, сравнительно с серединой девяностых годов. Да примерно на 300 милл. руб. больше,

получается за помещичий хлеб. Таково громадное значение повышения цен на мировом рынке (и соответственного роста их на внутреннем рынке) для притока средств в земледелие. Часть этого прилива остается, конечно, в руках посредничающих торговцев (экспортные фирмы и скупщики по селам). Что касается крестьян, то вообще из попадающего к ним $^2/_3$ отбираются казной и землевладельцами, сдающими им землю в аренду, а остальное удерживается, приблизительно, у 20% крестьянского населения, т.-е. у высших групп, преимущественно на юге и на окраинах. Капиталистические помещики, понятно, свою долю сохраняют.

Повышающиеся цены дают сильный толчок преобразованию техники русского земледелия, расширяют внутренний рынок для развития русской промышленности, все больше переносят центр русского земледелия (и населения) на юг и окраины. Но этот же рост цен понижает реальную заработную плату наемных рабочих и служащих и укрепляет финансовое положение реакционной власти (напр., путем повышения цены водки без увеличения количества ее на душу). Этим притоком средств в земледелие прежде всего объясняется то отсутствие со стороны крестьян «решительного выступления», какое ожидалось в 1905—1906 годах, и отсутствие которого решило судьбу городского движения того времени.

Крестьянство «не оправдало ожиданий». На выборах даже в сугубо оппозиционную вторую Государственную Думу (начало 1907 г.) оно дало целых 34% выборщиков определенно правых и октябристов да 11% промежуточных беспартийных; на выборах в третью Госуд. Думу—даже 42% правых и октябристов и еще больше чем прежде беспартийных [1]). Левых было только 25% выборщиков при избрании второй Думы и всего 19%—третьей. Но и их сочувствие, как известно, в подавляющем большинстве случаев оказалось платоническим и выразилось в «наказах» и резолюциях «о поддержке»—в то время как бастовали и умирали промышленные рабочие. Не мудрость правительственной политики, но мировая конъюнктура на хлебном рынке спасла старый режим от повсеместной пугачевщины и укрепила «обновленный строй».

Она же обеспечила благоденствие его финансов. Достаточно сказать, что в памятный 1905 г., год одновременно войны и революции, министр финансов с радостным изумлением констатирует никогда небывалое по размерам превышение ценности русского вывоза над ввозом—

[1]) Данные о выборах из книги Череванина «Настоящее положение» (1908 г.). Из свыше 800 уездов Империи разгромы помещичьих усадеб имели место лишь в 99 у., в каждом уезде обычно иритом лишь в нескольких местах (по сводной анкете Вольно-Экономического Общества).

следствие роста расценки русского хлеба на мировом рынке. В 1894—1895 гг. обыкновенных доходов по государственному бюджету приходилось на душу населения в среднем 9 руб. 30 к., а в 1906 г.—уже целых 12 руб.; эта прибавка для свыше ста миллионов крестьянского населения составляет около 300 милл. руб. в год. Таким образом львиная доля выигрыша от высоких цен—две трети (если учесть и нехлебные культуры)—только проходит через руки крестьян, не задерживаясь в их кармане. Она поступает в казну и—через ее посредство—распределяется между господствующими классами.

Только это повышение цен и сделало возможным стремительный рост налогов и сборов до 1905 г. и издержки на оплату военных займов и ликвидацию войны с Японией. Повышение цен дало возможность крестьянам выплатить все эти сборы, не спускаясь ниже того уровня, на каком они стояли уже в начале второй половины девяностых годов, и который граничил уже с непосредственным вырождением и вымиранием. Наоборот, получился еще остаток около 150 милл. руб., который, впрочем, частью также поступал в распоряжение казны в виде вкладов в сберегательные кассы. С 1 января 1906 г. до 1 января 1909 г. вклады земледельцев (не считая средних и крупных землевладельцев) возросли с 219 милл. руб. до 353 милл. руб., т.-е. приблизительно вкладывалось по 45 милл. руб. в год в среднем.

Бабушка — мировая конъюнктура — ворожила министру финансов, и, несмотря на небывалое промышленное угнетение, на длительный тяжкий застой в коммерческих делах,—много раз предсказанное государственное банкротство все не наступало, государственный бюджет рос не по дням, а по часам, и заключение и оплата новых и новых русских государственных, железнодорожных и иных заграничных займов делались все более и более легким делом. А к этому ведь и сводится вся теперешняя финансовая мудрость («поддержка золотой валюты» и т. п.), и г. Коковцев пожинает лавры в Госуд Думе [1]).

Куда же идут остальные 100 миллионов? Часть, несомненно, на приплату к ссудам Крестьянского банка при покупке земель—и немалая часть. В 1909 г. непосредственно у банка или при его посредстве куплено крестьянами 1.311 тыс. десятин,—мы еще покажем, к какой социальной группе крестьянства принадлежат преимущественно эти покупатели. Остальное сдвинуло, наконец, с мертвой точки низкую технику русского земледелия, поскольку им занимается в е р х н я я более крепкая четверть крестьянства (не говоря уже о помещичьем хозяйстве,

---

[1]) В 1910 году министром финансов был Коковцев, впоследствии председатель совета министров, ныне белогвардейский эмигрант. (П р и м е ч а н и е 1925 г.)

энергично взявшемся на свою долю импортного золота за ввоз из-за границы сложных сел.-хоз. машин и минеральных удобрений).

Непрерывно из десятилетия в десятилетие, начиная с самого 1861 г. прошлого столетия (т.-е. с официальной отмены крепостного права), происходило падение производительных сил в русско-крестьянском земледелии. Даже правительственная «комиссия Поленова» принуждена была установить, что в течение сорока лет (1860—1900 гг.) техника крестьянского земледелия в общем осталась на прежнем крайне низком уровне, что производство зерновых хлебов по расчету на душу крестьянского населения почти повсеместно систематически сокращалось, что обеспеченность рабочим скотом все понижалась и т. п. Причины были ясны. При низких ценах и господстве поэтому—при наличности социального верховенства помещиков над крестьянами—продовольственной аренды,—на улучшение земледелия одним (крестьянам) средств взять было не откуда, а другим (помещикам) незачем было тратить их. Без подъема техники, без агрономии и пр. русский посев неизбежно должен в 2 или 3 раза уступать европейскому. Например средняя урожайность пшеницы в 1898—1907 гг. в бушелях на акр равнялась [1]):

В России	9,3
» Австрии	18,3
во Франции	20,8
в Германии	28,0
» Англии	32,6

В итоге отсутствия обращения средств на улучшение сельского хозяйства в России всего производится крайне мало по расчету на душу населения; бедность абсолютная, не только благодаря распределению. Получался заколдованный круг, о котором мы уже говорили: за удовлетворением требований казны и помещиков у крестьян не остается средств—потому не может быть развития техники, потому не может быть роста средств и т. д. до бесконечности.

Теперь же средства явились, создалась возможность введения улучшений, возросшие цены усилили их выгодность. После сорокалетнего стояния на одном месте или регресса—начался на деле подъем в сельском хозяйстве производительных сил (который, между прочим, и усиливает оппозицию в стране прежнему политическому режиму). Есть возможность проследить и оценить наступившие перемены на судьбе такого характерного и основного земледельческого орудия, каким была в России соха.

---

[1]) № 2 «Изв. Главн. Упр. Землед.» за 1910 г.

В полном согласии с этими данными находятся и все сведения о новейших явлениях в технике русского земледелия, какие только имеются. Сотни лет безраздельно господствовала соха в крестьянском земледелии России. Приходили татары и уходили татары, настало крепостное право и кончилось крепостное право,—а соха оставалась неизменной. Совсем недавно, менее полутора десятка лет тому назад, в 1896 году, министерство земледелия произвело специальное обследование этого вопроса. Оказалось—только в восьми южных степных губерниях (Таврическая, Екатеринославская и т. д.) господствует железный плуг, да еще в некоторых уездах Московской губ.,—вся остальная необъятная Россия верна сохе. В некоторых губерниях—Курская, Орловская и др.— вовсе не было почти плугов у крестьян.

Теперь не то. В Курской губ. уже пять лет назад (в 1905 г.) были земские склады сельскохозяйственных орудий во всех уездах, и они продают ежегодно на миллион рублей, в том числе $^2/_3$ крестьянам. В Орловской губ. за последние годы продано сельскохозяйственных орудий губ. земским складом на несколько миллионов рублей. В Казанской губ. в 1896 г. плугов почти не было, а в 1905 г. на каждые 100 дворов приходилось в Спасском уезде 32 плуга, в Чистопольском—23. В Саратовской губ., по подворной переписи 15 лет назад, железных плугов почти не было, а теперь в Камышинском уезде их имеют 72% всех дворов, в Царицынском—почти столько же. В Киевской губ. еще в 1900 г. плуга почти не знали, а в 1907 лишь 10% корреспондентов губернской управы сообщали о пахоте только сохой и целых 20%— о пахоте только плугом. Плуг совершенно вытеснил соху во многих уездах Пензенской, Тверской, Калужской, Нижегородской, Пермской, Вятской, Владимирской, Новгородской, Черниговской, Смоленской, Могилевской и др. губерний. Словом, за 10—15 лет произошла коренная и повсеместная ломка техники, безраздельно царившей сотни лет—дерево в обработке почвы заменяется металлом.

То же относится и ко всем другим орудиям. Чтобы не загромождать изложения, как типичный пример можно привести, что в 1908 г. в Самарской губ. «заводы не успевали заготовлять» и оказалось невозможным удовлетворить крестьянский спрос, напр., на рядовые сеялки. Рядовые сеялки вообще были почти неизвестны в 1896 г., а теперь получили массовое распространение в ряде уездов Харьковской, Екатеринославской, Саратовской, Пермской и др. губ. Между тем применение рядовой сеялки уменьшает количество высеваемых семян на 1 десятину на 35%, что для всего государства при 90 милл. дес. посева (в 1906—1908 гг. в среднем) должно было бы дать—при повсеместном распространении—добавочный ежегодный доход около 200 миллионов

рублей (свыше 200 милл. пуд. зерна экономилось бы и могло бы быть продано).

Характерен в этом отношении стремительный рост оборотных кредитов, ассигнуемых земствами 34 губерний Европ. России на операции сельскохозяйственных складов по продаже орудий, семян, удобрений и т. п. меры, направленные на удовлетворение потребностей спешащего оборудовать свои хозяйства крепкого крестьянства и капиталистической части помещиков. В середине 90-х годов XIX века эта статья почти еще не существовала, в 1895 г. равняясь всего 678 тыс. руб. Дальнейший рост таков:

1896 г.	. . . . .	1.027	тыс. руб.
1898 »	. . . . .	2.643	» »
1900 »	. . . . .	4.128	» »
1902 »	. . . . .	5.905	» »
1904 »	. . . . .	7.235	» »
1906 »	. . . . .	9.586	» »
1908 »	. . . . .	11.415	» »

За 1909 и нынешний (1910) годы нет пока суммарных данных, но все сведения об отдельных губерниях показывают, что за два последние года этот рост еще более—и значительно—ускорился. Не говоря уже о складах и т. п.—сотнями приглашаются агрономы [1]), создается целая сеть новых агрономических учреждений, длинный ряд новых местных сельскохозяйственных журналов, ставящих себе целью обслуживать запросы пробуждающегося хозяина—крепкого крестьянина и агрария. Октябристские и либеральные земства соперничают друг перед другом в размахе своих агрикультурных начинаний,—благо подъем хлебных цен значительно укрепил их финансовое положение и дал возможность развернуть всю эту деятельность [2]).

Не циркулярным предписанием Столыпина, наделавшим много шуму (изданным в декабре 1909 г.), создан, понятно, этот сравнительный расцвет агрономических начинаний, но увеличением требований на наше зерно со стороны европейского населения, стоящего пред опасностью недополучения хлеба [3]) вследствие задержки роста его производства, производившейся европейскими аграриями в течение десятилетий.

---

[1]) Как сообщало недавно «Русское Слово», в одном московском сел.-хоз. институте скопилось 400 просьб о рекомендации агрономов, которых нет возможности удовлетворить за отсутствием свободных кандидатов.

[2]) В 1909 г. земских поземельных сборов поступило на 8,6 милл. руб., или почти на 10% больше поступления предыдущего года.

[3]) Вот последние любопытные данные. В Соединенных Штатах—главный поставщик Европы—средний сбор пшеницы за пятилетие 1904 — 1908 больше среднего за

Теперь Европе приходится расплачиваться за социальное господство землевладельцев—и вздымать цены русского хлеба.

В результате—ввоз в Россию сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственных машин с 11½ милл. руб. в 1898 г. поднялся до 28½ милл. руб. в 1908 г. и до 35,3 милл. руб. в 1909 году. На 338 заводах и заводиках сел.-хоз. орудий внутри России произведено их в 1908 г. на 33 милл. руб. и кустарями почти на 5 милл. руб., а всего русским земледелием потребляется уже на 75 милл. руб. машин и орудий в год, вместо прежних ничтожных цифр, имевших место еще 10—12 лет назад. Ввоз искусственных минеральных удобрительных веществ, почти не существовавший 12 лет назад, еще в 1903 г. равнявшийся всего 6.894 тыс. пуд.,—в 1909 г. достиг уже 12 милл. пудов. Обороты (размеры ссуд) кредитных товариществ, действующих почти исключительно в деревне, с 4,78 милл. руб.к 1 янв. 1905 г. поднялись до 21,3 милл. руб. на 1 янв. 1908 г., а число членов—со 181 тысячи человек до 839 тысяч. Уже есть уезды, где в каждой волости имеется по кредитному товариществу, например, Ахтырский уезд Харьковской губ., где, между прочим, в кредитные товарищества входило на 1 января 1910 г. 46% всех домохозяев.

Нечего и говорить, конечно, что поскольку весь этот сельскохозяйственный прогресс распространяется на крестьянство—он захватывает почти исключительно ту более зажиточную его четверть, какая имеет возможность продавать действительные излишки хлеба и не прибегать к продовольственной аренде. Для продовольственных же арендаторов, вообще для трех четвертей крестьянства, повышение хлебных цен почти всецело покрывается ростом арендной платы и государственных налогов на потребление.

Очень характерно в этом смысле проходит выделение из общины по закону 9 ноября 1906 г. [1]). Сам переход к личной собственности не имеет для нас особого значения. Поскольку надел вышедшего из общины крестьянина остается разбросанным небольшими клочками в десяти или пятнадцати местах вперемежку с землями других крестьян (чересполосица), постольку меняется лишь юридическая сторона дела, а уро-

---

предшествующее пятилетие на 31 милл. бушелей, а среднее потребление больше на 129 милл. бушелей, почему вывоз в Европу сократился в среднем на 98 милл. буш. Если сбор и внутреннее потребление будут и впредь так расти, то через 15 лет Соединенные Штаты должны будут сами, пожалуй, прибегнуть к ввозу пшеницы, не говоря уже о прекращении вывоза ее в Европу.

[1]) До 9 ноября 1906 г. крестьянам воспрещалось выходить из общины и выделять свой надел в личную собственность. (Примечание 1925 г.)

вень сельского хозяйства должен остаться тем же низким, какой господствует у всех соседей. Только тогда переход от общинного владения к частному может быть сопряжен с подъемом техники, с агрономическими улучшениями, -когда он сопровождается уничтожением чересполосицы, когда он совершается в форме выдела к одному месту, в переходе на отруба, на хутора или хотя бы на широкие полосы с уничтожением длинноземелья и дальноземелья. Тут и нужно искать массовой проверки вопроса о росте производительных сил среди разных слоев крестьян: кто стоит в техническом отношении на одном месте, а кто идет вперед, кто остается с чересполосицей, а кто создает себе техническую основу для сельскохозяйственного прогресса. Цифры ясно отвечают, можно ли прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве отнести насчет рядового крестьянина или приходится ограничиться только тем верхним слоем, который имел возможность довольно много выиграть от повышения хлебных цен.

Всех надельных земель в общинном владении у крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных вместе к началу действия указа 9 ноября 1906 г. состояло в Европейской России 89,5 милл. дес. Общинников-домохозяев (дворов) у всех этих разрядов крестьян в 1905 г. по официальной статистике было 8,8 милл., а принимая во внимание прирост числа дворов (7,5%)—теперь в 1910 г. должно состоять 9.467 тысяч. Стало быть в среднем на 1 двор приходится 9,45 дес. (почти 9½). Из них за первые 3 года действия указа 9 ноября, а именно до 1 декабря 1909 г., заявили о выходе из общины почти 1.600 тысяч домохозяев, т.-е. больше одной шестой. Но успели окончательно и формально перейти к личной собственности к этому времени только 1.213,2 тыс. дворов. Из них устроились на хуторах, на отрубах и вообще воспользовались правом выделиться к одному месту 153,7 тыс. дворов с 1.955,5 тыс. десятин надельной земли, а оставили свои наделы в чересполосном виде, рассеянными клочками, укрепив за собой только юридическое право собственности,—1.060 тыс. дворов с 7.790 тыс. дес. Таким образом средний размер надела на 1 двор составляет по всей Европейской России у выделяющихся к одному месту, на отруба и хутора,—12,72 дес., а у выделяющихся юридически, но на деле остающихся в чересполосице—только 7,3 дес., чуть не вдвое меньше. Иначе сказать, 15% выходят из общины, создавая техническую возможность агрикультурного прогресса—и это как раз крупные хозяйства. А остальные 85% только приобретают выделом право продать надел, не меняя самой организации хозяйства,—и это как раз низшие слои крестьянства, в несколько раз превышающие более крупных крестьян своей численностью,

но значительно уступающие им в смысле хозяйственной мощности. Немудрено, что в то время как для более крупных—13-десятинных—выдел служит исходной точкой для подъема хозяйства [1]), тот же выдел для мелких—7-десятинных—служит часто лишь прологом к продаже своего надела, и иногда даже заведомо для этого и производится. Ибо именно на этого мелкого крестьянина должно было обрушиться всей тяжестью крушение старой системы продовольственной аренды. В первую голову—по понятным причинам—спешат выйти из общины оба полюса крестьянства: один, чтобы ликвидировать свое хозяйство, другой, чтобы энергичнее подымать его дальше.

Поток золота, льющийся в деревню и из Европы и от неземледельческого населения России, выводит русское земледелие на дорогу успехов, подъема производительности и культурного роста, — но только земледелие предпринимательского характера, земледелие 100 тысяч помещиков, распоряжающихся ежегодно 750 милл. пуд. хлеба, и земледелие верхних 20% крестьян, распоряжающихся 1.000 милл. пуд. Земледелию же некапиталистического, непредпринимательского типа этот поток не сулит ничего хорошего, хотя оно еще и производит сейчас в своих продовольственных целях больше половины всего русского хлеба.

Как бы там ни было, русское земледелие, поскольку оно работает на продажу, благодаря изменению мировой конъюнктуры, сравнялось уже выгодностью с русской промышленностью. Согласно ежегоднику мин. фин. за 1905 г. средний дивиденд всех акцион. предприятий в 1901—1903 гг. равнялся 7,7%. А чистый доход на вложенный капитал (считая и стоимость земли) в типичном «пшеничном» Старобельском уезде уже в 1904 г. достиг 7%, а с тех пор поднялся значительно выше. Накопляющиеся в стране капиталы, естественно, стали оседать и в сельском хозяйстве и этим положили конец старым рассказам народников,—которые теперь можно повторять только по неведению,—будто капитал никогда не обратится у нас к земледелию, даже накапливающийся будет уходить из него, так как всегда найдет более выгодное применение в промышленности. Наблюдение эпохи понижающихся цен и падающего земледелия народники обобщали в «закон», присущий самому существу вещей, странным образом упуская из виду, что возникло же при соответственных условиях капиталистическое земледелие в других странах с несомненно развивающейся промышленностью.

---

[1]) Их-то и обслуживают, прежде всего, растущие, как грибы, кредитные товарищества, к чему мы еще вернемся.

Последнее десятилетие в России было ознаменовано относительным промышленным застоем и одновременно значительным ростом непроизводительного потребления, проще говоря,—внутренними займами на покрытие дефицитов по ведению войны с Японией, на расходы по созданию нового военного флота и т. п. Как показывают подробно разработанные Хрулевым данные, во-первых, о выпускаемых (по номинальной цене) акциях и облигациях промышленных обществ и дивидендных предприятий (жел. дороги, банки и пр.) и о ежегодном увеличении текущих счетов; во-вторых, о ежегодных выпусках ипотечных ценностей; в-третьих, о внутренних займах,—в России ежегодно накопляется у средних и крупных капиталистов и ищет себе применения около 400 милл. руб. Имеющиеся у Хрулева сведения за 14 лет можно разбить на два семилетия, одновременно соответствующие периоду низких и высоких цен на хлеб, с одной стороны, и периоду промышленного оживления и промышленного застоя—с другой. Тогда оказывается, что ежегодно вкладывалось миллионов рублей (номинально) в среднем:

	1893—1899 гг.	1900—1906 гг.
В индустрию	221	104,1
в землю (ипотеки)	115,3	154
непроизвод. потребл. (внутр. займы)	77,4	150,1

Таблица говорит сама за себя: в индустрию наполовину меньше, в землю значительно больше, на непроизводительное потребление—вдвое. Конечно, со временем рост производительных сил и накопление богатств в земледелии создаст прочный и широкий спрос и на произведения обрабатывающей, горной и транспортной промышленности. Только тогда станет правдоподобной аналогия с Соединенными Штатами, которую любят приводить кстати и некстати. Ибо быстрая индустриализация и преуспеяние Соединенных Штатов в новейшие времена в значительной мере объясняются как раз тем, что с 70-х годов XIX века Соединенные Штаты стали главным поставщиком хлеба для Европы,—и эта роль, вместе с соответственным притоком золота, переходит теперь к России, Аргентине и Канаде.

Но пока каждый свободный рубль крепкого крестьянина идет на оборудование хозяйства, на выписку машин и удобрений, на расширение посева (прикупка земли) и т. п., что крайне еще замедляется хозяйничанием современных государственных мужей.

Земледелие старой дореволюционной Франции XVIII века стояло на уровне земледелия современного русского крестьянства. Раз сдвинувшись с мертвой точки, в каких-нибудь двадцать лет оно увеличило

сбор с прежних 30 пудов[1]) до 51 пуда в 1916—1820 гг. (современный средний уровень помещичьего сбора в России). Подобное движение начнется и у нас. Не говоря уж о германском или английском уровне,— поднятие русского крестьянского земледелия хотя бы до нынешних помещичьих сборов, что вполне возможно в 15—20 лет, подымет стоимость годового сбора более чем на 2 миллиарда рублей. Конечно, для этого требуется еще одна малость — соответственная политическая обстановка.

Расцвет сельского хозяйства, при слабом пока развитии промышленности, вызывает одно важное следствие: центр тяжести русской жизни удерживается в земледелии. Рост населения в 50 губ. Европейской России представляется теперь в таком виде:

	городское	сельское
1897	11,83 м. ч. = 100%	82,38 м. ч. = 100%
1905	13, 2 м. ч. = 111%	94, 8 м. ч. = 115%

Процентное отношение не изменяется в пользу города. Россия не только была, но и остается все еще страной земледельческой (действительная картина не столь неблагоприятна для города, так как имеют место некоторые статистические несовершенства, но все же нет крупного увеличения процента городского населения, какой наблюдается во всех главных европейских странах). Трудно переоценить значение этого факта во влиянии его на социально-политическую обстановку и всю жизнь России. Не следует забывать, конечно, что на-ряду с этим меняется, как мы видели, социальная структура самой деревни и создается основа для будущей индустриализации России подобно Соединенным Штатам Северной Америки.

Не циркулярные предписания министерства создают, таким образом, рост русской агрономии и сельского хозяйства вообще, но увеличение спроса европейского населения, высокими ценами принужденного теперь расплачиваться за многолетнюю политику своих аграриев, ради сохранения исторически сложившейся высоты ренты которых европейское земледелие должно было сойти с дороги увеличения массы производимых им зерновых продуктов—такого увеличения, какое поспевало бы за ростом населения.

---

[1]) В России в 90-х годах средни чистый сор всех хлебов у крестьян — 30,3 пуда с десятины.

УСТОЙЧИВОСТЬ КРЕПКОГО, СРЕДНЕГО И МЕЛКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.

1.

В народнической литературе 90-х годов XIX века принято было ссылаться на результат европейских переписей, как на одно из самых решительных доказательств в пользу того, что традиционное крестьянское хозяйство нимало не отступает перед натиском капитала, а кое-где расширяется. Жизнь доказательнее теории,—говорили народники марксистам. Если по марксистскому учению потребительские крестьянские хозяйства в условиях товарно-капиталистического строя должны разрушаться, а на деле число и площадь их растут—то полагаться на это учение не приходится. И над ним ставили крест.

С тех пор прошло много лет, и в последние годы опубликован ряд данных по Германии, Франции, Англии и другим странам. Интересно вкратце обозреть, в чью же пользу высказалась сама жизнь—этот верховный испытатель и судья всяких теорий.

Предварительно несколько замечаний.

Сплошь и рядом считают достаточным сравнить все крестьянские хозяйства, взятые вместе, с помещичьими и полученными результатами пользоваться для вывода. Но это совершенно неправильно: нельзя рассматривать всех крестьян, как сплошь однородную массу. При таком приеме успехи высшей группы могут покрыть потери низшей или наоборот—и действительная картина получается искаженной. А на этом основании строят выводы потом против марксистов.

Все сельские хозяйства каждой страны надо разделить, самое меньшее, на пять основных групп.

Первая и вторая—мельчайшие и мелкие крестьянские хозяйства традиционного типа, ставящие себе только потребительские цели (прокормить хозяйствующую семью) и сохраняющие еще в значительной степени натуральный характер[1]). Такие хозяйства составляют обычно

---

[1]) Натуральный—означает «стоящий вне рынка, вне торгового обмена». В России крестьянское хозяйство «в среднем» наполовину находится еще вне рынка, то-есть половина всех личных и хозяйственных расходов и доходов реализуется (осуще-

большую часть всего числа земледельческих хозяйств страны, в Австрии, например, в 1906 г.—две трети (66%), в России—более половины. Эта группа в низшей части своей («деревенская беднота») является уже фактически полупролетарской (отсюда выходят преимущественно сезонные отхожие рабочие и т. п.).

Третья и четвертая группы—несколько более крупные хозяйства среднего и «крепкого» (крупного) крестьянства, то-есть такого, какое по размерам своего хозяйства, в условиях данной страны, имеет возможность производить хлеб на продажу, сверх удовлетворения своих пищевых потребностей. Притом средние — не пополняя целой половины своего бюджета работой по найму где-нибудь на стороне (как вынуждена делать более многочисленная и менее зажиточная первая и вторая часть крестьян,—мелкие), а «крепкие»—даже наоборот, в известной мере пользуясь сами наемным трудом, нанимая постоянных или временных батраков. Эти слои, особенно «крепкие», и есть столыпинские излюбленники,—более сильные хозяева деревни, оплот европейских аграриев и клерикалов, надежда русской власти.

В странах разной культуры, разной плотности населения, разного уровня хозяйственного развития—различно проходит и граница между этими мелкобуржуазными слоями самостоятельных земледельческих ремесленников (в широком смысле этого слова), средних и крупных, и между полурабочим, добывающим зерно не для торговли им, мелким крестьянством. Граница эта совпадает сейчас приблизительно со средней величиной земледельческого хозяйства в данной стране вообще [1]).

В пятую группу должны быть выделены еще более крупные хозяйства—помещичьего типа, владельцы которых обычно вовсе не занимаются лично пахотой и т. п. физическими работами, а поскольку ведут собственное хозяйство—ставят его чисто капиталистически (нанимают рабочих).

ствляется) в самом хозяйстве в природной форме зерна, работы и пр., без обращения к покупке и продаже. Другая же половина бюджета добывается заработком на стороне—существенная черта в характеристике мелкого крестьянина. (См., например Щербина «Крестьянские бюджеты Воронежской губ.».)

[1]) Так, в народническом сборнике «Борьба за землю» Огановский вполне правильно считает, что, принимая во внимание степень интенсивности хозяйства (затраты труда и капитала на каждую десятину, величину урожаев и пр.), европейское хозяйство в 5 *га* надо считать равным русскому в 10 *га* (10 *га* равны 9 десятинам). Примыкающий к тому же направлению видный статистик Блекло вхозяйством «мелкого крестьянского типа» в Австрии считает от 2 до 5 *га* («Энц. Словарь» Граната, т. I, стр. 205, изд. 1910 г.), что правильно, так как в экономическом смысле такое хозяйство соответствует русскому крестьянскому участку в 5—10 десятин. Этого важного обстоятельства не следует забывать при сравнениях.

Борьба за преуспеяние между этими группами земледельческих хозяйств протекала в Европе до последнего десятилетия [1]) в условиях понижающихся цен на зерновой хлеб. Залогом устойчивости при таких условиях могли служить четыре момента:

1. Способность хозяйства перейти к незерновым культурам путем усиленной затраты труда высокого качества—к огородничеству, садоводству и т. п. Таким «садом Бельгии» стала, напр., часть ее—Фландрия, где средний размер хозяйства — 2 десятины (1895 г.) при средней цене десятины в полторы тысячи рублей, при чем в каждой десятине ежегодно оборачивается капитал около 400 рублей,—что равно валовой стоимости всего продукта целого русского крестьянского хозяйства [2]).

2. Способность хозяйства, с помощью крупных хозяйственных затрат капитала, перейти к более интенсивным системам хозяйства (корнеплоды, искусственные пастбища и т. п.), дающим возможность соединить земледелие с промышленной переработкой его продуктов (винокурение и пр.) или выкармливать высоко ценимый рынком мясной скот и т. п. Так, в Англии, где большое количество пашни было обращено за тридцатилетие 1875—1905 гг. в искусственные пастбища, на подготовку одной десятины пашни, для перевода ее в пастбище, затрачивалось в среднем 110 рублей—и работы (предварительный дренаж, тщательная очистка, сильное и долгое унавоживание) продолжались в среднем в каждом случае около 7 лет, при чем необходимый оборотный капитал увеличился почти на 60 руб. на десятину [3]).

3. Способность хозяйства понизить издержки производства зерна техническими усовершенствованиями, искусственным удобрением, применением выводов агрономической науки. Для этого требуется не только затрата добавочного капитала, но часто и известная минимальная величина участка, ниже которой введение улучшенного севооборота немыслимо, а применение улучшенных орудий не окупает расходов и даже приносит убыток. Таким низшим пределом выгодности, например, для сенокосилки является участок почти в 7 десятин, для конных грабель—участок в 10 десятин, для сеноворошилки—в $5^1/_2$ дес. и т. п., не говоря уж о более дорогих и сложных машинах, как молотилка и т. п. [4]).

---

[1]) Писано в 1910 году. (Примечание 1925 г.)

[2]) «Очерки с.-х. строя Бельгии», Спб. 1908 г.

[3]) Ден «Сел. хоз.», 1908 г.

[4]) Согласно расчетам Григо и Мизереса из изд. в 1908 г. нашим Гл. Упр. Землеустройства «Очерков сел.-хоз. строя Бельгии». А у нас в России все владение «средней» крестьянской семьи только $9^1/_2$ дес. (по статистике 1905 г.); как же тут окупаться сенокосилке или конным граблям—не занять же все владение сплошь сенокосом

4. Способность хозяйства продавать зерно по пониженной оценке путем отказа от полного удовлетворения своих потребностей, путем недоедания, обветшания домовых построек и инвентаря, вообще, путем все большего нарушения хозяйственного равновесия. Это доступно, конечно, только мелкому хозяйству трудового и переходного типа, а не помещичьему, которое должно оплачивать вложенные в него средства, под страхом банкротства или потери социального положения владельца.

Хозяйство мелкого крестьянина серьезно пойти в сторону огородничества и т. п. (первый из указанных выше четырех способов) могло скорее всего в районах с очень плотным населением, обеспечивающим достаточный рынок для таких продуктов (в 1905 г. на 1 $км^2$ приходилось в Бельгии 243 человека, а в 50 губ. Европейской России только 25,4, вдесятеро меньше). Особенно же прибегало оно к четвертому способу (недоедание и проедание хозяйства) и к сторонней работе по найму, к промыслам, желая как-нибудь поддержать свое существование. О расширении же и прочном улучшении дела нечего было и думать в силу полного отсутствия оборотных средств, фактической убыточности и некредитоспособности хозяйства.

Хозяйство крепких крестьян могло пустить в ход, во-первых, повышение количества и качества своего труда, его внимательности и тщательности (один из главнейших моментов в современном сельском хозяйстве, гораздо менее доступный крупному капиталистическому хозяйству с его наемниками и без личного участия хозяйской семьи в работах). Во-вторых, до некоторой степени, оно могло применить и требующие капитала технические усовершенствования и т. п., к чему давалась возможность и размерами владения, и хозяйственным равновесием, и сравнительной его кредитоспособностью, этими размерами обусловленной. Значительно менее были уже все эти возможности для средних крестьян.

Наконец, хозяйство помещичьего типа могло прибегать, очевидно, преимущественно ко второму и третьему способам.

Лучшим, вообще, мыслимым соединением труда и средств производства в земледелии служило бы общественное (принадлежащее не только тем лицам, которые заняты в нем работой, но совокупности всех жителей страны или округа) объединенное хозяйство в крупных размерах. Работники его, сознавая себя равноправными членами всего общества, трудились бы со всем воодушевлением собственника, а крупные размеры и общественный его характер обеспечивали бы возможность и средства для полного использования всех приобретений тех-

ники и агрономической науки. Но пока социалистического строя еще нет. А в рамках нынешнего товарного общества серьезными конкурентами при таких данных являлись, конечно, лишь хозяйства «крепких крестьян», часто типично мелко-капиталистические, и затем—крупно-капиталистические предприятия помещиков. Традиционное же мелкое хозяйство не капиталистического типа, иногда даже среднее, удержать своих позиций не могло—на одном недоедании и т. п. далеко не уедешь! Должно было начаться его оттеснение и падение,—то в виде прямого разрушения и потери самой земельной площади, то путем уменьшения его доли в общей сумме производимых в стране земледельческих продуктов.

Повышение хлебных цен в последнее десятилетие должно было ослабить конкуренцию между помещиками и крепкими крестьянами, и тем и другим предоставляя достаточный простор. Но ничем хорошим не могло оно отразиться на мелком хозяйстве, почти не производящем на продажу хлеба. Наоборот, увеличившаяся выгодность земельного хозяйства должна была еще усилить погоню за территорией со стороны крепкого крестьянства.

Спрашивается, насколько же согласны со всем этим цифры, т.-е. сама жизнь? Берем данные официальных переписей главных стран.

В Германии две последние профессиональные переписи произведены в 1895 г. и в 1907 г. К мелким хозяйствам относятся все до 5 *га* (4½ дес.) и их в 1895 г. было свыше трех четвертей всего числа предприятий, с почти одной шестой всей сельскохозяйственной площади страны. Предприятия средних и «крепких» крестьян (от 5 до 20 *га*) составляли менее пятой всего числа хозяйств, с почти третьей частью всей земельной площади. Наконец, хозяйств, имеющих свыше 20 *га*, т.-е. помещичьего и переходного к помещичьему, (соответствует, приблизительно, русским владениям свыше 40 десятин), была всего двадцатая часть, но им принадлежало больше половины всей площади. Ко времени последней переписи распределение сел.-хоз. площади изменилось так (в тысячах *га*):

У предприятий	1895 г.	1907 г.	плюс или минус
До 5 *га*	5.094	5.036	— 58 тыс. *га*
От 5 до 20 *га*	9.722	10.422	+ 700 » »
Свыше 20 »	17.702	16.377	—1.325 » »

Помещичьи и мелкие предприятия отступают, хозяйства же «крепких» крестьян,—крепких своим экономическим равновесием и возможностью соединения, до известной степени, всех четырех способов

приспособления к рынку,—захватывают все большую долю сельскохозяйственной площади страны [1]).

В Англии мы можем сравнить переписи 1895 г. и 1905 г. Хозяйствами ниже 2 *га* в Англии занято было в 1895 г. лишь около одной сотой части площади, поэтому их можно совершенно не принимать во внимание. Хозяйствами от 2 до 20 *га* занято около восьмой части и хозяйствами от 20 до 120 *га* — больше половины всей площади. Наконец, на долю очень крупных хозяйств, имеющих свыше 120 *га* каждое, приходилось около трех десятых всей площади. В числе хозяйств каждой группы между обеими переписями произошли следующие изменения (в тысячах):

	1895 г.	1905 г.	Плюс или минус
Хозяйств от 2 до 20 *га* . .	235,5	233,0	— 2,5
» » 20 „ 120 » . .	147,9	150,6	+ 2,7
» свыше 120 » . .	18,8	17,9	— 0,9

Как видим, в Англии, на-ряду с уменьшением числа очень крупных уменьшается и численность хозяйств крестьянских вообще. Рост обнаруживается только среди предприятий переходного к помещичьему и помещичьего типа, хотя и не особенно крупных, но стоящих все же выше даже крепкого крестьянства.

Англия является классическим примером, как западно-европейские страны осуществляли борьбу с сел.-хоз. кризисом, возникшим с начала 70-х годов в связи с появлением дешевого американского хлеба (начало широкого применения парового морского транспорта вместо парусного судоходства).

Известная сводная работа проф. Дена («Сельское хозяйство», 1908 г.) интересна, главным образом, как раз подбором фактов, показывающих, что Англия и др. западные страны вовсе не перешли под влиянием американской конкуренции к более экстенсивному хозяйству, как это сплошь и рядом предполагалось в русской народнической литературе, выводившей отсюда самый жалкий прогноз для английского капиталистического фермерства (а по аналогии—и для перспектив соответственного развития в русском земледелии).

Прежде всего общая сельскохозяйственная площадь, несмотря на «кризис», с 1873—1875 гг. по 1901—1905 гг. выросла с 31.463 тыс.

---

[1]) Это не значит, что они технически совершеннее всех. Это значит только, что они берут верх при частнохозяйственной организации производства на рынок. Немецкие хозяйства от 5 до 20 *га* по типу соответствуют, примерно, русским от 10 до 40 десятин.

акр. до 33.041 тыс. акр. В том числе пар сократился почти вдвое, до 354 тыс. акр., а площадь под плодовыми садами, ягодами и промышленным огородничеством возросла ровно вдвое, до 450 тыс. акров.

Затем, хотя собственно пашня (включая пар) сократилась в общем на 15%, до 15,3 милл. акр., но за то внутри нее произошло очень замечательное перераспределение. Тридцать лет назад площадь под картофелем, кормовыми корнеплодами и кормовыми посевными травами относилась к площади под зерновыми хлебами как 80 к 100, а теперь—как 110 к 100. Иначе сказать, собственно земледелие стало гораздо более интенсивным, чем было.

Наконец, хотя площадь постоянных лугов и пастбищ увеличилась на всю величину общей прибавки с.-х. площади и уменьшения пашни (за исключением части, отошедшей под садоводство и т. п.), но это расширение пастбищ, даже в тех случаях, где они сменяли пашню, тоже ничего не имело общего с возвращением к экстенсивному хозяйству.

Современное английское пастбище—не залежь, не простой выгон, говорит проф. Ден. Стойловое содержание скота предпочиталось для навоза. С переходом же к более интенсивному скотоводству, рассчитанному на молоко, мясо 1-го сорта и племенной скот,—фермеры вложили добавочные крупные средства именно для превращения пашни в пастбище. С этой целью здесь производят предварительно дренаж, тщательную очистку и сильное унавоживание, около 7 лет идет на подготовку пастбища с затратой около 4 фунт. ст. на акр (110 руб. на 1 дес.). Увеличивается и оборотный капитал: в фермах с преобладанием пашни надо около 9 фунт. ст. на акр, а при преобладании пастбищ—около 11 фунт. ст. (320 руб. на 1 дес.). В связи с этой потребностью в столь крупных добавочных затратах для преобразования хозяйства—число мелких ферм, как мы видели, уменьшается, а средних—увеличивается (как раз наоборот сравнительно с ожиданиями народников).

Для Швейцарии имеется сводка данных с 1866 г. по 1906 г., с группировкой хозяйств по рогатому скоту, ввиду преобладающего значения в тамошнем сельском хозяйстве скотоводства. Население Швейцарии возросло за это сорокалетие наполовину, численность скота увеличилась также на 50,8%, а число сел.-хоз. предприятий, владевших скотом, не только не возросло соответственно, но даже уменьшилось на 3 тысячи. Распределение числа хозяйств по группам по количеству принадлежащего им скота (в тысячах хозяйств) таково:

		1866 г.	1906 г.	Плюс или минус
Имеющие	1— 2 штуки . . .	76	45	— 31
»	3— 4 » . . .	52	47	— 5
»	5—10 » . . .	53	81	+ 28
»	свыше 10 » . . .	16	40	+ 24

В Швейцарии, следовательно, увеличилось число хозяйств высших групп и уменьшилось число низших. На-ряду с уменьшением общего число хозяйств и увеличением населения, это ясно говорит о значительной концентрации.

Для Ирландии есть данные переписей 1891 г. и 1901 г. За этот срок в численности хозяйств различной величины произошли следующие изменения (в тысячах):

Число хозяйств	1891 г.	1901 г.	Плюс или минус
От $^1/_3$ до $5^1/_2$ десятин . . .	220,2	217,3	— 2,9
» $5^1/_2$ » 11 » . . .	133,9	134,1	+ 0,2
Свыше 11 » . . .	162,5	164,5	+ 2,0

Наблюдается уменьшение мелкокрестьянских, ничтожный рост среднего крестьянства и более значительное увеличение числа более крупных хозяйств.

Для еще одной «страны мелкого крестьянства»—для Франции—последние официальные данные, относящиеся к 1908 г., недавно оглашенные в палате депутатов, дают также очень знаменательные указания. Последняя перепись перед этим была здесь в 1892 г. За протекшие 16 лет число мелких и средних крестьянских хозяйств (от 1 до 10 *га*) уменьшилось. Уменьшилось также число помещичьих (свыше 100 *га*). Наоборот, число «крепких» крупно-крестьянских (10—40 *га*) возросло [1]). Распад мелкого крестьянства можно было во Франции, впрочем, установить и раньше. Еще между переписями 1882 и 1892 гг. площадь хозяйств от 1 до 10 *га* уменьшилась на 121 тыс. *га*, а площадь хозяйств свыше 10 до 40 *га*, наоборот, увеличилась на 197 тыс. *га*.

Для Бельгии мы располагаем более старыми цифрами переписей 1880 г. и 1895 г. Хозяйствам до 2 *га* принадлежало там в 1880 г. несколько больше пятой части площади, а хозяйствам свыше 50 *га* несколько меньше пятой, хозяйствам от 2 до 10 *га*—больше четверти, равно как и предприятиям от 10 до 50 *га* столько же. За пятнадцатилетие произошло следующее изменение числа хозяйств (в тысячах):

---

[1]) Французские хозяйства от 10 до 40 *га* соответствуют по типу русским примерно от 20 до 80 десятин.

Число хозяйств	1880 г.	1895 г.	Плюс или минус
До 2 *га*	710,5	634, 3	— 76, 2
От 2 до 10 »	158,3	150, 6	— 7, 7
» 10 до 50 »	38,2	32, 1	— 6, 1
Свыше 50 »	4,4	4,58	+ 0,18

Несомненное увеличение, хотя и небольшое, находим здесь только в самой высшей группе. Особенно поучительны примеры Швейцарии, Бельгии, Ирландии и Франции, как стран, именуемых часто оплотом мелкого крестьянства. Нигде не встречаем мы роста мелкокрестьянского хозяйства в русском смысле этого слова, т.-е. хозяйства до 5 *га*, что соответствует экономически (по вложенным средствам, по получаемым результатам, по типу хозяйства) русским крестьянским хозяйствам, приблизительно, до 10 десятин. Везде растет или хозяйство крепкого крестьянства (соответствующего имеющим в России больше 10 десятин на двор, т.-е. выше среднего уровня), или же помещичье, или обе последних группы одновременно.

Особый интерес по своей подробности представляют данные американских (Соединенных Штатов Сев. Америки) цензов (переписей). Они показывают, что, даже когда число крупных хозяйств уменьшается—доля их в производстве может одновременно увеличиваться. Европейская статистика дает, главным образом, сведения о числе хозяйств и о распределении земельной собственности. Американские же цензы позволяют через забор юридической или регистрационной оболочки (право собственности, число хозяйств) заглянуть и в самую экономическую суть процесса (как и русские земские переписи). Это может помочь освещению данных и европейской статистики. Из великих земледельческих государств старой культуры только в Америке нет таможенных пошлин на хлеб, как и у нас. И если в основе хозяйственного подъема России за последнее десятилетие лежит рост цен на хлеб и—в связи с приливом в страну золота—прогресс земледелия, то ведь и индустриализация и обогащение Соединенных Штатов двинулись вперед нынешними гигантскими шагами тоже только с подобного же периода повышения цен на хлеб в Америке—под влиянием создания в 70-х годах XIX века парового транспорта через океан.

С предпоследнего ценза (1900 г.) общее число ферм в Соединенных Штатах возросло с 5,7 милл. до 6,4 милл., а занятая ими площадь только с 838 милл. до 879 милл. акров, т.-е. средний размер фермы понизился с 146,2 до 138,5 акров (акр—около трети десятины). При этом между отдельными группами ферм вся эта площадь распределялась в процентах так:

Величина ферм	1900 г.	1910 г.	Плюс или минус
До 49 акров	5,9	6,2	+ 0,3
от 50 до 174 »	34,8	35,1	+ 0,3
» 175 » 999 »	35,7	39,7	+ 4,0
выше 1.000 »	23,6	19,0	— 4,6
	100%	100%	

Перед нами картина, знакомая по русской статистике землевладения 1905 года. Если ограничиться этими данными, то, повидимому, ясно: роль крупнейших ферм уменьшается, и очень быстро (% их доли понизился на 20% за 10 лет); разительный прогресс американского земледелия надо отнести всецело на счет мелкого и среднего хозяйства (до 300 десятин приблизительно)—со всеми выводами отсюда и для России.

Но достойная подражания черта американской статистики заключается в том, что она продолжает исследование там, где останавливается европейская. Дело в том, что не вся площадь принадлежащей всем фермам земли обрабатывается, а лишь 55% ее—478 миллионов акров в 1910 г. И ответить на вопрос об изменениях в сфере хозяйственной, а не юридической, могут только данные об участии каждого типа хозяйств в использовании именно этих 478 миллионов акров. Оказывается из них в %% приходилось на фермы:

величина ферм	1900 г.	1910 г.	Плюс или минус
До 49 акров	9,6	9,3	— 3,0
От 50— 174 »	44,7	41,8	— 6,6
» 175— 999 »	39,8	42,4	+ 6,3
свыше 1.000 »	5,9	6,5	+ 10,0
	100%	100%	

Таким образом, ясно, что несмотря на противоположное направление мобилизации земельной собственности—в области земледельческого хозяйства «американский прогресс» приходится как раз на долю хозяйств с более чем 60 дес. приблизительно каждое (от 175 акр.)—притом тем в большей мере, чем больше сами хозяйства. То же получается и при делении на более мелкие группы. Вот любопытная иллюстрация—изменение средних размеров обрабатываемой площади на одну ферму для каждой группы отдельно (в акрах):

Величина ферм	1900 г.	1910 г.	Плюс или минус в проц.
До 20 акров	9,5	9,5	—
От 20— 49 »	26,0	26,0	—
» 50— 99 »	49,0	49,0	—
» 100— 174 »	83,0	85,0	+ 2,4
» 175— 499 »	156,0	167,0	+ 7,0
» 500— 999 »	286,0	326,0	+ 14,0
свыше 1.000 »	516,0	623,0	+ 21,0

Очевидно, здесь имеет место двустороннее явление (подобное подмеченному нами и в России): выгодно продаваемая часть неиспользовавшихся ранее для самостоятельного хозяйства земель крупных владельцев одновременно настолько расширяет фактические размеры собственного их капиталистического хозяйства на остающихся у них землях, что общая доля крупного хозяйства в земледельческом производстве страны не уменьшается, а увеличивается.

В этом отношении особенно показательны прямые сведения американского ценза об изменениях доли каждой группы ферм в общей сумме капитала, вложенного в сельское хозяйство (земледелие и скотоводство). С полнотой этих данных во всей Европе могут равняться только наши земские переписи, уступающие американским лишь в отношении захвата меньшего пространства, разновременности и неоднородности группировок.

Недостаток места не позволяет привести сведения о каждой составной части земледельческого капитала отдельно. Ограничимся поэтому лишь суммарной таблицей о стоимости земли и строений,—что охватывает почти 85% вложенных в хозяйство средств (кроме затрат на рабочую силу). Остальные свыше 15% приходятся на скот, машины, удобрения, семена. Заметим тут же, что общая стоимость земли и строений за это десятилетие возросла с 16,6 миллиарда долларов до 34,4 миллиарда долларов—вдвое. Львиная доля этого колоссального прироста приходится, конечно, на цену земли, как капитализованную ренту, чрезвычайный рост которой был первым следствием соответственного роста хлебных цен.

Итак, из всей стоимости всей земли и строений приходилось в %% на долю групп ферм:

Величина ферм	1900 г.	1910 г.	Плюс или минус
До 49 акров	11,8	10,9	— 7,9%
От 50— 174 »	45,4	41,5	— 8,6%
» 175— 999 »	36.7	40,9	+ 11,5%
свыше 1.000 »	6,2	6,7	+ 7,6%
	100%	100%	

Таков конец народнических и ревизионистских легенд о «преимуществах мелкого хозяйства». Факты, как говорится, упрямая вещь—надо только уметь смотреть на них, не останавливать исследования там, на юридической поверхности явлений, где надо только начинать его.

У нас народники на воображаемых преимуществах ручного труда в сельском хозяйстве базируют иногда целые теории. Проф. Исаев в новой своей книге («Мировое хозяйство», 1910 г.) как раз на примере

Америки показывает, что, по мере технического прогресса, этим «преимуществам» (т.-е. технической отсталости) приходит конец. Так, в штате Висконсине «при возделывании гороха для консервов пользуются почти исключительно машинным трудом. Сеют и жнут машинами. Посредством машин ядра отделяются от шелухи. Машинами пользуется и при упаковке его в консервы». То же сообщает проф. Исаев и о плодоводстве: «эта тенденция (машинизм) распространяется и на отрасли, которые сохраняют в Европе почти исключительно ручной труд и считаются даже со стороны науки мало пригодными для введения машин. Таково плодоводство» и т.д. (там же).

Заслуживает внимания сообщение о табаководстве: «На табачных плантациях штата Коннектикут разбиваются палатки; их крыши поддерживаются сотнями столбов. Прикрытие требует больших расходов, но обеспечивает табаку почти тропическую жару. Дождь проходит через этот покров только в виде тончайшего тумана; вред от насекомых невелик. Табак, возделанный под такою крышею, отличается самыми высокими качествами и за него выручают вдвое больше обычного». Как странно должно звучать это удвоение стоимости продукта путем «больших расходов» для наших доморощенных теоретиков, объявляющих характерной особенностью интенсификации земледелия — уменьшение потребности в капитале и на этом основании ожидающих перехода всего земледелия в руки непредпринимательского мелкого крестьянства с его распыленными капиталобедными индивидуальными хозяйствами.

2.

В 1905 г., по официальным данным, из 11.500 тысяч крестьянских дворов всех наименований в 50 губ. Европ. России (не засчитаны казаки, башкиры, колонисты и прибалтийские латыши и эсты) целых 7.850 тысяч, или почти 70%, имели менее 10 десятин надельной земли на двор. Так как сведения собирались по целым деревням сразу, в среднем, то и среди этих 70% есть много фактически ведущих хозяйство более чем на 10 десятинах, все равно, как среди остальных 30% найдется много хозяйствующих менее чем на 10 десятинах. Но во всяком случае дело идет о большей половине русского крестьянства, соответствующей тем слоям, какие экономически слабеют во всей Европе—вплоть до окончательного часто разрушения их хозяйств. Средний размер надела для крестьян бывших государственных, помещичьих и удельных в 50 губерниях Европ. России, взятых вместе, составлял на один двор в 1910 г. всего 9 десятин (12,2 милл. дворов и 190,6 милл. десятин, у помещиков в этих же губерниях было

49 милл. десятин). Если засчитать казаков, колонистов и т. д., то средний надел повысится до 9½ дес.

Что именно низший,—повсюду в Европе падающий,—слой составляет основную по численности массу коренного русского крестьянства, видно из всех земских обследований отдельных губерний. Вот, например, полтавские статистики [1]) установили, что из всех 343 тысяч хозяйств, имевших пахоту согласно подворной переписи 1900 года, остатки хлебного производства после удовлетворения потребности в зерне внутри самого хозяйства (пища людей, корм скоту, семена и пр.) получаются лишь у 56,5% всего числа хозяйств. Следовательно, только половина полтавских земледельцев может продавать часть своего хлеба на сторону, остальные же принадлежат безусловно к типу потребительского мелкого крестьянства, о котором шла речь. Да и из этих 56%—у большей их половины продаваемого хлеба хватает только на уплату аренды за снятую землю (там же).

Насколько велика устойчивость действительно мелкого крестьянина, видно из предыдущего. И когда ссылаются на устойчивость европейского крестьянства, надо помнить, что она заключается в росте крупного («крепкого») и в падении мелкого, а по большей части и среднего.

В России падение мелкого крестьянства особенно усиливается теперь тем, что в силу данного состояния мирового рынка и увеличения плотности внутреннего населения русское земледелие вступило в полосу преобразования. Начинает совершаться переход от господствующих почти чистых паровых зерновых систем к более усовершенствованным смешанным. Как нельзя было продолжать дома ткать материю для одежды, когда появилась фабрика, так нельзя в нынешнем состоянии русскому земледелию не сделать шага в сторону этой рационализации, самой по себе довольно умеренной. А такое преобразование требует и затраты некоторых средств и—часто—известной величины хозяйства и известной, хотя бы минимальной, культурности хозяина. Средств у мелкого крестьянина нет, размеры хозяйства еще сокращаются уменьшением арендного фонда, предоставлявшегося ему ранее помещичьими экономиями (и тем рационализуется, т.-е. делается целесообразнее хозяйство), а культурность мелкого русского крестьянина еще ниже европейского. К этому присоединяется неблагоприятная для него политика власти, «ставящей на сильного».

Пред европейским мелким крестьянином в последние десятилетия XIX века не стояло столь сложных задач,—не было благоприятного для

---

[1]) «Стат. Ежегодник Полтавской губ. на 1907 г.».

крупных хозяйств роста хлебных цен, не было столь экстенсивного типа всего земледельческого хозяйства,—и все же он оказался не в силах справиться с положением и стал отступать перед своим более приспособленным «крепким» собратом.

И в России можно отметить также более высокий уровень хозяйства у более крупных крестьян, сравнительно с мелкими. Помимо других данных, мы сошлемся на сторонника народнических аграрных взглядов проф. Огановского, который в приложении к книге «Борьба за землю» приводит выборки из всех земских статистических сборников, где есть сведения о числе улучшенных орудий, приходящихся на сто десятин посева у разных групп крестьянства. Конечно, надо брать не плуги и не косы, потому что такие орудия в некоторых районах есть у всех, например, плуг на юге. Но Огановский приводит данные и о распространенности молотилок, веялок и сортировок,—орудиях не общепринятых, по которым и можно судить, кто идет во главе технического прогресса. Таких уездов 11: шесть Воронежской губ., три Вятской губ., и по одному Орловской и Пермской губ. И везде цифры растут в таком роде: у каждой из указанных в таблице групп крестьян (отличающихся размером посева на двор)—на каждую тысячу десятин посева приходится следующее количество этих орудий (т.-е. молотилок, веялок и сортировок):

Размер посева	Число орудий	Размер посева	Число орудий
до 2 дес.	0	с 10—15 дес.	3,6
с 2—4 дес.	0,22	» 15—50 »	10,2
» 4—6 »	0,28	Св. 50 »	23,1
» 6—10 »	1,0	—	—

(Дмитровский уезд Орловской губ.).

И в этом роде по всем 11 уездам. То же можно сказать и о подъеме культурного уровня хозяйства вообще.

Тем сильнее должен теперь пойти процесс относительно оттеснения и даже частичной ликвидации мелких хозяйств, что уже и раньше местами наблюдалось ясно выраженная двухсторонняя диференциация. Одна из немногих губерний, где были повторенные переписи (а без них трудно судить, в какую сторону идет прецесс), это—Полтавская, где были земские переписи в 1882—1886 гг. и затем в 1900 г. Для 8 уездов, по которым возможно сравнение по посеву, полтавские статистики дают такие цыфры. Число типичных мелких хозяйств, засевающих от 3 до 9 десятин, между указанными двумя переписями сократилось с 56,1% до 49,3% общего числа. Число сеющих менее 3 десятины увеличилось на 8,1%, но почти все увеличение относится к ничтожным клочкам до 2 десятин—продукт распада выбитых из

колеи типичных мелких хозяйств. Зато, с другой стороны, возросло число хозяйств высших групп: сеющих от 15 до 50 десятин теперь вместо каждых 100 прежде бывших хозяйств имеется уже 129; сеющих свыше 50 десятин вместо 100 прежних, теперь 116, при этом увеличился и средний размер площади хозяйства, в то время как у остальных, более низших слоев крестьян, он понизился. В результате, из всей пашни, принадлежащей всем крестьянам и казакам Полтавской губ., одной только горсточке самых крупных из них, имевших более 50 десятин, принадлежало при первой переписи 6,5% всей пашни, а через 16 лет при второй (1900 г.)—уже целых 11,6%. А группа «крепких» крестьян и казаков от 15 до 50 дес. росла еще быстрее. Соответственно сократилась площадь пашни в руках среднего и мелкого крестьянства.

Нам нет причины быть этим довольными. Ведь царство «крепких» крестьян—совсем непривлекательная вещь. У мелких и мельчайших крестьян традиционного потребительского типа, существовавших нередко наполовину наемной работой вне своего хозяйства, была хоть «полупролетарская душа». Наоборот, узко ограниченные кругом своего хозяйства, если и сталкивающиеся с наемными отношениями, то как хозяева, а не как рабочие, противостоящие к тому же городскому и рабочему населению, как продавцы продуктов сельского хозяйства,—граждане «крепкие хозяйственные мужички» не сулят нам ничего особенно душу возвышающего. Некоторая демократичность их консерватизма не помешала им стать во всей Европе верной и главной массовой опорой социального застоя, другом и союзником клерикалов и аграриев, с которыми их соединяют заинтересованность в повышении цен на хлеб, мясо и т. п. и отчасти солидарность нанимателей по отношению к рабочим (на нашем Юге работу у крестьян и колонистов рабочие считают и по тяжести, и по условиям, и по оплате—еще хуже, чем у помещиков; см. книгу Шаховского).

Народнические мечтатели надеялись спасти оттесняемое мелкое крестьянство кооперацией, не затрагивая в то же время основ товарного строя. На основании накопившихся в последнее время данных мы еще покажем, кому на деле служит русская деревенская кредитная (и маслодельная) кооперация. Производительной же зерновой кооперации в России и вовсе нет. Еще апологет устойчивости мелкого крестьянства и вдохновитель наших народников Давид, на основании всего европейского опыта, сказал: в сельском хозяйстве успешны только товарищества производителей (для сбыта, кредита и т. п.), но не производительные товарищества, т.-е. кооперативное обслуживание отдельных хозяйств, но не объединение их в одно производство. Можем ли мы ждать у нас спасения мелкого

производителя трудового типа,—в условиях товарного общества,—хотя бы от этих товариществ производителей?

В Европе все эти организации для сбыта, для закупок орудий и семян, для переработки продуктов сельского хозяйства и пр. не спасли мелкого крестьянина от постепенного вытеснения более крупным собратом, по величине своего участка имеющим возможность приложить к хозяйству все рабочие силы семьи и часто даже известную дозу наемного труда и потому «крепко» сидящим на земле.

Это и понятно. Чтобы закупать улучшенные орудия через закупочные товарищества, чтобы сбывать продукты птицеводства и т. п. через товарищества по сбыту, чтобы перерабатывать в предприятиях переработочных товариществ имеющие промышленное значение продукты хозяйства (масло в Дании, виноград в Южной Германии, продукты садоводства, огородничества и пр.)—для всего этого нужна наличность определенного типа хозяйства.

Для сел.-хоз. кооперативов по закупке орудий, по сбыту и т. п. требуется хозяйство по меньшей мере несколько улучшенного зернового типа, промышленного характера, с заметным животноводственным оттенком. Наоборот, при безраздельно почти господствующем в хозяйстве русского мелкого крестьянина крайне экстенсивном характере (паровая система—треть пашни пропадает под паром, продовольственная, а не торговая цель хозяйничанья, и т. д.)—нет почвы для всех этих «переработок», закупок и продаж. Это не только установлено нашей агрономической литературой [1]), но и само собой понятно. Где главным продуктом хозяйства является зерно, к тому же такое, которое должна съесть сама крестьянская семья (а на остальные потребности приработать на стороне), там не заведешь кооперации для сбыта свеклы и мяса, для производства масла и продажи хлеба.

Кооперации производителей могут при наших условиях [2]) вообще с успехом устраиваться, как устраивались в Европе, т.-е. только по мере увеличения числа к р е п к о-крестьянских хозяйств, перешедших от прежней экстенсивной чисто зерновой культуры к улучшенной более интенсивно-зерновой промышленного характера. Переход этот у нас совершается теперь довольно заметным образом, и необходимым подсобным орудием для него в руках крепких крестьян как раз и служат кредитные кооперативы, доставляющие им необходимый оборотный ка-

---

[1]) См., например, интересные статьи С. А ш и н а в №№ 26—32 «Южно-Руск. Сел.-Хоз. Газеты» за 1910 г.

[2]) Речь идет об условиях господства буржуазного строя в царской дореволюционной России. При диктатуре пролетариата положение меняется благодаря активному вмешательству пролетарского государства. (П р и м е ч а н и е 1925 г.)

питал (чем и объясняется такое широкое сейчас развитие этого вида кооперации). Мелкий же крестьянин перейти к промышленному типу хозяйства не может прежде всего по ничтожности размеров своего хозяйства (поскольку речь идет о более прогрессивном зерновом хозяйстве) и по недостаточной плотности населения, по недостаточной еще индустриализации России (поскольку речь шла бы о переводе мелкого хозяйства полностью на огородничество и т. п., для чего должен быть предварительно создан достаточный внутренний рынок ростом неземледельческого населения). Более развитая городская жизнь, большее промышленное население создало бы почву для огородничества и т. п., как массового явления, создав достаточный соответственный рынок. При нынешней же плотности населения и степени урбанизации России—а это отношения, лишь медленно меняющиеся в течение ряда десятилетий—интенсификация земледелия выражается лишь частью в рационализации нынешнего зернового хозяйства, частью в некотором усилении промышленного характера предприятия, при усвоении им технических научных приобретений Европы, но без уничтожения преобладающего значения в нем зерновых культур (в среднем по России). А при таком условии необходимы размеры хозяйства не ниже нынешнего крепко-крестьянского (потому оно теперь и идет так вперед). О том, чтобы у нас, как во Фландрии, типичными, как общее явление, сделались достаточно доходными для жизни семьи уже теперь хозяйства по 2 десятины в среднем, пока и думать нечего.

Почти отсутствуют статистико-экономические обследования покупателей земских складов (улучшенные орудия и семена, искусственное удобрение и т. п.). Но поскольку они есть—они ясно говорят, какой слой крестьян, опираясь на свою устойчивость, улучшает свое хозяйство, и чье хозяйство, наоборот, впадает во все большее захудание. Так, Херсонский земский склад обслуживает почти исключительно крестьян (99,6% всего числа покупателей в 1909 г.). Все покупатели, по величине своего посева, распределялись в 1909 г. следующим образом:

Засевающие	Купили из всей суммы
До 5 десятин	0,8%
от 5 » 7 »	4,2%
» 7 » 15 »	33,6%
свыше 15 »	61,4%
	100%

Такие же точно данные имеются и за предшествующие годы (№ 24, «Ю.-Р. Газ.» за 1910 г.. Между тем средний надел крестьянского двора (считая колонистов и пр.) составляет в Херсонской губ. в 1905 г.

всего 7,8 дес. Ясно, что подавляющее большинство крестьян может засевать не более 5 десятин (остальное приходится на пар и пр.)— и остается, следовательно, совершенно чуждым благам технического подъема.

Итак, есть все основания считать происходящий ныне процесс преобразования русского земледелия и его капитализации направленным в сторону усиления крепкого крестьянства и капиталистических помещиков, при одновременном (как и во всем мире) в дальнейшем ослаблении устойчивости мелких крестьян (участь же средних, по имеющимся данным, недостаточно ясна). А если так, то и число сельскохозяйственных рабочих (которое и так велико) должно возрастать, равно как и их социально-психологическое обособление от остального крестьянства. К этому вопросу мы еще вернемся.

Оригинальный опыт использовать для доказательства отсутствия перспектив у капитализма в земледелии как раз развитие в деревне работы по найму вне своего хозяйства и вообще промыслов,—представляет собой недавняя работа Н. Суханова «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», 1909 г. Он подверг самостоятельной разработке данные земских подворных переписей относительно 28 уездов московского промышленного района, 34 уездов центрального земледельческого, 12 уездов Вятской и Пермской губ. и 2 уездов Самарской губ. Кроме того, воспользовался известным трудом Посникова, относящимся к имевшей место 25 лет назад подворной переписи 7 уездов Таврич. губ. (всего 83 уезда).

Можно бы, конечно, многое возразить против устранения из поля зрения при исследовании земледельческого капитализма таких губерний, как Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Оренбургская, белорусские, юго-западные, северо-кавказские и пр. Но и в поставленных им себе рамках труд Суханова, поскольку речь идет о разработке фактических данных, имеет несомненную ценность. Нельзя того же сказать о теоретических заключениях автора, шаткость которых сразу бросается в глаза.

Путем анализа данных о наемном труде в крестьянском хозяйстве, о занятиях промыслами, об аренде, размерах посевов, о рабочем и мелком скоте, о бюджетах и пр., автор неопровержимо устанавливает обратно пропорциональное отношение между степенью развития в данном районе земледельческого капитализма в крестьянском хозяйстве и распространенностью промыслов среди занимающихся земледелием крестьян, как отхожих, так и местных, прежде всего—внеземледельческих. В губерниях Ярославской, Владимирской, Вологод-

ской от половины до двух третей и более взрослого земледельческого населения обоего пола занимается в то же время промыслами—и здесь автор почти вовсе не находит следов капитализма в крестьянском земледелии. Южнее, в губерниях Смоленской, Калужской, Нижегородской, промыслами занимается несколько меньше 35—40% взрослого земледельческого населения обоего пола—и автор констатирует здесь «тончайший слой крестьянского земледельческого капитализма». В черноземном центре (Воронежск. Орловск. и др. губ.) распространенность промыслов падает до 25—30%, а земледельческий капитализм имеет уже по Суханову «существенное значение». Наконец, в степных Самарской и Таврич. губ. промыслами занимается лишь 3—9%, а капитализм приобретает в крестьянском хозяйстве «очень значительную роль» (там же). Впрочем, следует заметить, что при оценке степени развития предпринимательского хозяйства среди крестьян Суханов впадает иногда даже в чрезмерную осторожность, не всегда вызываемую обстоятельствами.

Переходя к теоретическому объяснению соотношения, Суханов в основу оценки видов на будущее, вслед за Масловым, кладет идею развития производительных сил страны. Это развитие он измеряет степенью ее индустриализации. А затем автор удивительным образом просто берет и отождествляет степень индустриализации района со степенью развития в нем промыслов среди земледельческого населения. Отсюда получается вывод: чем более развиты производительные силы, тем меньше развитие земледельческого капитализма, а так как производительные силы страны должны развиться, то ясно—капитализм в земледелии должен исчезнуть, таков «закон развития буржуазно-капиталистического общества» (см. стр. 371 и сл.).

По методу Суханова, лесная и пустынная Вологодская губ. оказывается неизмеримо индустриальнее Екатеринославской с ее горной промышленностью. Орловская губ. с ничтожным городским населением оказывается индустриальнее Херсонской с 30% горожан. Калужская или Смоленская неизмеримо превосходят Пермскую и т. п. Все эти парадоксы приводят Суханова к утверждениям в духе того, что развитие горной промышленности в Екатеринославской губ. не имеет значения для «социально-экономической обстановки развития земледельческого капитализма» в ней, так как в копях и на заводах работают не местные земледельцы, а пришлые рабочие (стр. 351).

В действительности, конечно, развитие промыслов и слабость земледельческого капитализма на севере объясняется *малой доходностью и второстепенностью здесь земледелия в целом*. По меткому замечанию вятских статистиков (цит. по Суханову, стр. 252), здесь «земледелие является уже не столько самостоятель-

ным производ. предприятием, сколько отраслью домохозяйства», домоводства, оно является лишь дополнением к основным неземледельческим занятиям данного лица. Наоборот, чем больше по направлению к югу занятие земледелием становится доходным, тем более выступает оно на первый план и тем энергичнее выступает земледельческий капитализм. В этом отношении подчеркиваемая Сухановым закономерность обратной связи между распространенностью промыслов и капитализмом в земледелии очень замечательна.

По Соковнину, которым пользовался Суханов, средний сбор со всей площади надела в Таврическ. губ. составляет 482 пуда, в Воронежской и Орловской губ. 276—300 пуд., в Калужской губ. и Вяземском уезде Смоленской 237—242 пуд. и в указанных Сухановым уездах Вологодской, Ярославской и Владимирской—от 121 до 228 пуд., в среднем 170 пуд. Замечательно, что эти и тому подобные параллели с уровнем развития капитализма в земледелии разных районов, а также явное несовпадение индустриальности губерний с развитием среди земледельцев промыслов не привели Суханова к более веским и менее поспешным выводам. Классический пример, как народнические шоры способны затемнять результаты даже для добросовестного исследователя.

ЭКСПЛОАТАЦИЯ НАЕМНОГО ТРУДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ.

1.

Перепись 1897 г. насчитала в России $2^3/_4$ миллиона лиц, основным занятием которых была работа по найму в сельском хозяйстве. Как сознавали сами издатели переписного материала, действительное число постоянных сел.-хоз. рабочих уже и в то время было значительно больше. Перепись 1897 г. происходила зимой, в январе, поэтому не были учтены те парни, девушки и молодые крестьяне Киевской, Полтавской и других губерний, которые весной и летом уходят батрачить на полгода в южные и восточные степи. Они засчитывались «в члены семейств» на своей родине. Комиссия Звегинцева насчитала в 1894 г. таких пришлых с.-х. рабочих в 10 степных губ. до 1 миллиона чел. С тех пор население России возросло вообще на 20%, а капиталистическое хозяйство в земледелии к тому же начало оживляться и расти как раз после переписи 1897 г., так как она совпала с началом роста цен на хлеб. Можно ожидать поэтому, что теперь (1910 г.) общее количество наемных сел.-хоз. рабочих, местных и пришлых, составляет уже никак не менее 4 милл. чел. А. Орлов определял недавно в «Н. Заре» число одних постоянных батраков в 3.200 тыс. (за то количество пришлых уменьшилось).

Громадная армия наемного труда в земледелии встанет перед нами во весь рост, если вспомнить, что в 1908 г. в России во всей фабрично-заводской, горной и транспортной (жел.-дор. и судоходной) промышленности вместе числилось даже несколько менее 4-х милл. рабочих

Значение этой армии, ее удельный вес на весах общественных отношений до сих пор не соответствовал ее численности, в значительной степени потому, что она сама недостаточно осознала свои нужды и перспективы.

Надежда обзавестись собственным хозяйством до последнего времени не оставляла сельского рабочего и во всем находила себе пищу: в общинных иллюзиях, в надеждах на «черный передел» (революционный переворот), который наделит их землей и превратит в самостоятельных хозяев.

Капиталистическое развитие, столь быстро пошедшее вперед в деревне в девятисотые годы, неудача и разложение общекрестьянского движения 1905—1906 гг., юридическое закрепление итогов экономической эволюции законом 9 ноября 1906 г.—все это способно начать класть конец таким надеждам и иллюзиям. И потому деревенский пролетариат, как таковой, все более будет и должен становиться такой величиной, мимо которой не сможет пройти наблюдатель общественных отношений России, как не игнорирует он батраков Прибалтийского края.

Для промышленных рабочих вопрос о наемном труде в земледелии, помимо общеклассового, имеет еще специфический интерес, так как низший уровень заработной платы в индустрии определяется, между прочим, уровнем дохода пролетаризирующихся крестьян и сельских пролетариев, являющихся в город искать работы. (И. Грей.)

Однако в богатой литературе земских статистических сборников нет почти выпусков, которые были бы посвящены описанию и разработке данных о помещичьих хозяйствах, ведущихся наемным трудом. Наши помещичьи земства предпочитали исследовать и описывать крестьянские хозяйства. Отчасти это объясняется оценочными целями земской статистики: составляющим большинство членов земских собраний помещикам приятнее, чтобы для взыскания налогов их земли облагались сообразно низкому уровню крестьянского дохода. Да и самих статистиков влекло к «сеятелю и хранителю русской земли».

Теперь с оживлением капиталистического хозяйства в земледелии, появилась первая для всего Юга ласточка—земская перепись помещичьих хозяйств Старобельского уезда, Харьк. губ., произведенная в 1904 г. Подобные же данные можно выделить по херсонским сборникам для Елисаветградского уезда (за 12 лет, с 1894 по 1905 г.). Данные этих двух типичных «пшеничных» уездов дают возможность конкретно осветить вопрос об эксплоатации наемного труда в русском капиталистическом земледелии. Для сравнения с индустрией берем текстильную промышленность за 1904 г. (все данные о ней по офиц. сведениям, за десятилетие 1893—1902 гг., цит. по № 6 «Своб. и Культ.» за 1906 г.).

Чтобы избавить читателя от сложных и длинных вычислений, ограничиваюсь только конечными результатами—относительными величинами. Расход на молотьбу и администрацию в Елисав. уезде за отсутствием сведений принят по норме Старобельского уезда. По Старобельскому уезду все данные относятся к 1 дес. пашни (1904 г.), по Елисав. уезду к 1 дес. посева (среднее за 12 лет).

Прежде всего, как и следует по теории, строение авансированного капитала в земледелии оказывается существенно иным, чем в промышленности. Авансированным капиталом называют все затраты, сделанные на производство: в него входит как вся сумма заработка, выплаченного рабочим и служащим, так и стоимость всех потраченных материалов, износившейся части машин, строений, скота и пр. Затраты на плату рабочим и служащим называются переменным капиталом, потому что имеют приятное для хозяев свойство возвращаться в увеличенном виде: рабочие и служащие создают своим трудом больше ценностей, чем получают от хозяев в виде заработной платы. Все остальные издержки называются постоянным капиталом, потому что стоимость их в той же самой величине восстанавливается в цене произведенного товара.

Из всего авансированного капитала приходится в $^0/_0{}^0/_0$ на

	Постоянный	Переменный
Старобельский уезд. . .	49,3	50,7
Елисаветградский » . .	56,0	44,0
Текстильная промышл. . .	86,0	14,0

В русском капиталистическом земледелии живой человеческий труд в издержках производства имеет таким образом в 3—4 раза большее значение, чем в основной отрасли русской капиталистической индустрии. А где живой труд играет бо́льшую роль в производстве (в силу наличных особенностей этого производства), там и в сумме стоимости всех произведенных продуктов более значительная доля должна падать на чистую прибыль хозяина: ведь прибавочную стоимость в пользу хозяина производят живые рабочие, а не уголь и навоз.

Поэтому вполне понятно, почему вся сумма годового производства распределяется (в $^0/_0{}^0/_0$) следующим образом:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Чистая прибыль хозяина
Старобельский уезд	26,2	29,5	44,3
Елисаветград. »	31,3	24,6	44,1
Текстильная пром.	81,0	13,0	6,0

Как видно, фабричные тузы недаром завидуют помещикам. Из стоимости каждого пуда хлеба помещики получают в свою пользу всемеро бо́льшую долю, чем фабриканты—из стоимости каждого аршина ситцу. Но для рабочих это преимущество господ помещиков означает лишь бо́льшую эксплоатацию. Норма эксплоатации, т.-е. уровень использования хозяевами сил рабочих в свою пользу, определяется отношением суммы чистой прибыли хозяина к переменному капиталу, т.-е.

ко всей заработной плате рабочих и служащих. По этому расчету уровень эксплоатации составляет в текстильной промышленности 46%, а в земледелии: в Старобельском уезде 150,4% и в Елисаветградском—179,2%, т.-е. в три раза больше, чем в индустрии. Впрочем, в текстильной промышленности фактически тоже несколько больше, чем 46%, так как акционерные общества в своих отчетах ухитряются известную часть прибыли расписать по другим рубрикам. Но это не меняет значительного данного отношения: в земледелии норма эксплоатации остается все же г о р а з д о более высокой, по крайней мере вдвое, если не более.

Значение определения нормы эксплоатации будет яснее, если вспомнить, что она указывает доли рабочих и хозяев во всей вновь создаваемой трудом рабочих ценности (при чем весь затраченный хозяином постоянный капитал уже вычтен и возвращен хозяину, так как не представляет собой новой ценности). Сравнивая всю русскую фабрично-заводскую промышленность (по офиц. отчету за 1906 г.) в этом отношении с капиталистическим земледелием в наших уездах, получаем, что во всех вновь производимых ценностях доли рабочих и хозяев составляют в %%:

	Доля рабочих и служащих	Доля хозяина
Старобельский уезд	39,9	60,1
Елисаветград. »	35,8	64.2
Вся фабр.-заводск. промышл. .	62,7	37,2

В этой таблице наглядно выражено экономическое значение социального господства помещиков в русской жизни. В то время как фабриканты берут себе у рабочих, примерно, две пятых создаваемой последними новых ценностей—помещикам удается оттягать почти две трети: недаром же они обладают «полнотой власти».

Казалось бы, при таких условиях всем фабрикантам стоило бы позакрывать свои фабрики и сделаться помещиками: ведь в земледелии и переменный капитал (т.-е. рабочая сила, создающая прибавочную стоимость в пользу хозяина) находит себе большее применение, и в ценности продукта—товара—большая часть приходится на чистую прибыль, и самое главное—уровень эксплоатации рабочих куда выше. Казалось бы, и капитал, затраченный в земледелии, должен приносить больший процент годового дохода, чем в промышленности.

Однако на деле выходит иное. В действительности отношения сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Доход по отношению к основному капиталу (принята в расчет и стоимость земли) составлял:

Старобельский уезд в 1904 г.	6,94 %
Елисаветград. » 1894—1905 гг.	6,56 »
Текстильная промышленность 1893—1902 гг. . . .	8,39 »

Смеется тот, кто смеется последний. Несмотря на все «преимущества» капиталиста-помещика, капиталист-фабрикант в конце концов побил его и выручил больший дивиденд на свой капитал. В чем же дело?

Время оборота капитала в промышленности и земледелии не одинаково. Помещик связан природными условиями. Он собирает в год одну жатву. Фабрикант же за это время несколько раз продаст свой ситец, купит опять пряжу, опять наймет рабочих, и опять получит и опять продаст ситец. И каждый раз ему остается прибавочная стоимость, которую помещик может собрать и реализовать лишь один раз в году. Пусть фабриканту меньше каждый раз остается прибавочной стоимости—за год ее наберется на один и тот же затраченный капитал больше, чем у помещика, потому что капитал этот успеет несколько раз обернуться.

Если бы время оборота капитала было одинаково в земледелии и промышленности, то отношение суммы производства к основному капиталу было бы тоже одинаковое, и доход на основной капитал в земледелии был бы в 7 раз больше, чем в текстильной промышленности. Потому что доля чистой прибыли в сумме производства в капиталистическом земледелии—44%, а в текстильной промышленности только—6%.

Но в действительности доход на основной капитал в земледелии (считая землю, на покупку которой тратятся деньги) равен в среднем лишь четырем пятым этого дохода в текстильной промышленности (как мы видели, в земледелии в среднем около 6¾%, а в текст. пром. почти 8½%). Значит, очевидно, в капиталистическом земледелии в России капитал должен оборачиваться в 8 или 9 раз медленнее, чем в капиталистической промышленности (так получится, если семь разделить на четыре пятых).

Так ли это на деле? Это легко проверить. Отношение суммы годичного производства к основному капиталу, по нашим источникам, принимая основной капитал за 100%, составляет в %%:

Старобельский уезд	15,57
Елисаветград. »	14,75
Текстильная промышленность	120,40

Следовательно, промышленность действительно оборачивает свой капитал в 8 раз быстрее земледе-

лия, чем и объясняется ее бо́льшая доходность сравнительно с земледелием. Значит, чтобы поднять уровень процента, выручаемого на свой капитал, помещику прежде всего приходится стремиться,—за невозможностью ускорить оборот,—к увеличению массы продуктов, добываемых с единицы площади.

Отсюда происходит та лихорадочная погоня за агрономическими улучшениями, какая охватила крупных владельцев, после того как они стали переходить к капиталистической организации своего хозяйства, сокращая площадь продовольственной аренды. Екатеринославское губ. земство послало даже своих специалистов в Америку и учредило там собственную агентуру.

Следствием медленного оборота капитала в земледелии является чрезвычайная трудность борьбы за улучшение положения сельских рабочих. При теперешней медленности помещик может сравняться в доходности своего предприятия с фабрикантом только при более усиленной эксплоатации рабочих. Поэтому он с большим трудом соглашается на уступки. Отсюда и происходит то, что хотя фабрично-заводским рабочим разрешены у нас с недавнего времени экономические стачки, и законом 4 марта 1906 г. признано за ними право на устройство профессиональных союзов,—в апреле того же 1906 г. особым законом подтверждено, что сельскохозяйственные рабочие права на стачку не имеют и союзы им запрещены под угрозой суровой кары.

Но без улучшения положения наемного труда в деревне не подымается низший уровень его оплаты и в городе, потому вопрос о сельском рабочем—дело общерабочее и, как такое, будет поставлен жизнью. Законодательные меры в пользу земледельческого труда должны поэтому отстаиваться индустриальными рабочими с той же настойчивостью, как и непосредственные свои требования.

Интересно и важно отметить, что если разделить весь доход капиталистического помещика на две составные его политико-экономические категории,—на земельную ренту и на процент на затраченный производственный капитал,—то помещик-предприниматель выручает в теперешнюю эпоху на производственный капитал значительно больше, чем фабрикант-предприниматель. Только если брать ренту и процент вместе, как мы это делали до сих пор—получается преимущество для фабриканта.

Сам помещик считается, конечно, только с общей величиной своего дохода, не разбирая, из каких частей он состоит, сколько там «ренты» и сколько «процента». В действительности же доход слагается, понятно, во-первых, из земельной ренты за право собственности

на землю и, во-вторых, из процента на производительно вложенный в дело постоянный капитал (скот, постройки, инвентарь, улучшение почвы и т. д.).

Тридцать лет назад, когда помещик купил свою землю, она стоила ему, может быть, всего 50 рублей десятина. Однако получаемый им доход он сравнивает не с этой ценой плюс затрата постоянного капитала, а с теперешней ценой, напр., в 217 рублей за десятину (в Елисаветгр. уезд. 1901—1905 гг.), плюс та же затрата постоянного капитала. Такой прием годится лишь для сравнения общей суммы получаемого дохода с тем доходом, какой помещик получил бы, если бы продал свое имение и занялся промышленностью. Но для определения в действительности нынешнего процента на земледельческий капитал сам по себе надо устранить из счета земельную ренту и соответственно цену земли.

Капиталистическая земельная рента измеряется у нас, как известно, подесятинной платой при долгосрочной аренде. Вычитая ее величину из чистого дохода с 1 десятины пашни помещичьего хозяйства, получим тот остаток дохода, какой представляет собою процент на вложенный в хозяйство производственный капитал. Цена же земли в капиталистическом хозяйстве представляет, как известно, лишь капитализированную земельную ренту, иначе сказать, такую сумму денег, с какой можно, положив, например, ее в банк и купив государственные процентные бумаги, получать такой же доход без всяких хлопот для владельца об устройстве на свои средства какого-нибудь предприятия.

Для Старобельского уезда по переписи 1904 г. имеются следующие данные для помещичьего капиталистического хозяйства:

стоимость десятины земли	122,0 руб.
постоянн. капитал на 1 дес. пашни	34,0 »
чистый доход на 1 дес. пашни	10,8 »
долгосрочная аренда за 1 дес.	5,4 »

Помещик считает, что он получил 10,8 руб. на принадлежащие ему 156 руб. (122 руб. цена земли плюс постоянного капитала на 34 р.), т.-е. 6,9%. В действительности же рента с земли, какую он может получить от капиталистического арендатора, не ведя сам хозяйства, составляет 5,4 руб. при цене земли в 122 руб., т.-е. 4,4%, что почти в точности соответствует четырехпроцентной ренте русских государственных займов.

Так и должно быть, понятно, раз капиталистическая цена десятины земли есть не что иное, как сумма денег, могущая при господ-

ствующем в стране рантьерском проценте дать равный земельной ренте с этой десятины доход. Потому что, продавая землю, капиталист ведь именно и продает право на получение этой ренты, значит и цена земли должна соответствовать величине ренты. А за вложенный в хозяйство капитал владелец, в случае продажи, возьмет, конечно, отдельно: за постройки, за скот, за устройство дорог и проведение каналов для орошения и за прочие траты постоянного капитала.

Постоянного капитала у старобельского помещика вложено в десятину, как указано, всего 34 руб. и на них он получил более 5 руб. доход, или 15%—это и есть в этом случае процент на земледельческий капитал в собственном смысле слова (без ренты). Произведя такой же расчет для Елисаветгр. уезда в период 1898—1905 гг., получим там земельную ренту в 3,7% (опять соответствует четырехпроцентной ренте государственных займов) и процент на земледельческий капитал в 13%—опять-таки выше среднего процента на капитал, вложенный в ткацкую и прядильную промышленность (текстильную).

2.

Посмотрим теперь изменения во времени. Как мы уже показывали, наступивший период высоких цен на хлеб хозяевам—крепким крестьянам и помещикам—принес увеличение экономической мощи, рост хозяйственной самостоятельности, словом—обогащение. Есть быстро растущие в последние годы провинциальные города, например, Симферополь, быстрая застройка которых объясняется прежде всего накоплением столь значительных средств у помещиков района, что каждый находит нужным и возможным воздвигнуть на всякий случай в своем губернском центре по дому чуть ли не для каждого члена семьи. Этот образчик свидетельствует, как разнообразно проявляется в общей жизни страны накопление средств в капиталистическом земледелии. Что же принесли высокие цены на хлеб сельскохозяйственным рабочим?

Промышленные рабочие заинтересованы в низких ценах на хлеб. Наоборот, крепкому и даже среднему крестьянину, хотя бы и трудовому, то-есть обрабатывающему землю без наемных рабочих, выгодны цены высокие. Причина ясна: городской рабочий—покупатель, крестьянин же продавец хлеба. Эта противоположность интересов, как известно, определенно сказывалась в европейских государствах, когда и рабочие, и крестьяне получали возможность участвовать с правом голоса в государственной жизни и пытались этой возможностью воспользоваться.

Спрашивается, на чью сторону должны стать сельскохозяйственные рабочие, нет ли у них оснований ждать для себя «великих и богатых

милостей» от высоких цен? Если имеющиеся по Елисаветградскому уезду за 12 лет данные разбить на трехлетие низких цен (1894—1896 гг.) и на девятилетие высоких (1897—1905 гг.), то получится следующее.

Прежде всего, конечно, увеличилась общая сумма вновь производимых в течение года ценностей (т.-е. сумма заработной платы рабочим и служащим и чистой прибыли хозяина, взятых вместе). Реально, т.-е. по покупной способности денег, она увеличилась на 20,2%. Но положение рабочих ухудшилось и абсолютно и относительно.

Относительно—потому что уменьшилась их доля в производимой ими ценности, увеличилась норма эксплоатации. В трехлетие низких цен доля хозяина составляла 54%, в девятилетие высоких—уже 67%. Норма эксплоатации, при низких ценах составлявшая 117%, достигла 203% при высоких, т.-е. эксплоатация наемного труда в капиталистическом земледелии усилилась на две трети.

Абсолютно положение рабочих ухудшилось—потому что понизилась их реальная заработная плата. По внешности, по количеству рублей, она осталась та же, но, благодаря повышению цен почти на все предметы потребления, покупная сила денег в России уменьшилась. Потому то же самое количество рублей, полученное рабочими в 1897—1905 гг., равнялось меньшему количеству их при покупной способности денег 1894—1896 годов. Если абсолютные величины 1894—1896 гг. (количество рублей) принять за 100% и привести все данные за 1897—1905 гг. к реальным величинам, то получается:

	Трехлетие 1894 — 1896 гг.	Девятилетие 1897 — 1905 гг.
Сумма новых ценностей	100%	120,2%
Чистая прибыль хозяина	100%	148,5%
Плата рабочим и служащим	100%	86,8%

Все увеличение суммы вновь производимых ценностей пошло, таким образом, в пользу помещиков, а рабочие потеряли реально даже часть того, что имели. Городской пролетарий не встретит в лице сельского рабочего горячего приверженца высоких цен: в обогащении земледелия, произведенном ими, земледельческий рабочий не участвовал вовсе.

Высокие цены на хлеб для земледельческого рабочего скрывают в себе две тенденции, два следствия. Одно—остается всегда в силе: это понижение реальной (действительной) цены денег. Другое—более сложного характера: это увеличение спроса на труд в капиталистическом земледелии и бо́льшая легкость добиться уступок от помещика с бо́льшим доходом, чем от помещика с меньшим доходом.

Но значение расширения капиталистического хозяйства парализовалось до некоторой степени расширением применения машин и переполнением рабочего рынка (в силу крушения продовольственного хозяйства мелких крестьян, шедших ввиду этого в рабочие).

Главное же, что не дает сел.-хоз. рабочим покрыть уменьшение цены денег большей объективной легкостью добиться повышения платы при высоких ценах на хлеб—это отсутствие организованной профессиональной борьбы, политические преследования.

Как показывает опыт 1905 г. и особенно 1906 г., когда экономическая борьба сельских рабочих фактически оказалась возможной,—одного этого фактора оказалось достаточно, чтобы восстановить равновесие. Урожай в 1904 г. и в 1905 г. был почти на 30% ниже среднего за 1893—1906 гг. И расход на рабочую силу на 1 десятину посевной площади в 1904 г. был на 15% ниже обычного. В 1905 г. урожай был еще немного ниже, но не только не упала еще ниже плата, как бывало обычно, но были возвращены эти 15% и еще превзойден средний уровень на 5%,—это был первый год стачечного движения сельских рабочих. В урожайном 1906 году, при наличности продолжавшегося движения, платы достигли небывалого в последнюю четверть столетия уровня. Так, например, во время жнива хлеба взрослый рабочий получал на хозяйских харчах в день (по земским сборникам соответственных лет) в Елисаветградском уезде (реальная плата), принимая сбор хлеба в 1883—1887 гг. за 100%:

Годы	Сбор хлеба с 1 дес.	Копеек в день	Копеек на 1% сбора
1883—1887	100,0	38,0	2,63
1890—1894	96,3	39,0	2,46
1895—1899	85,5	39,0	2,19
1900—1904	78,7	43,5	1,81
1905—1906	126,0	46,0	2,73

В последующие годы движение было подавлено силой, и многое из добытого отнято обратно. Но и этот короткий опыт достаточно засвидетельствовал, каких крупных результатов может быстро достичь у нас борьба земледельческих рабочих. Но даже и при внешних стеснениях, каково бы ни было их сопротивление, она все же войдет у нас поэтому уже неупразднимым фактором в сельскохозяйственную жизнь—тем скорее, чем более жизнь разрушает в сознании земледельческого рабочего мелкохозяйственные надежды и иллюзии. Запрещение стачек в промышленности в свое время ведь не сделало их невозможными. То же будет и в земледелии, и вместо прежних покорных рабов пролетарий города

встретит в сельском хозяйстве и будет приветствовать миллионную армию вступающих в борьбу братьев.

С ростом капиталистического (помещичьего и крупнокрестьянского) хозяйства происходит не только рост числа наемных земледельческих рабочих. Происходит еще большее их социальное обособление от других слоев деревни и перелом их психики. Вернее—создание ее впервые как пролетарской (теряется надежда на самостоятельное крестьянствование). Это обещает, как сказано, усилить их движение именно как рабочих.

Но бо́льшая медленность оборота капитала в земледелии (значение которой указано выше), бо́льшая трудность рабочей борьбы в нем с очевидностью научат их, что серьезное улучшение их положения немыслимо при производстве, имеющем целью обеспечить помещику-капиталисту обычный в стране доход на капитал. В этом залог того, что, несмотря на разрозненность и раздробленность, пролетариям пашни нетрудно будет понять, что единственный выход для них—общественное хозяйство, рассчитанное не на «средний доход», а на обеспечивающее воспроизводство потребление.

ВОПРОСУ О РОЛИ КООПЕРАЦИИ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ.

1.

Развитие кооперации в деревне принадлежит к числу тех немногих «отрадных явлений», которым единодушно умиляется вся либеральная печать. И не только либеральная,—всем известны народнические расчеты на этот счет [1]).

Особенно повезло кредитной кооперации, да и значение ее в русских условиях, действительно, крупнейшее. Дело идет не о простом освобождении от власти ростовщика, но об организации доступного земледельцам производительного кредита, т.-е. такого кредита, который давал бы средства для улучшения производства, для поднятия технического, вообще, агрономического уровня сельского хозяйства. А эта проблема — поднятие земледелия — и представляет собою сейчас центральную проблему русской экономической действительности.

Вопрос о роли кредитной кооперации, таким образом, прежде всего есть вопрос о том, каким слоям крестьянского населения удастся перестраивать свое хозяйство на лучший лад, какие слои оказываются достаточно мощными и жизнеспособными, чтобы итти вперед и тем самым избавиться от вечных дефицитов и грозящего краха. А куда итти—места достаточно, низкая урожайность и первобытность крестьянского земледелия общеизвестны.

Кредитная кооперация должна доставлять средства малоимущим и этим уравнять их шансы в рыночной борьбе с более зажиточными слоями,—вот что приходится слышать сплошь и рядом. Упрочение положения мелких хозяйств, уменьшение расстояния между ними и крупными, своего рода нивелировка, как следствие развития кредитной кооперации,—вот один из символов народнической веры. С этой точки зрения стремительный рост кредитной кооперации за последние годы следовало бы объяснять повысившейся после 1905 г. сознательностью рядового мелкого крестьянства, энергично взявшегося за дело.

---

[1]) Напечатано в 1910 г. (Примечание 1925 г.)

Кредитная кооперация существует у нас теперь (1910 г.) в форме или кредитных или сословных или ссудо-сберегательных товариществ. Из кредитных товариществ лишь немногие находятся в городах. Зато часть ссудо-сберегательных—в деревнях. Всех ссудо-сберегательных товариществ на 1 января 1909 г. было 1.616. Сословных (крест.) товариществ было 4.512; деятельность большей части их давно замерла, лишь из года в год по книгам переписываются ссуды. Организацией действительного производительного кредита в деревне являются, по общему признанию, лишь «кредитные товарищества», к которым и относятся дальнейшие сведения.

Развитие кредитных товариществ по официальным данным представляется в следующем виде (не считая ссудо-сберег. и сословн. т-в.):

	На 1 янв. 1905 г.	На 1 окт. 1907 г.	На 1 окт. 1909 г.
Число кредитн. тов.	536,0	1.746	3.361,0
В них членов (в тыс.)	181,3	743,4	1.634,0
Выдано ссуд (в милл. руб.) . .	4,8	19,3	43,8

В настоящий момент (август 1910 г.) число членов доходит, несомненно, уже не менее чем до 2 миллионов, или около 15% всех крестьянских дворов, имеющихся в наличности в 1910 г., считая в том числе и казаков, и башкир, и колонистов и т. п. сельские сословия (из каждого двора по закону может участвовать в кредитном товариществе лишь одно лицо: домохозяин или его заместитель). И правительство спешит оказать им содействие: на 1 октября 1909 г. в составе средств кредитных товариществ ссуды из Государственного Банка составляли менее 17 миллионов руб., а принятым в июне 1910 г. Госуд. Думой законом отпускается из средств Госуд. Банка для ссуд кредитным кооперациям еще 20 миллионов руб. сразу и затем по нескольку миллионов рублей ежегодно в течение 10 лет. Уж не увлеклось ли наше правительство народническими мечтаниями о кооперации? Не забыло ли оно свой основной лозунг—«ставка на сильных»—и не затеяло ли поддерживать кредитной кооперацией слабых?

Нет, русское правительство лучше народников понимает объективное значение организации производительного кредита в деревне при нынешних хозяйственных условиях. По старому отзыву Лассаля «люди власти» оказываются здесь прежде всего «людьми дела», оставляя прекраснодушные мечтания в удел более наивным из друзей народа, не отказываясь кстати при случае использовать и их прекраснодушие для создания некоторого ореола вокруг своей деятельности, как бы мало по существу он ей ни соответствовал. Так, недавно (март 1910 г.) на харьковском съезде кредитной кооперации помощник начальника Гл. Упр.

по делам мелкого кредита Беретти обрушился на проф. В. Левитского (не смешивать с организатором артелей Н. Левитским), назвавшего кредитные кооперативы капиталистическими учреждениями. С высоты своего официального величия Беретти призывал к борьбе с засильем «биржи и капитала» при помощи кооперации (см. протоколы),— а в первом же параграфе закона о кредитной кооперации, между прочим, значится, что членами ее могут быть только хозяева, но никак не рабочие.

Сведения о социальном строении сельской кооперации недвусмысленно говорят, что рассматривать ее как оплот против надвигающегося капитала со стороны мелкого крестьянства совершенно не приходится. Ни об одной губернии нет противоречащих этому заключению данных. Поскольку имеются данные, они гласят другое: наши кредитные кооперации—орудие, при помощи которого верхние слои крестьян еще увеличивают расстояние, отделяющее их от рядовых сельчан. Поэтому и оказывает им такую деятельную поддержку правительственная власть. Приведем примеры.

К 1 января 1908 г. в кредитных товариществах Уфимской губ. (данные из «Земск. календаря Уфимской губ. на 1909 г.») участвовало уже 115 тысяч дворов из общего числа в 416 тысяч крестьянских дворов в губернии, т.-е. четвертая часть. Из числа членов кооперации лишь 1,4% не ведут сельского хозяйства. Если сравнить распределение всех крестьянских дворов в губернии по числу рабочих лошадей в 1908 г. и распределение по числу лошадей членов кооперации, ведущих сельское хозяйство, то получится (в %%):

	Все дворы губернии	Члены кооперации
Безлошадные	17,7	3,0
с 1 лошадью	37,5	25,4
» 2 лошадьми	24,2	30,3
» 3 и более лошадьми . .	20,6	40,0
	100%	98,7%

К низшим слоям (не свыше 1 лош.), т.-е. к мелкому крестьянству, принадлежит большая половина уфимского крестьянства (55,2%), а в кредитные товарищества входит их вдвое меньше, чем следует по численности их в деревне,—всего 28,4%. Наоборот, к высшему слою—к более крупному крестьянству—относится всего пятая часть всех дворов, а в кооперации их входит 40%, т.-е. вдвое больше, чем следует по пропорции. Иначе сказать, из всех мелких хозяйств благами кредитной кооперации пользуются лишь 15%, т.-е. сравнительно незначительная часть, из средних (2-лошадные)—35%, а из крупнокрестьянских хозяйств—55%, больше половины.

Уже одного этого сопоставления довольно, чтобы пролить достаточный свет на вопрос, кому и чему служат кредитные кооперации в деревне. Но этого мало: наиболее подробно разработанные данные по Оренбургской губ. (по сведениям Гл. Упр. по делам мелк. кредита) позволяют сделать еще шаг во вскрытии внутренней структуры деятельности кредитных кооперацій, оттенить еще ярче получающуюся картину.

К 1 января 1909 г. в Оренбургской губ. была уже целая сеть кредитных кооперацій, члены которых почти сплошь крестьяне. Из 15.360 членов вело сельское хозяйство 15.200 чел., что составляет 9% ко всем дворам Оренбургской губ., учтенным военно-конской переписью 1905 г.,—отношение более близкое к среднему по России, чем в Уфимской губ., более чем вдвое дальше ушедшей в этом деле. Если сначала сопоставить распределение дворов по числу лошадей, среди всех крестьян Оренбург. губ. и среди членов кредит. кооперативов в ней, то получатся результаты, подобные уфимским (в %%):

	Среди всех крестьян	Среди членов кооперации
Безлошадные	13,6	0,38
с 1 лошадью	27,6	13,67
» 2 лошадьми	24,1	28,92
» 3 » и больше	34,7	57,03

И здесь, чем крупнее хозяйства, тем непропорционально выше участие их в кооперации. Но этим дело не ограничивается,—внутри кооперации непропорциональность еще увеличивается: чем крупнее хозяйство, тем большую долю кооперативных средств притягивает оно к себе в виде ссуды. На 1 мелкокрестьянское хозяйство (до 1 лош.), входящее в кооперацию, приходится 29 руб. ссуды; на 1 среднее (с 2 лош.) — уже 34 руб. и на 1 крупнокрестьянское хозяйство (3 и более лош.)—целых 54,4 руб. Такой характер распределения ссуд внутри товариществ,—общий для всего государства,—объясняется не только численным преобладанием в них высших групп, но и большей кредитоспособностью верхнего слоя крестьян. А это еще более сосредоточивает в руках верхнего слоя все привлекаемые кооперациями средства. Для Оренбургской губ., если сравнить по группам распределение числа всех дворов в губернии, и всей суммы ссуд, выданных кредитными товариществами, получится (в %%):

	Все дворы губернии	Вся суммма кредита
Безлошадные и однолош.	41,2	11,4
с 2 лошадьми	24,1	19,6
» 3 » и больше	34,7	69,0
	100%	100%

Неравномерность пользования кредитом бросается в глаза. Кредитные кооперации в деревне являются типичными учреждениями для снабжения средствами более «крепких» слоев крестьянства, перестраивающих свое хозяйство на «современный» лад,—мелким же и средним крестьянам достаются лишь крохи из всей этой кредитной благодати, не имеющие к тому же серьезного значения ввиду громадной численности низших разрядов крестьян.

Иначе и быть не может при данных условиях: чтобы улучшить хозяйство, надо иметь что улучшать, и надо находиться в состоянии известного хозяйственного равновесия, иначе полученная ссуда уйдет на личное потребление и т. п., а не на хозяйственные нужды. При данных условиях насаждение кредитной кооперации служит лишь орудием для поддержки хозяйств мелкокапиталистического типа, и рост кооперации—знамение их роста.

Без наличности кооперации и мелкое и более крупное крестьянские хозяйства предоставлены в этом отношении самим себе. При помощи же кооперации в более крупные хозяйства вливаются те средства для их дальнейшего улучшения, которых попрежнему остаются почти лишенными более мелкие дворы, т.-е. подавляющая часть русского крестьянства. Тем самым условия развития и выживания изменяются, понятно, в пользу более достаточных крестьян и в ущерб малоимущим их слоям. Например, для Оренбургской губ., если разложить всю сумму ссуд, полученных каждой группой, между всеми мелкими, средними и крупными хозяйствами, имеющимися в губернии, то на каждый рубль, который приходится на одно мелкое хозяйство, каждое крупное получает по восьми рублей.

Тем самым,—вместо народнических надежд на уравнение,—еще более увеличивается расстояние между этими слоями крестьянства, все обостряется и ускоряется процесс выделения и укрепления подымающегося мелкобуржуазного слоя деревни в противоположность падающим хозяйствам более многочисленных, низших по зажиточности слоев. В служении этому процессу и заключается объективное значение кредитной кооперации в русской деревне.

Поэтому и развивается она энергичнее всего в районах капиталистического земледелия [1]), поэтому и пишет исследователь пермской кооперации Бобылев: «деятельность их ограничена известным кру-

---

[1]) Сословные сельские учреждения мелкого кредита также 65% всех средств сосредоточили в 12 губерниях степного юга Европ. России и лишь 35% — во всем остальном государстве.

гом своих членов, по преимуществу лиц состоятельных, и для большинства домохозяев того общества, где оперирует товарищество, недоступна» («Земство и кооперация», стр. 42). «Бедные мужики были против»,—слышим мы на уфимском съезде из уст представителя байкинского кред. товарищества («Протоколы II съезда кред. кооп.», стр. 137). Впрочем, «бедных мужиков» всюду стараются уверить, что им следует возложить свои надежды именно на кооперацию. А пока столыпинские излюбленники снимают сливки путем окруженной народническим ореолом «организации народного кредита».

2.

Так обстоит дело с кредитной кооперацией. Другая отрасль, окутанная тем же народнически-либеральным флером,—кооперация переработочная,—наибольшее распространение получила у нас в Западной Сибири в виде маслодельных артельных заводов, не давая себя пока особенно заметно знать в других отраслях. Поэтому и обратимся к Сибири, пользуясь недавно вышедшей книгой народнически настроенного Макарова «Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири» (М. 1910 г.).

В 1908 г. в Тобольской губ. было всего 1.041 маслодельный завод и из них 611 кооперативных (60%). В Томской губ. из 1.844 всех заводов было 497 кооперативных (28,8%)—распространение кооперации очень широкое. Еще больше роль кооперации по количеству изготовляемого масла. Кто является ее участником?

Среднее количество коров на 1 двор у западно-сибирских крестьян вообще менее 4-х. Между тем среднее число коров у членов той 271 маслодельной кооперации с 52 тыс. членов, о которых, как о входящих в их областную «Организацию», есть у Макарова подробные сведения, составляет целых 7,3 на 1 двор,—почти вдвое больше (в 1907 г.). Если разделить членов всех этих кооперацій на 3 группы по зажиточности: мелкие и средние (имеющие не свыше 4 коров), крупные (от 5 до 8 коров) и очень крупные (свыше 8 коров) и сравнить распределение их и принадлежащих им коров, то получится в %%:

	Члены кооп. заводов	У них коров
Имеющие 1—4 коровы	56,7	29,4
» 5—8 коров	25,0	28,3
» 9 и свыше коров	18,3	42,3
	100%	100%

Иначе сказать, рядовому крестьянству, составляющему подавляющую часть деревенского населения вообще и дающему бо́льшую половину членов кооперации,—принадлежит всего четвертая часть коров, работающих на кооперативные заводы. Согласно с этим, данные по Барнаульской волости показывают, что в то время как из всех хозяйств, засевающих до 2 десятин, сдает молоко в кооперацию лишь третья часть,—из всех дворов, засевающих 10 и более десятин, сдает молоко на кооперативные заводы больше девяти десятых. В то время как в первой группе наемный труд почти совершенно не применяется,—во второй прибегают к наемному труду почти 40% всех дворов, которые и являются типичными крупнокрестьянскими хозяйствами предпринимательского типа.

Таким образом, и с переработочной кооперацией дело обстоит не лучше, чем с кредитной. Она быстро растет, она процветает, она на каждый пуд переработанного в масло молока доставляет своим членам 50 копеек чистого дохода, пудов же этих в общем миллионы. Такого дохода никогда бы не дало крестьянам маслоделие без кооперации (большая часть его оставалась бы в руках владельцев частных заводов и торговых посредников). Но все это процветание, весь рост, все увеличение доходности идет прямо и непосредственно на усиление хозяйственной мощи не особенно многочисленного, но экономически крепнущего верхнего слоя деревни. Рядовая же масса не могла бы с ним сравняться, если бы даже поголовно вошла в кооперации. Потому что бо́льшая численность коров всегда обеспечивает верхнему слою большее накопление добавочных полтинников дохода, и этим путем уровень их зажиточности все более повышается над средним уровнем остальной массы.

И кредитная и переработочная кооперация в сельском хозяйстве России являются, следовательно, орудием капиталистического прогресса, символом растущей капитализации деревни,—и быстротой их роста можно измерять глубину захвата этого последнего процесса. В этом смысле развитие кредитной и переработочной кооперации представляется при данных условиях понятным и неизбежным. Но ясно, что нечего «приходить в умиление» от него сторонникам и участникам рабочего дела, как это делают некоторые, увлеченные «симпатичным» названием.

Проф. Анцыферов в своей известной книге (стр. 470) сообщает, что на севере Франции члены маслодельных кооперации выручают на каждой корове тридцать процентов в год чистого дохода на весь затраченный капитал (считая погашение коровы, аренду земли, рабочие руки и все прочее). И кооператоры гордятся этими 30%. Но

с кого они получают этот ростовщический доход, превышающий все заветные мечтания почти любого крупного капиталиста? С городского, с промышленного населения. Слишком часто забывают об этом те, кто призывает теперь деятелей рабочего движения только кооперировать отдельные хозяйственные функции крестьянского двора (сбыт, переработку, хозяйственные закупки), оставляя в тени стремление к замене частно-товарного производства производством общественным и объединенным.

Совершенно другой и более правильной дорогой идут рабочие Англии. Организованные ими в городах и при промышленных заведениях потребительные общества покупают или арендуют землю. Затем само городское рабочее потребительское общество организует на этой земле производство молока, масла и пр. для своих членов, и пресловутые 30% остаются в кармане рабочего, а не переплачиваются «крупному крестьянину» мелкокапиталистического типа, органом которого сейчас прежде всего и служит у нас в России деревенская кооперация [1]).

---

[1]) Настоящая статья напечатана в № 2 журнала «Жизнь» от 20 сентября 1910 г. т.-е. еще при дооктябрьских условиях. Теперь наличность в стране пролетарской диктатуры меняет, понятно, всю постановку вопроса о роли кооперации. Впрочем, «кулацкая опасность», т.-е. попытки эксплоататорских элементов захватить кооперативы в свои руки, может встречаться в ряде случаев и сейчас. (Примечание 1925 г.)

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ И РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА.

1.

При развивавшихся уже нами взглядах понятна важность установления на фактах несомненности развития капиталистического хозяйства в русском земледелии в последние десятилетия. Если от крупного капиталистического хозяйства (ведшегося наемными рабочими и не сдававшегося в аренду крестьянам) раньше наживался только его хозяин, то в случае коренных политических изменений такое хозяйство перейдет в собственность всего народа. Управлять им будут всенародные выборные на общую пользу. Но самый вопрос—стоит ли народу сохранять это хозяйство в крупном виде во всенародном обладании или лучше разбить на кучу новых мелких самостоятельных крестьянских хозяйств,—это зависит от жизненности крупного хозяйства в русском земледелии в наших условиях. О жизненности крупного хозяйства мы можем судить, между прочим, по судьбе его в России в последние десятилетия.

В качестве одного из решающих доводов против развития в русском земледелии капиталистического хозяйства народники обычно приводят сведения о мобилизации земли, в частности о систематическом уменьшении площади дворянских владений в России. Больше того: за отсутствием прямых массовых данных о распространенности капиталистического земледелия за последнее полустолетие—сведения о передвижении земельной собственности из рук в руки являются чуть ли не единственным охватывающим всю Европ. Россию материалом, на основании которого заверяют в неуклонном разрушении и застое русского аграрного капитализма (являющегося формой крупного хозяйства в земледелии в нынешних условиях).

У крупных владельцев становится все меньше земли, говорят нам, все большая доля русской земли переходит в руки мелких хозяев. «Значит», и крупное хозяйство скорее всего падает, а не растет, значит, наверное уже не увеличивается капиталистический характер земледелия.

Эта ссылка на уменьшение дворянских и вообще крупных владений, как довод против крупного хозяйства в земледелии, повторяется решительно во всех вышедших после 1905 г. работах.

В 1905 г. официально была собрана полная «статистика землевладения в Европ. России», а последняя такая перед ней была произведена на целых 28 лет раньше—в 1877 г. Действительно, если сравнить статистики 1877 и 1905 гг., то окажется, что из 100 приблизительно миллионов десятин земли всех частных владельцев (вся Европ. Россия без Донской области) принадлежало дворянам:

В 1877 г.	73.077 тыс. дес.
» 1905 »	52.164 » »

Значит, за 28 лет дворяне потеряли 21 милл. дес., или почти четверть своей земли. А к началу 1909 г. у дворян в этих 49 губерниях оставалось уже всего 49.361 тыс. дес. [1]). Потерять почти треть своей земли в течение жизни одного поколения—может ли быть большим банкротство крупновладельческого хозяйства? И при этом еще потери дворян ускоряются, можно сказать, с каждым годом. Так, средняя ежегодная потеря дворян в тысячах десятин составляла в Европ. России, в 44 дворянских губерниях [2]):

В 20-летие	1863—1882 гг.	699	тыс дес.
» 15	»	1883—1897 »	818	» »
» 6	»	1898—1903 »	923	» »
» 4	»	1905—1908 »	952	» »

Впечатление получается от всего этого на первый взгляд решающее, непреоборимое—«сплошное мельчание», ускоряющееся исчезновение крупной собственности... И это впечатление так импонирует, что даже непредубежденный исследователь склонен остановиться перед такой картиной, удовлетвориться ею и счесть анализ законченным там, где он, как увидим, только должен был бы начаться.

Рассматривая данные о мобилизации земли не изолированно, а в связи с имеющимися вообще сведениями о внутреннем движении в русском земледелии за последние годы, я увидел взаимную несогласованность и логическую противоречивость этих двух рядов данных. Ближайшее рассмотрение показало, что обычное трактование вопроса о мобилизации земли нуждается в серьезных поправках.

Начиная с менее сложного, надо сказать, что, во-первых, значительная часть земли крупных и средних помещиков переменила только

---

1) Сводка Центр. Стат. Ком. См. № 10 «Южн.-Русск. Сел.-Хоз. Газ.» за 1910 г.

2) См. «Вестник Финансов» № 17 за 1910 г.

сословие своих владельцев, но не перестала принадлежать крупным и средним помещикам. Иначе сказать, помещики-дворяне продали землю помещикам других сословий, но не мелким владельцам. Если сравнить распределение земли частных владельцев, средних и крупных вместе, без различия сословий, а не одних только дворян,—то окажется, что у всех лиц, имевших каждый более 50 десятин, было всего земли:

В 1887 г.	87.087 тыс. дес.
» 1905 »	77.272 » »

Потеря помещичьего землевладения составляет, таким образом, за это время уже не 21 милл. дес. из 73 милл., а только 9,8 милл. дес. из 87 милл., т.-е. не 24%, а только около 11,5%. Остальные 11 милл. десятин вовсе не потеряны для помещичьего землевладения.

Но зато, могут заметить, эта потеря приходится как раз на самые крупные владения, где всего легче было бы завести крупное капиталистическое хозяйство с наемными рабочими! В самом деле, при сравнении статистик 1877 и 1905 гг. получается, что всего было тысяч десятин у частных владельцев:

	В 1877 г.	В 1905 г.	Плюс или минус
Имеющих от 50 до 200 д.	5.704	7.226	+ 1.522
» » 200 » 1.000 »	17.146	18.647	+ 1.501
» свыше 1.000 »	64.237	51.399	— 12.838
	87,087	77.272	— 9.815

Выходит, что средние владения даже возросли несколько, а вся потеря падает исключительно на имения свыше 1.000 десятин. В чем же дело? Прежде всего—в 1877 г. подсчитывались владельцы, а в 1905 г. владения. Если один помещик имеет землю в нескольких местах уезда, то в 1877 г. число десятин всех участков складывалось и записывалось в общем сколько у него земли. А в 1905 г. для быстроты собирания сведений этого не делалось, каждый участок записывался отдельно, как бы принадлежащий новому владельцу, хотя бы целый десяток принадлежал одному человеку. Но богатые многоземельные помещики имеют обычно не только несколько имений в разных губерниях и уездах, но ряд участков в одном уезде. Потому такими приемами подсчета площадь крупного землевладения в 1905 г. очень значительно уменьшена против действительности и против того, что получилось бы при поуездном подсчете, примененном в 1877 г. Сравнивать статистики 1877 и 1905 гг. нельзя, следовательно, без соответственной поправки, и у нас есть возможность показать на примере, как велики размеры этого искусственного уменьшения и как обстоит

дело в действительности с почти тринадцатью миллионами десятин, будто бы потерянных крупным землевладением, т.-е. владениями свыше 1 тыс. дес.

Именно, в Киевской губ. как раз в том же 1905 г. произведена перепись частного землевладения и земством, при чем подсчитывались уже не отдельные участки, а, как и в 1877 г.,—владельцы поуездно, то-есть каждый помещик считался действительно одним помещиком, а не пятью, хотя бы он имел землю в пяти местах уезда. При этом обе переписи, и правительственная и земская, произведены по одним и тем же материалам—по окладным книгам по взиманию поземельного налога; разница только в группировке. Если сравнить просто правительственную статистику 1877 г. с правительственной же статистикой 1905 г., как обычно делают за неимением других данных, то и для Киевской губернии получится знакомая картина чрезвычайного роста площади мелких и средних владений, до 1 тысячи десятин в каждом, и чрезвычайного падения доли крупных землевладельцев:

	1877 г.	1905 г.	Плюс или минус
До 1 тыс дес. .	434,4 тыс. дес.	662,1 тыс. дес.	+227,7 тыс. дес.
1—5 » » . .	776,5 » »	766,5 » »	— 10,0 » »
Свыше 5 » » .	765,1 » »	370,4 » »	—394,7 » »
	1.976,0 тыс. дес.	1.799,0 тыс. дес.	—177,0 тыс. дес.

Общая потеря частного землевладения в Киевской губ. составляет таким образом около 9%, приблизительно как по всей России. И при этом передвижение земли внутри самого частного землевладения находится в полном согласии с общерусской тенденцией, устанавливаемой обычно подобным сравнением, она здесь даже еще более ярко выражена: площадь мелких и средних владений увеличилась более чем на 50%, а площадь самых крупных, наоборот, уменьшилась более чем на 50%. Словом, все в обычном порядке. Беда лишь, что сам «порядок» основан на сравнении неоднородных величин 1877 и 1905 гг., на сравнении людей с десятинами, владельцев с владениями. Если же вместо кажущегося распределения по правительственной статистике 1905 г. взять действительное распределение земли по владельцам по земской статистике 1905 г. и сравнить их, то окажется следующая разница между видимостью и действительностью:

	Видимость (правит.)	Действительность (земск.)
До 1 тыс. дес.	662,1 тыс. дес.	481,4 тыс. дес.
1—2 » »	460,2 » »	263,5 » »
2—5 » »	306,3 » »	363,7 » »
Свыше 5 тыс. дес.	370,7 » »	688,9 » »

Следовательно, и гигантское сокращение самого крупного землевладения и гигантский рост мелкого и среднего оказываются одинаково мифом, не существующим. Если всю площадь частного землевладения приравнять 100% и для 1877 г. и для обеих статистик 1905 г., то распределение ее в %% между разными разрядами владельцев в Киевской губ. будет следующее:

У имеющих	1877 г.	1905 г. (земская)	1905 г. (правит.)
Менее 1 тыс. дес.	22,0	26,0	36,8
От 1—5 » »	39,3	35,2	42,7
Свыше 5 » »	38,7	38,8	20,5

Иначе сказать, самое крупное землевладение на деле (земская статистика) в полной мере сохранило свои позиции внутри частного землевладения, уменьшение же его по Киевской губ. чуть не вдвое, обычно «констатируемое», относится всецело насчет обычного же неправильного сравнения несравнимых данных: людей с десятинами. Таким образом и по всей России все кажущееся уменьшение крупного землевладения за 28 лет (1877—1905) сведется, можно думать, к гораздо меньшей цифре, едва составляя несколько %% к площади всего частного землевладения вообще.

Не лучше обстоит дело и с «сплошным мельчанием» крупного землевладения в России. Фортунатова, в своей работе, посвященной этому вопросу [1]), принимает во внимание 46 губерний Европейской России, по которым есть сравнимые данные 1877 и 1905 гг. (вся Евр. Россия, кроме Пензен., Лифл., Донск. и Астрах. губ.). На этот раз сравниваются уже правильно владения с владениями, но при этом вся площадь дворянских земель делится на все число дворян-владельцев, и таким образом получается «сплошное мельчание». На деле же, даже из официальных таблиц, перепечатанных в приложении к работе Фортунатовой, нетрудно заметить, что Россия неоднородна в этом отношении, и что неоднородность эта, как увидим ниже, очень знаменательна. В одной губернии (Минской) даже самая площадь дворянских земель увеличилась за этот период, так что никак нельзя говорить об уничтожении здесь крупной земельной собственности. Затем в 15 других губерниях (Виленск., Витебск., Ковенск., Курлянд., Эстлянд., Псков., Олонецк., Ярослав., Владим., Вятск., Перм., Оренб., Курск., Харьк., Волын.) средний размер дворянских имений увеличился, так что и здесь говорить о «мельчании» владений опять-таки никак не приходится. Между тем как раз в указанных

[1]) В сборнике «Борьба за землю», т. I, 1909 г.

16 губерниях находилось в 1905 году 22.923 тыс. дес. дворянской земли или почти половина (46%) всей ее в 46 губерниях, с которыми имела дело Фортунатова (а с Полтав. губ., где средний размер дворянских имений с 1894 по 1905 г. также увеличился, даже 48,2%, а Полтавская губерния еще не единственная, где средний размер, уменьшавшийся до середины 90-х годов, стал затем увеличиваться).

Таким образом вместо «сплошного мельчания» оказывается, что на целой половине дворянской площади имеет место, наоборот, рост. У купцов также в 15 губ. средний размер владений увеличился, у мещан он увеличился даже в 20 губерниях.

Притом надо заметить, что самое «мельчание» даже там, где оно действительно установлено, может оказаться лишь кажущимся. Например, размер крупных имений не уменьшился, а средние и мелкие раздробились на еще более мелкие,—в «среднем» и получится мельчание, отнюдь не обозначающее однако мельчания крупной собственности. Решающее значение имеет не сравнение «среднего размера всех владений вместе» по периодам,—оно ничего не доказывает,—а только сравнение размеров владений и распределение земли по отдельным разрядам владельцев. Так, согласно «Полтавскому зем. календ. на 1909 г.» средний размер всех владений всех непривилегированных сословий уменьшился в Полтав. губ. с 1882—1886 гг. к 1900 г. с 5,4 дес. до 5,1 дес., а средний размер той их части, в какой на владельца приходится более 50 дес.—за то же время повысился с 88 дес. до 99 дес. (и относительная величина площади их в общей площади владений поднялась наполовину).

Но все-таки кое-где происходит же, несомненно, действительное мельчание среднего размера крупных владений? И часть земель крупным землевладением, пусть не 30%, а много меньше, но все же, вероятно, потеряна? Так не следует ли эту хотя бы частичную потерю считать признаком отступления капиталистического хозяйства в земледелии (имея в виду помещичье с наемными рабочими) или хотя бы его застоя? Нет, есть возможность точно показать, что даже там, где помещичье землевладение действительно несколько сокращается, это еще вовсе не означает сокращения площади капиталистического хозяйства в земледелии,—и не только показать, но и понять действительную связь явлений. Язык цифр редко бывает более громким. Можно показать это на примере Полтавской губернии, по нескольким уездам которой имеется подробное статистическое обследование специально помещичьего хозяйства в 80-х годах, и затем повторение его в 1900 г. Совпадение типичности данных о мобилизации земли в этой

губернии и наличности нужных сведений представляется единственным в России, ибо тридцать лет назад земства занимались специальными обследованиями помещичьего хозяйства лишь в исключительных случаях.

В Полтавской губ. налицо имеется, во-первых, уменьшение среднего размера дворянских владений за 1878—1905 гг. на целую четверть. Во-вторых, что еще важнее,—действительное уменьшение площади дворянского землевладения, притом очень значительное, не уступающее среднему по России. В-третьих, уменьшение дворянского землевладения идет здесь действительно все более быстрым темпом, ускоряясь с самого освобождения крестьян. По девятилетиям дворяне потеряли в Полтав. губ.: в 1863—1871 гг.—92 тыс. дес., в 1872—1880 гг.—112 тыс. дес., в 1881—1889 гг.—178 тыс. дес., в 1890—1898 гг.—181 тыс. дес. За это последнее девятилетие ежегодная потеря составляет 20 тыс. дес., а за следующее семилетие 1899—1905 гг. она превышает уже 26 тыс. дес. В-четвертых, это губерния крайнего крестьянского малоземелья (значительно ниже среднего по России уровня), с напряженной, следовательно, конкуренцией крестьянской аренды и с большим желанием крестьян покупать землю—все условия, долженствующие вести к разложению аграрного капитализма в современной России. В-пятых, эта губерния не только не относится к наиболее экстенсивным (что видно и из распределения посевной площади между разными культурами), но наоборот—здесь одно из наиболее плотных населений во всей России—76 человек на 1 квадратную версту к 1 января 1907 г., а во всей Европ. России в 47 губерниях—только 34,8 чел. (без трех губерний с весьма редким населением—Арханг., Вологод., Олонец.). Между тем очень распространен взгляд, что только в более экстенсивных районах с редким населением помещичье хозяйство может поддерживать еще свое существование—разумеется, только до уплотнения и в этих местах населения и соответственной интенсификации хозяйства. Таким образом Полтавская губерния, с точки зрения обычных, особенно народнических, исследователей мобилизации земли, должна быть признана решительно неблагоприятной развитию помещичьего хозяйства за свой счет,—и потому сведения об уменьшении здесь площади дворянского землевладения без колебания, как и всюду, приравнивались народниками доказательству крушения капиталистического хозяйства в земледелии. Больше того: не везде так уменьшилось действительно крупное землевладение, не везде так малы крестьянские наделы и т. п., а потому для проверки пригодности обычного народнического истолкования смысла данных о мобилизации земли Полтавская губерния является особенно благоприятной.

Данные о капиталистическом хозяйстве в частновладельческих имениях, т.-е. о той части помещичьей пахоти, которая не сдавалась в аренду, а обрабатывалась помещиками за свой счет путем найма рабочих, собраны были в 1885 г. по Золотоношскому и Кременчугскому уездам, в 1884—по Миргородскому и в 1883—по Лубенскому. Принимая во внимание всех лиц привилегированных сословий, имевших в 80-х годах в этих уездах в собственности более 50 десятин пахоти, можно сравнить эти данные со сведениями о лицах, имевших более 50 десятин посева в 1900 г. (год повторной переписи). В состав привилегированных кроме дворян входят еще купцы с почетными гражданами и духовные, владеющие приблизительно $^1/_9$ всей площади частного землевладения, что, как видно из детальных данных, не меняет характера мобилизации и т. п. Если бы для 1900 г. можно было взять всех имеющих свыше 50 дес. пахоти, как для 80-х годов, а не только посева, то площадь капиталистического хозяйства в 1900 г. получилась бы больше, чем по имеющимся данным, так как теперь остается незасчитанной пахоть тех, кто имеет более 50 дес. пахоти, но менее 50 дес. посева (50 дес. посева соответствуют около 75 дес. пахоти). Но это искусственное преуменьшение капиталистической площади 1900 года не должно быть значительно. Наоборот, в 1883—1885 годах относительное значение капиталистической площади было еще менее, чем показывают имеющиеся данные, так как тогда вовсе не попали в регистрацию некоторые имения, совсем не ведущие собственного хозяйства наемными рабочими, а всецело сдающие свою пахоть в аренду крестьянам. В обоих случаях — и у имевших более 50 дес. пахоти в 80-х годах и у имевших более 50 дес. посева в 1900 г.— учитывается пахоть, а не посев. При сравнении обеих регистраций получаются следующие таблицы. Всего зарегистрировано было пахоти у всех привилегированных, имеющих свыше 50 дес. (в тысячах десятин):

	1883—1885 гг.	1900 г.	Плюс или минус
Золотоношского уезда . . .	76,8	45,5	— 31,3
Кременчугского » . . .	63,2	49,2	— 14,0
Миргородского » . . .	27,8	30,4	+ 2,6
Лубенского » . . .	41,6	26,3	— 15,3
Все 4 уезда	209,4	151,4	— 58,0

Помещичьи владения сильно сократились за эти 15 лет, часть пахоти распродана, очевидно, крестьянам. Но как обстоит дело с собственным хозяйством помещиков на их пахотной земле? Обрабатывалось помещиками капиталистически, путем найма рабочих, тысяч десятин пахоти:

	1883—1885 гг	1900 г.	Плюс или минус
Золотоношского уезда . .	25,4	37,0	+ 11,6
Кременчугского » . .	24,4	31,3	+ 6,9
Миргородского » . .	13,8	23,6	+ 9,8
Лубенского » . .	22,3	20,9	— 1,4
Все 4 уезда	85.9	112,8	+ 26,9

Таким образом, хотя пахоть помещичьих владений уменьшилась на целых 27,6% — хозяйство крупное очень значительно увеличилось — на 31,4%. Раньше капиталистическое хозяйство захватывало во всяком случае меньше 40% всей помещичьей пахоти этих уездов Полтавской губ. Теперь оно овладело во всяком случае более чем 75% ее площади,— настолько изменился за 15—16 лет самый тип помещичьего имения. Очевидно, в то время как одни помещики продавали свои земли, другие, наоборот, расширяли свою капиталистическую запашку.

Соотношение мобилизации земли, передвижения ее из рук в руки и развития хозяйства оказывается таким образом более сложным процессом, чем могло показаться на первый взгляд. И уменьшение площади дворянских владений прекрасно может уживаться и уживается на деле с одновременным ростом капиталистического помещичьего хозяйства.

В основе этого кажущегося противоречия лежит одна общая причина. Именно то обстоятельство, что рост цен на продукты земледелия сделал для помещиков более выгодным переход к собственному и более интенсивному хозяйству вместо сдачи, как раньше, своей пашни в аренду крестьянам, хотя бы и по «голодным ценам». Раньше почти на всей принадлежащей помещикам пашне велось арендовавшими ее крестьянами обычное мелкокрестьянское хозяйство. Разница в урожайности между мелким крестьянским хозяйством и крупным помещичьим не имела значения, пока от каждого пуда после оплаты наемных рабочих помещику оставалась, вследствие низких цен на хлеб, лишь ничтожная величина. Крестьянин легко покрывал эту разницу в пользу помещика, оставляя себе меньше с каждого пуда, чем брал бы с помещика наемный рабочий. Но когда цены на хлеб поднялись (последнее пятнадцатилетие), то как бы крестьянин ни лез из кожи, оставляя себе не то что нормальную заработную плату, а хотя бы только физиологический минимум,— он не в силах заплатить теперь столько аренды, сколько может остаться помещику от высоко оплачиваемых лишних пудов с той же десятины, даже после полной оплаты помещиком наемных рабочих. А этих лишних пудов ведь немало. Средний урожай всех хлебов в Полтавской губ. (по пропорции посевов, стр. 53 Полт. Зем. Кал. на

1909 г.) в пятилетие 1903—1907 гг. с 1 дес. посева составлял в крестьянских и прочих хозяйствах, имеющих до 100 дес., 52 пуда, а в хозяйствах, имеющих свыше чем 100 дес.,—82 пуда, т.-е. на 30 пудов с каждой десятины больше.

Но переход от сдачи в аренду к собственному капиталистическому хозяйству требует от помещиков не только уменья организовать его,—это может сделать и управляющий,—но и больших денежных средств (на хозяйственные постройки, инвентарь, скот и т. д.). А так как такие средства есть далеко не у всех, и под ту половину площади, какая уже была заложена, достать их невозможно,—то одни помещики (преимущественно, скорее, и ранее ведшие в некоторых размерах хозяйство за свой счет) энергично стали расширять и заводить вновь капиталистическую запашку, даже прикупая и приарендовывая для этого землю, а другие не менее энергично стали продавать. Последние, не могшие завести по недостатку капитала новое дорогое хозяйство, должны были продавать свою землю тем с большей охотой, что при продаже они выручали сумму, обеспечивающую им больший доход, чем какой они получали от крестьян в виде арендной платы. Ибо земля расценивается при продаже по возможности получить доход, а не по фактическому его получению. (Из этого вытекает, между прочим, столь частая несостоятельность мелких крестьян при покупке помещичьей земли участками; они покупают по цене, соответствующей доходу при капиталистической обработке, а ведут мелкое продовольственное хозяйство, дающее доход, соответствующий меньшей цене,—и поэтому не могут оплатить процентов в банк на покупную ссуду.) При продаже помещик выручает цену, соответствующую доходу при капиталистической обработке, какой в действительности не ведет и не может завести по недостатку средств,—отсюда ускорение распродажи помещичьей земли одновременно с ростом капиталистического хозяйства у других помещиков.

Продают земли, отказываясь от заведения своего хозяйства, обычно не крупные помещики, и раньше часто имевшие некоторую собственную запашку и легче могущие обеспечить себе средства для перехода к хозяйству нового типа,—а мелкие (мелкие по помещичьему масштабу). Отсюда и рост средних размеров дворянской собственности—рост, при одновременном сокращении общей ее площади, как раз во всех тех областях, где особенно заметно развитие аграрного капитализма (запад и юг Европ. России, отчасти Урал, в общем большая половина земледельческого производства, а в остальных районах земледелие в застое). Вот табличка изменения средних размеров владения в Полтав. губ. между 1894 и 1905 гг. по отдельным разрядам владельцев;

У имеющих	1894 г.	1905 г.	Плюс или минус
До 50 дес.	14	12	— 2
От 50 до 100	70	71	+ 1
От 100 до 500	220	223	+ 3
От 500 до 1 тыс.	690	701	+ 11
Свыше 1 тыс.	2.503	2.607	+ 104

Чем крупнее владения, тем больше (и относительно) рост средних размеров их. Это показывает, что и сравнительно между разными разрядами и внутри каждого разряда крупные владения устойчивее.

Что так и должно быть, объясняется тем мало отмеченным фактом, что крупные помещичьи владения и в хозяйственном отношении превосходят владения меньших размеров во всех существенных моментах. Это столько же должно быть неожиданно для многих, сколько интересно и само по себе и потому заслуживает быть иллюстрированным более обстоятельно.

Как мало материалов по помещичьему хозяйству (не «владению») дает земская статистика, видно из того, что в сводку всех имевшихся по 1906 г. материалов Н. Огановский (в книге «Борьба за землю», 1909 г.) мог включить лишь 34 уезда по вопросу о развитии самостоятельного хозяйства в помещ. влад., 14 уездов — по степени обеспеченности наемным трудом и—больше ничего. Позже, в 1909 г., опубликованы новые и подробные сведения по такой характерной губернии, как Харьковская (Старобельск. уезд, по переп. 1904 г.), замечательные особенно своей многосторонностью. Мы пользуемся всеми этими источниками.

1. Форма полеводства. «Менее интенсивные формы полеводства практикуются на небольших площадях, тогда как более интенсивные требуют больших площадей»—вот конечный вывод исследователей Старобельск. уезда (стр. 6 сборника; заметим, что плотность населения Старобельск. уезда—32,1 челов. на 1 квадр. версту, т.-е. почти совпадает со средней плотностью Европ. России без трех северн. губ.; земледелием занимается 86,6% населения). Между тем, обычно народники думают, что мелким хозяйствам более свойственны интенсивные формы полеводства, чем крупным, и что неизбежный для России переход к более интенсивному земледелию должен повлечь за собой разложение крупных предприятий.

Если взять все частновладельческие экономии Старобельск. уезда размером до 100 дес. каждая, с одной стороны, и все частные экономии размером свыше 600 дес.—с другой, то получится следующее: Из 100 десятин пашни находится под

В экономиях	Одно-двухпольем	Трехпольем	Чытырех-двенадцатипольем
меньше 100 дес.	25,0%	42,1%	31,9%
больше 600 „	3,2%	23,2%	73,6%

На одно хозяйство с одно-двухпольем приходится 97 десятин; на одно хозяйство с многопольем—745 дес. в среднем (тот же сборник). Относительно удобрения, по собранной Огановским сводке, в нечерноземной полосе удобряют все, а в черноземной помещики идут далеко впереди крестьян. При распределении крестьянских хозяйств на группы по величине оказывается, что чем крупнее хозяйство, тем выше % удобряющих дворов и % удобряемой надельной площади (стр. 152—154).

2. Распределение культур. По этому признаку крупные хозяйства значительно превосходят мелкие. В экономиях Старобельского уезда до 100 десятин величиною—всего 5,1% всего посева под более дорогим, озимым, а в экономиях свыше 600 дес.—целых 17,1% (стр. 20). То же подтверждается данными по всей Полтавской губ.: озимая пшеница в крестьянских и всех частных хозяйствах, меньше 100 дес., занимает 1,2% всего посева, а в более крупных (свыше 100 дес.)—15,5%. Вместе с тем корнеплоды и тому подобные растения, требующие особенно внимательного ухода и потому, как говорят народники, якобы «естественно» предназначенные быть продуктом мелкого хозяйства—занимают по всей Полтавской губ. в хозяйствах меньше 100 дес. только 4,2% всего посева, а в больших—целых 15,1% (засчитаны конопля, баштаны, лен, табак, посевные травы, свекла, картофель и другие корнеплоды).

3. Урожайность. О зерновых хлебах упоминался пример Полтавской губ.: в мелких хозяйствах — 52 пуда с дес., в больше 100 дес.—82 пуда. С корнеплодами и т. п. дело обстоит так же. За десятилетие 1898—1907 гг. в Полтавской губ. получали в среднем пудов с 1 десятины посева хозяйства:

	свекла кормовая	свекла сахарная	табак	картоф.	рожь
Меньше 100 дес.	813	789	88	488	52
больше 100 дес.	989	930	100	570	58

	льнян. семя	конопл. семя	подсолн. семя	фасоль	лук	горох
Меньше 100 дес.	42	35	59	70	142	62
больше 100 дес.	49	39	65	78	164	67

Ни единого исключения. Крупные хозяйства не только больше разводят корнеплоды и т. п., но и более успешно их разводят. Мелкое хозяйство является более экстенсивным в обоих этих отношениях. Отметим кстати, что, согласно сводке Огановского (стр. 165), разница в урожайности зерновых хлебов в пользу частновладельческих земель сравнительно с крестьянскими надельными с одной десятины по всей России в среднем составляла: в 1861—1870 гг. 4 пуда, в 1871—1880 гг. 6 пудов, в 1881—1890 гг. 8 пудов, в 1891—1900 гг. тоже 8 пудов, т.-е. разница постепенно растет.

4. Валовой сбор продукта. Против приведенных данных об урожайности могут сказать и действительно иногда говорят, что надо сравнивать сбор не с 1 десятины, а со всей площади удобных земель. Только ценность этого последнего сбора может в конечном счете определить, какое хозяйство больше извлекает из земли (само собой разумеется, что площадь леса при таком сравнении должна быть исключена).

В Полтавской губ. разница в площади леса в мелких и крупных владениях как раз незначительная, так как эта губерния принадлежит к степным. Из всех удобных земель лес составляет у привилегированных мелких владельцев и крестьян 4% площади, а у крупных владельцев—7%. Под всеми посевами находится в крестьянских и всех частных хозяйствах, размером до 100 дес. каждое, 60 дес. из каждых 100 дес. их удобной площади, а в крупных хозяйствах (свыше 100 дес. каждое)—43 дес. При среднем урожае в 52 пуда с дес. у мелких хозяев и 82 п. у крупных (всех хлебов), это дает общий сбор у мелких 3.120 пудов, получаемых на 96 дес. удобной земли (без леса), а у крупных—3.526 пуд., получаемых на 93 дес. (без леса). То-есть в среднем, если считать уже не на одну десятину посева, а на одну десятину всей удобной земли (без леса),—что необходимо для учета не простой урожайности, а валового сбора продукта,—то у мелких получится 32,6 пудов на десятину, а у крупных—38 пудов, или на шестую часть, на 16,4%, больше. В действительности превосходство крупного хозяйства еще гораздо больше, ибо для простоты подсчета мы засчитали что весь посев—зерновой хлеб. В действительности же часть его—корнеплоды и тому подобные значительно более ценные культуры, и они в помещичьем посеве Полтавской губ. занимают вчетверо большую долю, чем в посеве мелких хозяйств.

Хозяйство крупных владений ведется рациональней. И в мелких и в крупных хозяйствах Полтавск. губ. пашня составляет одинаково по 77 дес. из каждых 100 дес. всей удобной земли. Но из нее мел-

кие (до 100 дес.) засевают ежегодно 60 дес., а крупные—только 43 дес., земля у крупных не подвергается такому изнурению, а результаты получаются лучшие, да еще есть лишних 3 дес. леса, дающих лишний добавочный доход от лесного хозяйства.

5. Чистая доходность. В Старобельском уезде с одной десятины пашни у крупных хозяйств (имеющих свыше 600 дес.) чистого дохода получается в год 9 руб. 98 коп. в среднем, а у мелких (имеющих до 100 дес.)—7 руб. 68 коп. То-есть у крупных на целых 30% больше, несмотря на более интенсивную обработку, на большую, как увидим, затрату труда и капитала: настолько выгоднее более рациональная и более интенсивная обработка, доступная крупным хозяйствам единственно благодаря их крупным средствам. На всем, например, юге России крестьяне и прочие мелкие владельцы не могут распахивать землю достаточно заблаговременно, так как бывают в это время заняты другими работами (молотьбой и т. д.), помещики же нанимают для этого дополнительных рабочих. Полтавское опытное поле в результате тридцатилетнего опыта, как мы упоминали уже, установило, что одной более ранней вспашкой урожайность повышается, смотря по роду растения, от четверти до половины в среднем. Мелкому хозяину остается только завидовать: он не может одновременно молотить на гумне и пахать в поле, он не может по отсутствию средств и путем найма в должной мере осуществить такое разделение труда.

6. Мертвый инвентарь. В Старобельском уезде на 100 дес. пашни приходится ценности мертвого инвентаря у мелких (имеющих до 100 дес.)—637,6 руб., а у крупных (имеющих свыше 600 дес.)—884,6 руб., т.-е. примерно на 30% больше. Даже если взять всю удобную землю, не только пашню, и то у мелких хозяйств на 100 дес. будет мертвого инвентаря на 524 руб., а у крупных—на 541 руб., все-таки больше.

Расход на амортизацию (погашение затраченного на инвентарь капитала и на ремонт у мелких хозяйств 138,2 руб. на 100 дес., у крупных—171,9 руб. в год, т.-е. у крупных на 24,3% больше.

7. Расход на рабочую силу. Народники и ревизионисты обычно предполагают, что если капиталоинтенсивностью (затратами капитала) крупное хозяйство может быть еще и способно оказаться выше мелкого, то в отношении трудоинтенсивности последнее уж наверное будет впереди. Оказывается, как раз наоборот. По подробному учету харьковских статистиков затрата рабочей силы, в переводе на деньги, составляет в Старобельск. уезде на каждые 100 дес. пашни: в мелких хозяйствах (до 100 дес.)—693 руб., а в крупных (свыше 600 дес.)—716 руб. в год. О том же свидетельствует свод

всех имеющихся в земской статистике и опубликованных по 1905 г. данных, сделанный Огановским и помещенный в приложении к его работе (сборник «Борьба за землю», стр. 220 и сл.). Соответственные данные относительно помещичьего хозяйства Огановский отыскал всего только по 14 уездам. Из них 8 приходятся на Петерб. губ. и итог здесь такой. На тысячу десятин экономической запашки (т.-е .используемой путем найма рабочих, а не сдачей в аренду) во всех частновладельческих хозяйствах приходится постоянных наемных рабочих:

Размер экономии	Число рабочих
От 10 до 50 дес.	24 чел.
» 50 » 100 »	41 »
» 100 » 500 »	138 »
» 500 » 1.000 »	152 »
свыше одной тыс. десятин	171 »

Подобный же ряд получается для всех частных владельцев Спасск. уезда Тамб. губ., для купцов Казанского уезда и отчасти (начиная от 200 дес., т.-е. в главном для нас) для Лебедянского уезда Тамб. губ. По остальным трем уездам (Кирсановск., Лаишев. и Спасск. Казанской губ.—все районы отсталого земледелия) получаются данные или отрицательные или сомнительные (если бы взять более новые данные, соответственно большей теперь интесивности хозяйства, то и здесь, вероятно, было бы не то).

Вывод из общей суммы всех этих данных бросается в глаза: более крупные капиталистические хозяйства лучше обеспечены рабочею силой, являются более трудоинтенсивными, не только более капиталоинтенсивными. Отсутствие этого, кстати сказать, противоречило бы устанавливаемой всеми данными большей интенсивности крупного помещичьего х о з я й с т в а сравнительно с мелким и средним.

2.

Все сведения сходятся, таким образом, на более высоком уровне хозяйств крупных. Крупные помещичьи владения в период высоких цен все более являются очагом крупно-капиталистического хозяйства, а не простым паразитическим наростом на крестьянском теле. Отсюда и происходит указанная выше бо́льшая их устойчивость в процессе мобилизации. Этот вывод следует, между прочим, и из сводки всех имевшихся по 1906 г. материалов о степени развития на помещичьих землях капиталистического хозяйства, сделанной Н. П. Огановским (там же).

В сводку вошло 34 уезда, но из них приходится откинуть 4 уезда Казанской губ., так как во всех этих 4-х уездах из площади дворянских имений (о них лишь и есть данные) вовсе не вычтен лес, что

для этой лесистой губернии имеет решающее значение. Из остальных 30 уездов в 25, а именно, в 8 Петербугских, 4 Курских, 1 Калужском, 5 Тамбовском, 1 Вологодском, 5 Саратовском и 1 Нижегородском, владения свыше 1 тысячи десятин каждое в смысле развития капиталистического земледелия поставлены лучше, чем владения от 200 до 500 дес. и чем владения от 500 до 1.000 дес. Следовательно и внутри собственно-помещичьего землевладения более крупные имения оказываются и более хозяйственно-жизненными. Именно среди крупных имений (свыше 1 тыс. дес. в каждой) оказывается и больший процент имеющих собственное капиталистическое хозяйство, и больший процент пашни и посева обрабатывается наемными рабочими, а не сдается крестьянам. Крупные имения оказываются, словом, в капиталистическом отношении гораздо более самостоятельными, в гораздо большей степени в них собственной земле соответствует и собственное хозяйство, чем это имеет место в средних имениях.

В остальных 5 уездах (1 Калужск., 1 Нижегородск., 1 Казанск., 1 Полтавск., 1 Смоленск.) результаты сравнения получаются смешанные, но только в том смысле, что из трех категорий по величине, принятых во внимание для отыскания капиталистического ядра внутри помещичьего землевладения,—наилучше поставленной оказывается не высшая (свыше 1 тыс. дес.), а средняя (от 500 до 1 тыс. дес.), и во всяком случае не меньшая—не имения от 200 до 500 дес.

При рассмотрении данных о мобилизации было указано, что происходит рост площади капиталистического земледелия на помещичьих землях. Теперь можно прибавить, что этот рост происходит главным образом на землях крупных владельцев. Отсюда и довольно ярко проявляющееся в последние годы влияние именно капиталистической части землевладельцев в политической жизни, раньше отсутствовавшее—оно базируется на прочной почве роста их хозяйственной мощи. Гибель же другой части дворянского землевладения, как мы видели, есть гибель докапиталистических форм распоряжения своей землей, тяготевших над этой частью. И то и другое, как мы старались показать и доказать, есть проявление роста капиталистического земледелия в России на почве его интенсификации в обстановке наступившего мирового периода высоких цен. Капиталистическое преобразование происходит у нас под знаком перехода к более интенсивным формам хозяйства,—и при нынешнем уровне русского земледелия в этом залог роста не только производственного, но, так сказать, и пространственного значения капиталистической запашки в помещичьем хозяйстве: тут все данные не для исчезновения, а для роста миллионной армии сельскохозяйственных рабочих.

Позвольте, скажут нам, вы говорите о росте крупного хозяйства, о росте капиталистического земледелия, как о характерном явлении именно на почве необходимости интенсификации [1]). В соответствии с этим и в пределах крестьянского земледелия пришлось бы признать будущее за типично-мелкобуржуазными его формами, а не за «потребительско-трудовыми» и т. п. и т. д. Но разве не противоречит взглядам на интенсификацию в такой связи все, что мы при первом же взгляде находим в аграрной статистике соседней, и несомненно более интенсивной, Германии? Ведь там площадь крупных хозяйств несомненно уменьшилась между двумя последними переписями 1895 и 1907 гг. и на эти цифры всегда и всюду ссылаются защитники крушения крупного хозяйства в русском земледелии. Дело тут опять-таки в обманчивости и поверхностности «первого взгляда».

В более экстенсивной, более многоземельной России капиталистическое земледелие растет, повышает свою долю в продукте преимущественно путем расширения своей площади — здесь это выгоднее. Так как и для той начальной, весьма скромной пока, стадии увеличения затрат труда и капитала для повышения валового сбора и дохода, какую проделывает сейчас русское земледелие, нехватает средств и возможности и у мелких крестьян [2]) и у нехозяйствующей капиталистически части частных владельцев (помещиков) — то все буржуазное преобразование земледелия и его успехи идут по руслу среднего и крупного крестьянства, с одной стороны, и капиталистического помещичьего хозяйства (наемными рабочими) — с другой. Эти группы—особенно крупные крестьяне и помещики,— сосредоточивают все большую долю земледельческого производства в своих руках.

Иначе происходит тот же процесс концентрации все большей доли производства в наиболее мощных руках в высокоинтенсивной Германии. Здесь улучшение организации крупного хозяйства, замена ручного труда машинным, чрезвычайное повышение урожайности—позволяет крупным хозяевам сосредоточивать все большую долю производства не только без дальнейшего расширения площади (что менее выгодно для Германии с ее высокими земельными ценами, чем дальнейшие затраты на уже имеющуюся землю),— но даже

---

[1]) Преимущества крупного хозяйства, принадлежавшие в 1910 году помещичьему капиталистическому хозяйству, теперь в 1925 году должны принадлежать нашим колхозам и совхозам. В этом смысле прежние споры о судьбе крупного хозяйства в русском земледелии сохраняют интерес и сейчас. (Примечание 1925 г.)

[2]) Более значительная иногда затрата труда мелкими крестьянами, чем в помещичьем хозяйстве, с общественной точки зрения есть лишь растрата труда, так как не приносит столько валового продукта, сколько получается в помещичьем.

с одновременным прекращением обработки худших земель и сокращением числа рабочих (вследствие повышения производительности труда рабочего вообще). Этим и объясняется существование в Германии увеличения доли крупных хозяйств в производстве с одновременным небольшим уменьшением их площади, столь смущающим или столь радующим российских читателей, смотря по их предрасположениям. Нечего и пояснять, что для вопроса о наличности концентрации производства в крупных хозяйствах решающее значение имеет именно доля их в производстве продукта, а не их число или площадь. Одна иллюстрация: с 1895 г. по 1907 г. число занятых в сельском хозяйстве в Германии лиц обоего пола (кроме членов семей [1]) изменилось следующим образом, принимая число 1895 г. за 100%:

	Плюс или минус в %%	Абсолютное число 1907 г.
Хозяева	— 3,0	2.501 тыс. чел.
технический персонал	+ 2,7	99 » »
рабочие	— 9,8	3.308 » »

Технический персонал не бывает принадлежностью мелкого хозяйства (состоящие на службе у отдельных хозяев агрономы, приказчики, надсмотрщики и подобные лица, не принадлежащие к числу наемных сел.-хоз. рабочих). Увеличение технического персонала явно свидетельствует о росте организации крупного хозяйства. Одновременное уменьшение числа хозяев показывает, кстати, что в Германии земледелие сосредоточивается постепенно все в меньшем количестве предприятий. Именно, рост площади среднего крестьянства сопровождается, как и в России, падением значения мелких крестьян, на которых по данным переписи и приходится главное уменьшении числа хозяев [2].

По последнему поводу приведем еще характерную для всего юга картинку из той же богатой статистикой Полтавской губ.,—она представляет недурную параллель к разобранным выше данным о мобилизации в пределах частного землевладения. При двухмиллионном крестьянском и казачьем населении, при среднем владении пахотью всех «податных сословий» всего в 5,7 дес., на двор в 1900 г.,—за время между двумя земскими переписями (80-х и 900-х годов) здесь про-

---

[1]) Число членов семей благодаря изменению метода подсчета неоднородно в обеих переписях и подлежит исключению, что имеет значение лишь для мелких хозяйств, но не для интересующих нас крупных: дочери помещиков не возят навоз и т. под.

[2]) «Korresp. Blatt 1910 г., издание Генер. совета германских профсоюзов.

изошли следующие перемены [1]). В 14 уездах ничтожная горсть дворов (около полупроцента), владеющая каждый 50 и более десятинами пахоти, имела в собственности в 80-х годах всего 7% всей пахоти «податных сословий», а в 1900 г. уже 12% ее. Более заметная численно (4,6% всех дворов) группа крестьянских и казачьих дворов, с владениями от 15 до 50 дес. пахоти каждый (что также не относится к «мелкому хозяйству потребительного типа» — это соответствует владению от 20 до 70 десятин земли), в 8 уездах, где возможно было произвести сравнение, также увеличилась за это 15-летие на 29%, увеличив притом и средний размер своих владений и сосредоточив к 1900 г. во всех 15 уездах 23% всей пахоти. Вместо 5% дворов—верхушечное («кулацкое») крестьянство сосредоточило у себя здесь уже 35% пахоти. В Полтавской губ. все крестьяне—издавна собственники, а не общинники, поэтому здесь односторонний процесс мелкобуржуазной мобилизации пахоти [2]) более легко находит выражение в формальном изменении отношений собственности.

Мелкое крестьянство составляет целую половину русской деревни; если взять даже не всех стоящих ниже средней грани наделенности землей (11,3 дес. на двор для всех «податных сословий» по всей Европ. России в 1905 г.), но хотя бы имеющих 8 десятин и менее—таких наберется 50,2% всего числа дворов (12,3 милл.). Когда шли разговоры о мелком крестьянстве, когда возлагались народниками надежды на его хозяйственное преуспеяние, на экономическое вытеснение им крупного хозяйства из земледелия—раньше всего всегда имелся в виду именно этот низший и самый многочисленный слой деревни, действительно трудовой, действительно ведущий хозяйство с потребительскими, а не с предпринимательскими целями.

Среднее и «выше среднего» («крепкое», «старательное» и т. д. [3]) крестьянство, стоящее между средней нормой наделенности и явным кулачеством, не уничтожается победой буржуазных отношений в деревне по той простой причине, что оно само оказывается способным

---

[1]) «Ежегодн. Полт. Губ. Зем.», год 12. Из всех 15 уездов Полт. губ. по одним вопросам в «Ежегоднике» могли быть подсчитаны по свойству материалов 14 уездов по другим—только 8.

[2]) При всем желании в Полт. губ. нельзя усмотреть «общей подвижки вверх», увеличение высших групп мы видели. Но и низшие группы, имеющие пахоть, тоже увеличились в числе в 14 уездах (имеющих до 3 дес. пахоти на двор прибавилось на 41%) Средние группы, наоборот, частью уменьшились (от 3 до 6 дес. на 4%, от 6 до 9 дес.—на 6%), частью же (от 9 до 15 дес.) прибавились всего на 2%.

[3]) То, какое в 1925 г. называется «зажиточным»—выше среднего, но ниже кулака,—так сказать, кулак в потенции. (Примечание 1925 г.)

к перестройке на буржуазный лад. Неоднородность крестьянских хозяйств имела место и раньше в силу, например, разной величины семей и т. д. Как упоминает полтавский «Ежегодник», еще Румянцевская опись 1767 г. насчитала среди полтавских казаков 15% беспахотных. Но теперь эта неоднородность делается исходным пунктом нового развития.

Прежде, при натуральном, почти замкнутом в своей околице хозяйстве, неоднородные по величине крестьянские дворы, и крупные и средние и мелкие,—однако были прежде всего хозяйствами потребительскими, почти самодовлеющими единицами, не связанными со всем общественным хозяйством прочной и густой сетью отношений. Теперь, когда господствует товарное хозяйство, когда вся деревня так или иначе втянута в обмен и приведена в связь не то что с национальным, а даже с мировым рынком,— теперь неоднородность их, создававшаяся иногда исторически, иногда случайно, не остается их внутренним качеством, никого не касающимся, а сейчас же учитывается в общей связи жизни разными возможностями развернуться на товарном рынке—служит исходным пунктом дифференциации.

Одни из них делаются постепенно хозяйствами прямо мелкокапиталистическими, с наймом рабочих и сосредоточением чуть не сотен десятин в одних руках — крупные крестьяне. Средний размер пахоти на двор на каждое хозяйство с более чем 50 дес. ее равнялся в 1900 году в Полт. губ. ровно 100 дес. Другие превращаются в хозяйства мелких товаропроизводителей, работающих на рынок для продажи, как городские ремесленники-одиночки, это—средние крестьяне, сотнями тысяч вступающие теперь во всякие кооперации, и имеющие как продавцы хлеба интересы во многом противоположные интересам его покупателей — наемных рабочих (как противоположна и их мелкобуржуазная индивидуалистическая трудовая психология трудовой социально-коллективной психологии наемных рабочих [1]). Третьи остаются чисто-потребительскими хозяйствами мелких крестьян, не могут стать иными по своей величине в данных условиях и являют миру картину мучительной агонии того самого миллионного мелкого крестьянства, о котором мы привыкли знать, что оно само потребляет свой хлеб и заработками на стороне добывает средства для остального. Это самый многочисленный слой, охватывающий до половины русской деревни, наиболее близкий труженикам

[1]) Известно употребление, какое делается из этого в Бельгии, Германии и других странах и укрепить почву для которого хотел у нас П. Столыпин.

города по своей психике,—и вместе с тем единственный, не могущий ожидать своего благосостояния от высоких цен на хлеб; он ничего не продает на рынке, кроме своих рук.

Полтавские статистики сделали поучительный подсчет относительно всех 343 тысяч дворов «податных сословий», имевшихся в Полтавской губ. в 1900 г. В хозяйствах 141 тысячи дворов совсем не получалось остатков хлебного производства, все шло на прокорм себе и скоту, не считая платежей за землю и т. п., а отчасти даже недоставало на еду—приходилось прикупать. Эти 40% дворов и есть то мелкое крестьянство, какое действительно является чисто потребительским, не существует для рынка в качестве продавца и имеет будущность сельских рабочих с усадьбой, поскольку останется в деревне, поскольку не сможет уйти из нее, и поскольку товарный строй вообще сохранится на срок, достаточный для их ликвидации. Затем идет промежуточный слой—111 тысяч дворов, или 32% дворов,—у этих 32% дворов остатки хлебного производства от употребления в пищу всецело идут на платежи за снимаемую (арендуемую) землю. Чистые же остатки хлебного производства, которые могут быть реализованы и для других целей, получает лишь 91 тыс. дворов [1]), среди которых совсем не было засевающих менее 6 дес. (т.-е. при полтавских отношениях не было имеющих менее 10 десятин земли). Притом сеющих от 6 до 9 дес. (т.-е. имеющих до 15 дес.) было среди них 47 тысяч, и в переводе на рубли чистый остаток хлебного производства составлял у них всего 70 руб. в год на двор (везде взяты, конечно, средние урожаи, средние цены и т. п.). Вместе с 111 тысяч дворов, вывозящих хлеб на рынок только для покрытия полностью или хотя бы частью арендных платежей за землю, это составляет около 45%—тот средний слой мелких товаропроизводителей, не ведущих однако капиталистического хозяйства, какой мы уподобили городским ремесленникам-одиночкам. Сюда входят сеющие от 3 до 9 десятин, т.-е. имеющие от 5 до 15 десятин земли на двор. Конечно, более малоземельную часть их можно включить в разряд «средних» лишь с большими оговорками. Наконец, последние 15% полтавских дворов, это—крупные крестьяне. Несмотря на малую численность своих хозяйств, они поставляют на рынок большую часть вообще продаваемого полтавскими «податными

---

[1]) Потребление хлеба на прокорм людей и скота везде учтено по фактической величине, например, у засевающих до 3 дес. оно составляло 12 пудов в год на человека и 6 пудов на голову скота, а у засевающих свыше 50 дес. оно равнялось 24 пудам на человека и 14 пудам на голову скота.

сословиями» хлеба [1]). Чистый остаток (после покрытия всяких платежей) составляет здесь в рублях для сеющих от 9 до 15 дес. уже 176 руб. в год на двор, для сеющих от 15 до 50 дес.—целых 415 руб., а для сеющих свыше 50 дес. исчисляется даже тысячами. Это уже хозяйства с наемными рабочими, постоянными или временными. Мы видели уже по данным о внутрикрестьянской мобилизации земель (по закону 9 ноября 1906 г.) их успехи.

Разбор данных о мобилизации земель и частновладельческих и надельных находится, таким образом, в полном согласии с данными о хозяйстве и крестьян и частных владельцев—надо только их сопоставлять.

*

* *

Наш обзор данных о мобилизации земель был бы неполон, если бы мы хоть кратко не коснулись современной переселенческой политики.

Переселенческая политика правительства, по его заявлению, ставила себе прежде всего две цели. Первая—заселить окраины Восточной Сибири, так называемый Дальний Восток, чтобы получить там более прочную опору для империалистической политики. Вторая—вывозить систематически в Сибирь почти весь прирост крестьянского земледельческого населения из Европ. России, чтобы накопление его не обостряло земельной «тесноты» и аграрных отношений. И в первый же год после окончательного подавления революции (в 1907 г.) в Сибирь было брошено около 1 миллиона переселенцев—при годичном приросте земледельческого населения в 1¼ милл. чел., т.-е. цель была, казалось, достигнута.

Но с тех пор дело пошло не вперед, а назад. Прежде всего оказалось, что без очень дорогих мелиораций нельзя найти на Дальнем Востоке достаточного количества подходящей земли для переселенцев. Крестьяне стремились в более близкую и плодородную Зап. Сибирь (с киргизским степным районом), где лучшие места уже заняты. И потому несмотря на все хлопоты начальства переселенческий поток стал быстро мелеть и отступать назад.

На 1910 г. по официальным данным заявлено требований на 1.089 тысяч земельных душевых долей для переселенцев, а приготовлены только 295,5 тыс. долей. Спрос и предложение «долей»—и это самое главное—распределялись следующим образом:

---

[1]) Интересно, что в 1925 году, по сделанному комиссией ЦКК подсчету, относящемуся ко всему СССР в целом, 12% всех крестьянских дворов имели 30% всего продаваемого на внедеревенский рынок хлеба. (Примечание 1925 г.)

	Затребовано долей	Приготовлено долей
Западная Сибирь и Ср. Азия .	1.028,8 тыс.	135,6 тыс.
Восточная Сибирь.	60,2 »	159,4 »

На Дальний Восток соглашается ехать лишь около двенадцатой части всех желающих переселиться—вместо того миллиона ежегодно, который мечтал «вливать» в Приамурье тамошний генерал-губернатор: настолько неблагоприятны там природные и колонизационные условия для русских крестьян. Крушение империалистических мотивов в переселенческой политике, таким образом, очевидно. Неменьшее крушение постигает и «внутренне-политический» мотив: отвлечение крестьянского прироста из Европ. России. Из 135,6 тыс. душевых долей в Западной Сибири решено отвести хотя бы 30 тыс. для самовольных переселенцев. Их накопилось там уже по официальным сведениям около 600 тыс. душ обоего пола (требуется 300 тыс. долей). Значит в результате из свыше миллиона требуемых долей правительство может устроить в Зап. Сибири всего десятую их часть (105 тысяч)—величину почти незаметную в сравнении с ежегодным приростом земледельческого населения в России.

Немудрено, что в результате переселенческое движение уже в 1909 г. упало всего до 707 тыс. душ обоего пола (все же несколько больше половины прироста), а с первого января по 7 апреля 1910 г. упало еще на 27% сравнительно с тем же периодом 1909 года (156 тыс. чел., вместо 215 тыс. чел.). Всего рельфнее неудача переселенческой политики сказывается в быстром росте процента обратных переселенцев (не считая ходоков, конечно), прибывших уже в Сибирь, но принужденных вернуться за невозможностью устроиться. За отчетный период (с 1 января по 7 апреля) этот % составлял:

В 1909 г.	7,7%
» 1910 »	14,2%

Особенно крупных поправок в земельные отношения Европ. России выселение из нее в Сибирь, таким образом, дать не может.

ПОДЪЕМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ СРЕДИ ПОМЕЩИКОВ.

I.

К началу XX века перед русским земледелием открылись заманчивые для носителей его товарности, для помещиков и «крепких» крестьян, перспективы: растущий спрос заграницы, высокие и крепнущие цены, увеличивающийся приток средств извне и извнутри, подъем техники, развитие агрономии, укрепление капиталистического хозяйства в деревне, рост влияния аграрно-капиталистических элементов на всю жизнь государства [1]).

Повышение доходности земледелия обессилило революцию 1905—1906 гг., расколов крестьянство, отделив от низовой массы всю мало-мальски зажиточную верхушку и тянущиеся за ней, приближающиеся к ней слои. Вместе с тем изменение социального типа помещичьего хозяйства, стоящее в связи с тем же подъемом земледелия, как одно из его следствий,—раскалывает и прежде однородную помещичью среду, облегчая тем грядущую ликвидацию ее политической власти.

Государственная власть в России последние столетия была властью крупного землевладения, помещиков. Теперь помещичий класс начинает терять свою однородность.

---

[1]) Это обстоятельство и вызывало в течение первых лет после 1906 г. известные иллюзии у некоторых деятелей, что ликвидация тогдашнего царизма не примет вскоре формы далеко идущей революции, а произойдет путем ограничения его буржуазной конституцией, как было в середине прошлого века в Пруссии. История показала иллюзорность таких ожиданий в полной мере. Но сам факт внесения хозяйственным развитием политического раскола в среду помещиков в ряде интересных пунктов остается любопытным явлением того времени, хотя он и не приобрел решающего значения, а только облегчил низвержение царизма в 1917 г. Под названием «подъем земледелия и политический раскол среди помещиков» перепечатываю два отрывка из моих статей 1910 г. и 1914 г., которые дают ряд иллюстраций политического отражения хозяйственных изменений, обозначившихся в сельском хозяйстве в связи с эпохой высоких мировых цен. (Примечание 1925 г.)

Происходит преобразование феодального типа землевладельца в «юнкерский», в агрария — предпринимателя. Крупный и средний помещик, живший раньше крепостническим высасыванием аренды из мелкого крестьянина (феодал), все более делается капиталистическим организатором производства на основе наемного труда, т.-е. извлекает доход из капиталистической организации сельскохозяйственного производства (аграрий).

Это обстоятельство, во-первых, заинтересовывает помещиков в сохранении золотой валюты и, стало быть, в системе ежегодных иностранных займов (на жел. дор. и пр.), а повышением доходов делает для земледелия более легко переносимым промышленный таможенный протекционизм. Все это облегчает помещикам сожительство и соглашение с наличными представителями торговли и промышленности,— хотя бы это и маскировалось пока далеко еще не закончившимся процессом этого преобразования. Отходит в прошлое прежняя оппозиция по отношению к необходимой для развития буржуазного хозяйства хозяйственной линии (вспомним, как Гос. Совет отклонил в 90-х годах «золотую реформу» Витте и т. д.).

Во-вторых, из идущих за «союзом русского народа» черносотенных зубров все большая часть помещиков (превращающаяся из феодалов в аграриев) превращается в так наз. «культурных консерваторов», заинтересованных в наличности более развитых и ловких работников, в поднятии общего уровня деревенского хозяйства (дабы крестьяне из-за уплаты податей не сбивали на рынке цен на русский хлеб) и т. п. Отсюда вызывающие у либералов [1]) радостное изумление постановления земских собраний о крупных затратах на народное образование, на агрономию и т. п. Отсюда проявление этих тенденций («всемерное» насаждение мелкого кредита, рост ассигновок на школы и сел.-хоз.) и в деятельности правительства, поскольку оно является органом, прежде всего, господствующего землевладельческого класса. Между тем раньше помещик-крепостник мог потребовать тем большей

---

[1]) «Московск. Еженед.» в № 8 за 1910 г. (стр. 18) пишет: «и эти октябристские земства делают сейчас огромное дело, притом несомненно в прогрессивном направлении... Отдельные реакционные проявления, отдельные личности—все это пропадает пред объективной ценностью совершаемой работы». «Спасение и оздоровление страны придет, очевидно, оттуда снизу»,—кончает журнал свой дифирамб. Подобные же нотки проскальзывают в еще более прогрессивном «Земском Деле». Кстати нынешние земства на сел.-хоз. и экономич. часть во всех 34 губ. по официальным данным расходовали в 1909 г. всего 7,7 коп. на 1 сельского жителя. Размах довольно скромный—значительный только сравнительно с прежним почти полным отсутствием таких расходов.

доли дохода, чем менее был производителен труд «мужика», чем более он был невежественен и бесправен, так как чем меньше мелкий крестьянин получит с своей земли, тем больше нужно ему арендовать помещичьей. Все это, понятно, накладывало печать и на деятельность правительства. Характерно, что даже старые «либеральные» земства 35 лет своей деятельности почти вовсе не знали затрат на агрономию, на поднятие уровня крестьянского хозяйства. Не менее характерно то, что и теперь размер затрат определяется не степенью реакционности земств, а тем—«пшеничная» или «ржаная» данная губерния. На одного сельского жителя тратили в год на сел.-хоз. и эконом. часть «пшеничные»: Екатеринославская губ. 22,4 к., Полтавская—15,2 к., Херсонская—14,5 к., Харьковская—13,3 к., а «ржаные»: Рязанская—1,4 коп., Тамбовская, Пензенская и Смоленская—по 2 коп. («Спр. свед. о деят. земств в 1909 г.»). Прибавлю, что в 1909 г. из России вывезено за границу пшеницы 314 милл. пуд., а ржи только 35 милл. пуд., в 9 раз меньше (ячменя вывезено 219 милл. пуд., а район его почти совпадает с пшеничным). Связь агрономической политики земств с притоком средств в земледелие (с преобразованием его на капиталистический лад) бросается в глаза.

Как первый пункт ослабляет напор на помещиков со стороны крупной буржуазии, так второй—замиряет до некоторой степени с ними «третий элемент», интеллигенцию. Перемена курса в «местном устроении» создает широкий спрос на нее и открывает ей возможность общественной деятельности. Ее симпатии от «крайних партий» начинают переходить к «корректным» кадетам. Лозунг «органическая работа» уже слышится из ее уст, как в Польше после 1863 г., и никто иной, как «радикальный» Вс. Голубев из газеты «Товарищ» теперь живописует: «Основная истинно-национальная задача местных людей в работе на местах, это—подъем культуры, развитие производительных сил и улучшение экономического положения населения. Пока еще недостаточно сознанная, еще без определенной идеологии,—эта задача на местах, несомненно, уже выполняется. И даже в среде третьего элемента на этой почве проявляются уже несколько иные взгляды и отношения ко второму элементу (земцам-помещикам. *Ю. Л.*), чем бывшие до сих пор. Да, говорят, этот председатель управы октябрист, притом правый октябрист, но он хорошо знает земское дело и умеет ценить земских работников, а потому работать с ним можно. И думается, что близко то время, когда культурная работа на местах станет своего рода национальной задачей» [1]).

---

[1]) См. «Московск. Еженед.» № 8 за 1910 г., стр. 9.

Но Голубев пробалтывается еще слишком скромно: земская интеллигенция на деле относится терпимее уже не только ко «второму элементу», но и к первому—к государственной власти. На ноябрьских совещаниях агрономов в Москве,— как сообщает № 1 «Вестн. Сел. Хоз.» о провинциалах («людях непосредственно соприкасающихся с местной жизнью»),—«среди этой группы было заметно желание не вступать в резкие конфликты с местными правительственными деятелями в области агрономии, заметно терпимое отношение к новым формам землевладения» и т. п. «Сантиментальная антипатия к землеустройству»,—пишет обозреватель прогрессивной «Ю.-Р.С.-Х.Г.» (№ 7 за 1910 г.), пренебрежительно отзываясь, как о «сантиментах», о той антипатии к столыпинскому землеустройству, какая еще за несколько лет перед тем считалась обязательной для всякого «прогрессиста», и прибавляет—«действительность не оправдывает пессимистических ожиданий». А профессор Локоть, один из главарей трудовиков в первой Гос. Думе, пишет теперь: «что касается скрытых надежд на консервативную опору государства в виде зажиточных крестьян, то это бесспорно, но оценивать такую опору можно весьма различно. Я лично ценю эту опору потому, что вижу в ней опору демократического строя» [1]).

Одним словом, помогайте устраиваться крупному буржуазному крестьянству,— этой опоре бельгийской, голландской и иной реакции,— конечно, во славу демократии. Ведь Голубевы, Локоти и пр. страшно оскорбились бы за причисление их к правым.

Приток средств в русское земледелие делает, таким образом, то, что не только буржуазия, но и интеллигенция все больше перестает иметь склонность к присоединению и поддержке такого движения пролетариата, какое имело место в 1905 году [2]).

Близорукие наблюдатели склонны возвеличивать правительство Столыпина,— иные громко, иные потихоньку,— за его аграрно-экономическую политику: оно «насаждает» капитализм, «насаждает» агрономию, мелкий кредит, словом, «европеизирует» Россию, своим землеустройством и т. п. вызывает рост ее производительных сил.

Действительность говорит другое. Его аграрная политика пришла на готовое, его финансовая политика задерживает экономическое развитие страны. Рост капиталистического предпринимательства, расцвет агрономии, подъем хозяйства верхних слоев крестьян и крупных эко-

---

[1]) «Нужды Деревни», № 38 за 1909 г.

[2]) Это в полной мере сказалось затем в революции 1917 г., когда—начиная с самого февраля—на большевиков эти круги смотрели, как на исчадие ада. (Примечание 1925 г.)

номий—все это неизбежно обусловливалось мировой конъюнктурой без всякого вмешательства правительства и началось до Столыпина.

Уже из самого характера происходящего преобразования земледелия очевидно,—и все явления текущей жизни это подтверждают,—что господствующий класс землевладельцев делится теперь на два слоя с неодинаковыми интересами: крепостники—выжиматели аренды, с одной стороны, и аграрии—организаторы собственного капиталистического производства, с другой. Сложность получающегося переплета отношений увеличивается наличностью на политической арене господствующих классов еще третьей группы: торгово-промышленной буржуазии. Все три,—друзья-враги,—должны делить один пирог, Россию,—и каждый хочет побольше.

К тому же помещики-крепостники и помещики-аграрии близки друг к другу и теперь, во-первых, традиционной опасностью крестьянских беспорядков. Во-вторых, они сообща должны защищать свои специфические землевладельческие избирательные, налоговые и иные привилегии против торгово-промышленной буржуазии. Одновременно аграрии-помещики (вместе с торгово-промышленной буржуазией), как заинтересованные в росте буржуазных отношений в стране, принуждены выступать против помещиков-крепостников, заинтересованных в сохранении добуржуазных отношений.

В свою очередь, союзник аграриев,—торгово-промышленные капиталисты,—при случае способен пытаться опереться против своего союзника на более демократическую оппозиционно настроенную мелкую буржуазию, охвостье которой в третьей Госуд. Думе счастливо каждой улыбкой «его степенства» Гучкова. Так было, например, в вопросе о земстве в западных губерниях, где блок русских землевладельцев (аграриев и феодалов вместе) хотел ограничить участие представителей капиталистического хозяйства, польских аграриев, в пользу привозных сынков русских крепостников. Это невинное желание было дружественной услугой со стороны русских аграриев крепостникам—небольшой взяткой в счет будущего в виде целого ряда хороших окладов и соответственного влияния (аналогия с ассигновками на некоторые непроизводительные расходы [1]). Буржуазно-промышленная часть

---

[1]) Армия до японской войны (1904 г.) насчитывала в мирное время 950 тыс. чел. Теперь (1910 г.) ее состав в мирное время составляет 1.450 тыс. чел. (в круглых цифрах). Теперь правительство внесло в Думу проект, чтобы ежегодно в течение 10 лет отпускалось добавочно еще почти по 150 милл. руб. на сооружение крепостей, нового флота и т. п. Надо сказать, что крупными ассигновками на непроизводительные цели, создающими много хорошо оплачиваемых должностей и немало «безгрешных доходов»,—землевладельцы капиталистического типа в известной мере вознаграждают своих собратий крепостников, не связанных вовсе с хозяйством и потому заполняющих создаваемые должности, за уменьшение их социального значения.

правящего блока парализовала ее временным соглашением с оппозиционными мелкобуржуазными группировками. Наконец, все три группы господствующих классов вместе все время с тревогой озираются на подлинные народные низы, на подавленный пока пролетариат.

Вся эта сеть перепутавшихся интересов—при продолжающемся пока безмолвии низов [1]), создает в общем довольно-таки неустойчивое равновесие даже до появления на сцену рабочего класса.

Политический раскол крупного землевладения и борьбу между обоими крыльями помещиков—феодальным (крепостническим) и аграрным (капиталистическим)—можно наблюдать теперь при каждом почти крупном акте текущей жизни. Госуд. Дума является, в общем, органом капиталистического аграрно-буржуазного блока. В Госуд. Совете зато помещики-крепостники гораздо сильнее, чем в Госуд. Думе; например, основная первая статья закона 9 ноября 1906 г. принята в Госуд. Совете большинством всего 2 голосов (отсюда желание «крайних правых», т.-е. выразителей феодальной части господствующих классов, превратить Госуд. Думу в совещательный орган при Госуд. Совете).

Но время неутомимо подкапывает почву под курскими графами Доррерами и Марковыми, живущими крепостнической арендой, и усиливает ряды Фальц-Фейнов [2]), капиталистических аграриев. Даже в буквальном смысле нынешнее дворянство,—не говоря уже о частном землевладении вообще,—не является в значительной части прямым преемником дворянства крепостного времени. Так, в типичном Старобельском уезде из всей земли, принадлежащей дворянам, 42,5% приобретено ими покупками, а не по наследству (1904 г.). Это землевладение—уже «результат не сословно-правовых отношений прошлого, а социально-экономического воздействия настоящего» (И. Попов, в IV т. «Материалы Харьк. губ.» 1908 г.).

При таких изменениях господствующего типа помещичьего землевладения неудивительно, что государственная власть, как выразительница интересов крупного землевладения вообще, в ряде существен-

---

[1]) Писано в 1910 г. Оживление рабочего движения началось вновь, как известно, с весны 1912 г.—забастовками протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г. (примечание 1925 г.).

[2]) Доррер и Марков 2-й—курские помещики, одни из главных руководителей в то время наиболее реакционного «союза русского народа». Фальц-Фейн—крупный херсонско-таврический помещик, один из более видных «октябристов», руководящей партии аграрно-буржуазного блока того времени. Статья напечатана в 1910 г. (Примечание 1925 г.)

нейших вопросов выражает порою волю именно аграриев, а не феодалов. В этом смысле между охранявшим, например, общину правительством Победоносцева 1890 г. и разрушающим общину правительством Столыпина 1910 г.—разница громадная.

Ярче всего об этом свидетельствует главный социально-экономический акт правительственной политики пореволюционного времени—закон 9 ноября 1906 г. и последующая история прохождения его через Госуд. Думу и Госуд. Совет в 1909 г.

«Принципиальная сторона этого законопроекта является осью нашей внутренней политики»,—сказал Столыпин в известной речи в Госуд. Совете—правильность этого заявления общеизвестна [1]). Ультимативный характер закона, энергичное с 1906 г. «насаждение» выделов из общины, хуторов, агрономии, мелкого кредита (даже 100 милл. руб. «не пожалели» недавно ассигновать для кредитных товариществ из средств сберегательных касс «в рассрочку»)—социальное значение этого не может подвергнуться никакому перетолкованию. Это—содействие ликвидации докапиталистических отношений в деревне. А охрана их и была как раз основной пружиной крепостнического правительства Победоносцевых.

Закон 9 ноября и с ним социальная политика нынешней власти приняты помещиками против помещиков, блоком аграриев с буржуазией против феодалов. Мысли, привыкшей исстари к обычному типу русского помещика-крепостника, и сейчас все помещики невольно кажутся одинаковыми, как кошки ночью. Но борьба половины состава Госуд. Совета против еле прошедшего там закона 9 ноября может быть сведена к «интригам против Столыпина», как это изображают либеральные фельетонисты, только если совершенно отрешиться от социального анализа.

Господство дореволюционной бюрократии было цельным и непререкаемым господством именно феодалов. Поэтому «папа» крепостников Победоносцев был ярым защитником общины, равенства крестьян в нищете потребительского хозяйства и продовольственной аренды, поэтому он в «Московском Сборнике» писал: «бойтесь просвещения» и земствам не давал открывать школ. Поэтому до XX века, до эпохи высоких цен не существовало сельской агрономической органи-

---

[1]) «Я знаю,—добавил Столыпин,—что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому нас ждут неудачи». К 1 февраля 1910 г., по заявлению Столыпина в этой же речи, окончательно перешло к подворному владению 1.368 тысяч домохозяев общинников или около шестой части всего числа их в Европ. России.

зации, фактически воспрещена была организация мелкого кредита, суживался размах переселений, неограниченно поддерживался сословный строй в деревне. Для крестьян было особое право и особый суд (земские начальники, волостной суд с розгами), запрещена была выдача крестьянами векселей, залог и продажа земли, словом—юридически прикреплялся крестьянин к продовольственному хозяйству (вспомним выкупные платежи). Граф Доррер, Марков 2-й и тому подобные противники закона 9 ноября—вот представители в наши дни этого феодального крыла помещичьего землевладения.

Другой тип помещика это—аграрий: помещик-предприниматель, организующий капиталистическое хозяйство на своей земле и заинтересованный поэтому в росте производительных сил, в создании культурных рабочих, в искоренении соперничающей крепостнической аренды, в увеличении своей мощи развитием сходного по интересам и принципиальной основе «крепкого» крупного крестьянства—этой политической опоры аграриев всей Европы. Эта именно—аграрная, а не крепостническая—часть помещиков и дала о себе знать критикой крепостнической аренды и правительственного противодействия развитию производительных сил в сел.-хоз. комитетах начала нынешнего десятилетия[1]). Ее лозунг—развитие и укрепление буржуазных отношений в деревне.

Под влиянием прежде всего мировой конъюнктуры, обусловливающей рост производительных сил и развитие капиталистических отношений в русском земледелии, этот тип все растет и крепнет. И притом не только на юге, но и в других частях страны. Роль повышения экспортных цен на пшеницу и ячмень для юга—для центра играл такой же подъем цен на рожь на внутреннем рынке. В некоторых районах помещичье хозяйство ведется даже значительно капиталоинтенсивнее, чем в капиталистических предприятиях юга. Проф. Кауфман собрал сведения о системах производства в 1.570 крупных имениях, ведущих капиталистическое хозяйство, с общей площадью в 6 миллионов десятин. Среди этих имений оказалось (в процентах) с системой полеводства (цит. по Огановскому «Закономерность аграрной эволюции», стр. 147):

---

[1]) Характерно для состава комитетов, что, протестуя против крепостнической эксплоатации крестьян, — ни один из сотен комитетов не возвысился до протестов против ужасной, непередаваемой эксплоатации капиталистической, до предложения действительных мер к защите наемных сел.-хоз. рабочих (хотя комитеты, как известно, созваны были правительством в 1902—1903 гг. в нескольких сотнях уездов).

Район	Залежн. и трехпольн.	Улучшенные
Приволжье и Заволжье	58,2%	41,8%
Малороссия	36,3%	63,7%
Юго-Запад	21,9%	78,1%
Белоруссия и Литва	7,5%	92,5%
Приозерный	3,6%	96,4%

Внутреннее и постепенное проникновение бюрократии новыми элементами помещичьего землевладения было закреплено и ускорено в 1905 г. революционным напором на старую власть. Этот напор тяжкой гирей упал на чашу весов и глубоко накренил ее в сторону буржуазного уклада. Власть осталась традиционной представительницей крупного землевладения, но более связала свою судьбу с крепнущей его частью, с хозяйствующими аграриями, а за счет осужденных мировой конъюнктурой на ослабление крепостников с их арендой—стала кое в чем уступать объективным требованиям буржуазного развития[1]). На занимаемые за границей деньги началась скупка миллионов десятин крепостнической земли для передачи покупающим ее в рассрочку «хозяйственным мужичкам», отменен ряд сословных ограничений (розги еще при начале революционного движения в конце 1904 г.), отменены с 1906 г. выкупные платежи на 90 милл. руб. в год, понижен % по долгам Крест. банку, ограничена быстрота роста госуд. бюджета, разрешена выдача векселей, покупка надельной земли и т. д. В то же время были сняты рогатки с хозяйственного развития деревни в сторону буржуазных отношений прекращением борьбы с развитием сельского капитализма (закон 9 ноября 1906 г.).

Так как в силу особенностей избирательных законов Госуд. Дума больше в руках аграриев, чем Госуд. Совет, то Дума пошла еще дальше правительства в ликвидации общины и пр., а Совет, наоборот, стремился «ломку» ограничить. Под ломкой общины для крепостников скрывалась ломка их опоры — продовольственного арендатора, с которого снималось юридическое запрещение ликвидировать свое хозяйство.

В связи с этим современная власть создает чуть ли не «батальоны» агрономов и инспекторов мелкого кредита, которые и «способствовали насаждению» к 1 окт. 1909 г. целых тысяч кредитных товариществ с 1.634.000 членов,— размах немалый. Вместо ограничения земских расходов на школы («фиксация» 1900 г.) правительство с неслыхан-

---

[1]) «Наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах»—речь Столыпина о зак. 9 ноября в Госуд. Совете. Так называемая «ставка на сильных».

ной раньше «щедростью» набавляет по 10 миллионов руб. в год на пособия земствам на новые школы, и никому иному, как Шварцу [1]) приходится защищать эту ассигновку от натиска крепостников Гос. Совета, стремившихся вычеркнуть из бюджета этот расход на школы (июнь 1910 г.).

Не следует, однако, думать, что если режим феодалов был чисто абсолютистским, то режим аграриев является действительно конституционным, осуществившим уже буржуазную свободу. Сами по себе аграрные интересы требуют лишь условной реализации тех порядков, какие соответствуют объективно вполне развитому буржуазному строю с господством буржуазии города, а не деревни. Аграрный капитализм вообще, как известно, превосходно уживается с лже-конституционализмом, который и имеется у нас налицо. Это есть исторически форма господства аграрного капитала в эпоху, когда чистый феодализм—уже не самая крупная социальная сила, а индустриальный и биржевой капитал еще не достиг достаточного социального могущества, чтобы не уступать первой скрипки аграрному капиталу,—народные же массы разбиты, подавлены, временно отстранены с авансцены политической арены и—по Пушкину—«безмолвствуют» [2]).

*
* *

За последние семь лет (1906—1913 гг.) капиталистическое хозяйство на помещичьих землях возросло в Екатеринославской губ. на 70%, в Херсонской губ. на 80%—почти удвоилось за такой ничтожный промежуток времени, хотя общая площадь помещичьего землевладения за то же время в этих губерниях уменьшилась.

И в России в целом у помещиков стало меньше земли, но роль их в общественном хозяйстве увеличилась. Если раньше крупное капиталистическое хозяйство (помещичье) производило менее восьми процентов всего сбора хлеба, то теперь на его долю приходится уже около 12%,—его значение увеличилось на половину. Происходит, следовательно, не «оскудение дворянства», как говорят народники, а укрепление экономической мощи помещи-

---

[1]) Известный своими крайне-правыми взглядами министр того времени. (Примечание 1925 г.)

[2]) До сих пор написано в 1910 г. Последующее представляет собой отрывок из статьи, написанной в 1914 г. (Примечание 1925 г.)

чьего класса. Об «оскудении» можно говорить, лишь если обращать внимание только на то, что у помещиков теперь меньше земли, чем было раньше, и не интересоваться узнать, каково значение этой земли, каково значение помещичьего хозяйства во всем народном хозяйстве, становится оно больше или меньше.

Не только бедненькие помещики не превратились в «приказчиков Дворянского банка» (как полагают иные сострадательные народники), но и заложено в нем теперь всего лишь четверть дворянской земли (12 милл. дес. на 1 янв. 1913 г.) и даже для заложенной земли процент недоимочности все понижается. На каждую тысячу рублей капитального долга по этой земле числилось недоимок к 1 янв. 1908 г. 37 руб., а к 1913 г. уже только 26 руб., то-есть сокращение на 30% за пять лет.

О необычайной до сих пор быстроте развития крупного капиталистического хозяйства говорят цифры, относящиеся ко всей России, относительно двух вещей: минерального удобрения и сложных сельскохозяйственных машин.

Привозимое большею частью из-за границы дорогое минеральное удобрение употребляется в России почти исключительно в помещичьем хозяйстве (кроме Прибалтийского края, где обычно и у крестьян). Поэтому по его распространению можно судить и о положении вещей с капиталистическим помещичьим хозяйством вообще. И оно, из года в год поднимаясь,—увосьмерилось за одиннадцать лет, дойдя в 1912 г. до 56 миллионов пудов.

В подсчет сложных сельскохозяйственных машин не входят плуги, сеялки, веялки, бороны и т. п. орудия, которые могут употребляться и в крестьянском хозяйстве. Сложными сельскохозяйственными машинами русская таможенная статистика называет только назначенные для крупного хозяйства дорогие аппараты, как паровые плуги, сложные паровые молотилки, машины для разбрасывания порошкообразного минерального удобрения и т. п. Их почти не производят в России, а привозят из-за границы. И привезено их в Россию:

в 1908 г.	на 7,4 милл. руб.
» 1912 »	» 26,6 » »

За 4 года почти учетверилось. По быстроте увеличения этих затрат можно судить и о росте и темпе оборудования крупного капиталистического хозяйства.

В настоящее время ежегодно производится в России около 4.500 милл. пуд. зерна. Из этого количества около 1.500 милл. посту-

пает на рынок—продается за границу, в города и т. д. И из этих полутора миллиардов, которые одни и существуют на рынке,—почти целая треть, около 450 милл. пуд. ежегодно, поставляется помещичьим капиталистическим хозяйством. Золотой поток, направляющийся в земледелие вследствие повысившихся цен на хлеб, в крупной мере впадает в карманы именно помещиков. Отсюда усиление внимания правительства в последние годы к торговле хлебом и к земледелию, никогда не достигавшее подобных размеров. Производство зерна на продажу стало и дворянским делом, и Госуд. банк построил и строит за последние годы на казенный счет десятки зернохранилищ (элеваторов), на сотни тысяч и миллионы пудов каждое, казна начинает ежегодно выдавать сотни миллионов рублей под залог помещичьего хлеба, чтобы легче было выжидать более выгодных цен, и т. д.

Но за всем этим хозяйственным приспособлением стоит еще нерешенным основной политический вопрос. Помещикам-крепостникам необходимо было отстаивать во что бы то ни стало самодержавие, чтобы бороться с хозяйственным развитием. Наоборот, помещикам-предпринимателям нужно существование законодательной Государственной Думы и исполнение ее решений, чтобы обеспечить необходимую им степень буржуазного хозяйственного развития. Господа Хомяков, Родзянко и другие октябристские «аграрные» помещики провели в Госуд. Думе законы о волостном земстве, всеобщем образовании и т. д., которые затем правые «феодальные» помещики в Госуд. Совете провалили. Расхождение интересов и борьба внутри помещичьего лагеря проявляется теперь в самых различных областях жизни. Неудивительно, что находятся уже дворянские собрания (не говоря о земских, где это облегчается частичной наличностью крестьян и горожан), которые теперь проваливают «правых» предводителей и начинают выбирать вместо них октябристов и даже так называемых «прогрессистов». По десяткам уездов на последних выборах (в IV Гос. Думу) по помещичьему разряду победили «прогрессисты» и «конституционные» кадеты: за изменением хозяйственной основы интересов следует и политическое их выражение.

Реакционная государственная власть, бывшая всегда выразительницей интересов земельного дворянства и опирающаяся на крепостничество помещичьего класса, начинает терять эту опору даже среди значительной части его представителей. Отсюда возникает для нее выбор: приноровиться к новым капиталистическим и конституционным интересам все увеличивающейся (аграрной) части своей дворянской

опоры, или быть покинутой даже ею, оставшись лишь со все уменьшающейся крепостнической ее частью. Результатами последнего были бы: 1) уничтожение Гос. Думы (ввиду неизбежного преобладания в ней при нынешнем законе капиталистических помещиков), 2) потеря поэтому всей буржуазией надежды на постепенное преобразование власти из крепостнической в капиталистическую (надежды, теплящиеся у нее, пока существует третьеиюньская Дума), 3) гораздо большая, следовательно, осуществимость желательного пролетариату способа разрешения вопроса о политическом строе России [1]).

---

[1]) Как известно, через несколько лет по напечатании этих строк, царское правительство действительно попробовало поосновательней придавить Гос. Думу (пред Февральской революцией 1917 г.), что отшатнуло от поддержки его в то время всю буржуазию и аграриев и этим облегчило и ускорило победу Февральской революции 1917 г. Находящиеся ныне в белой эмиграции аграрные и буржуазные деятели до сих пор со скорбью каются в тогдашней своей «непримиримости». (Примечание 1925 г.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917—1919 ГГ.

Овладевший 7 ноября н. ст. 1917 года государственной властью пролетариат застал Россию в состоянии крайнего и все нараставшего хозяйственного развала, истощения и упадка.

Заготовка продовольствия почти не производилась, несмотря на объявленную правительством Керенского в апреле 1917 г. хлебную монополию. В августе Керенский сразу удвоил цены на хлеб, но и это мало помогло. Как ни слаб был продовольственный аппарат Советской власти в первый год ее существования, как ни уменьшилась в это время территория ее господства сравнительно с дореволюционной Россией,— все же в осенние месяцы 1918 г. (август—октябрь) заготовки государством хлеба оказались больше, чем в эти же месяцы было заготовлено в 1917 г. правительством Керенского. По этому примеру можно судить, в каком продовольственном состоянии застала страну Советская власть.

В земледелии советский режим застал картину почти полного исчезновения крупного культурного хозяйства. Правительство Керенского не обратило в государственную собственность крупных капиталистических земледельческих предприятий прежних помещиков. Но устоять перед напором крестьянских масс помещики не могли и, оставляя свои земли в своей собственности, почти сплошь сдавали их в аренду крестьянам. Вместо отмирания прежних эксплоататорских форм использования земли политика Керенского приводила только к замене высокой в техническом отношении формы (путем организации капиталистического хозяйства) формою в техническом отношении означавшей возврат к примитивизму. Советская власть получила Россию в виде страны с почти безраздельно господствующим в земледелии мелким крестьянским хозяйством, с падающей интенсивностью земледелия, с разрушенной организацией общественной агрономии и т. д.

Главная масса населения Советской России занимается, как известно, земледелием. Под властью советов живет в настоящее время, к 1 мая 1920 г., около 125 милл. человек; из них почти 80 мил-

лионов приходится на коренную Советскую Россию, на основное ее ядро, то-есть на Европейскую Россию без Украины и Донской области, без Кавказа и без Минской губернии, которая оккупирована почти все время неприятелем (до 1 июля Польшей, раньше Германией). Данные настоящего очерка относятся только к этому коренному ядру, ибо только оно жило все время как единый хозяйственный организм с небольшими сравнительно колебаниями, в зависимости от временных успехов окружавших его войск Колчака, Деникина и прочих врагов (однако, ниже 70 миллионов чел. население территории под властью советов вообще не падало).

Из 80 милл. населения Советской России (в Европе без Украины, Дона и Кавказа) на армию приходится около 2 милл. (остальная часть армии на Украине, на Кавказе и в Сибири); на рабочих и членов их семей—почти 13 милл. чел. (около 16% населения); на остальных жителей городов и других населений городского типа—несколько менее 8.400 тыс. чел. (около 10½% населения, главным образом административные, торговые, врачебные, педагогические и прочие служащие с их семьями, но еще почти 3 милл. приходится на так называемую «третью категорию», не являющуюся ни рабочими ни служащими); на постоянных кустарей с их семьями — около 2 милл. [1]) и на крестьян около 55 милл. [2]). Иначе сказать, на крестьян приходится сейчас около 70% населения, то-есть не меньше и даже чуть-чуть больше, чем было на той же самой территории перед войной 1914 г.

Основными явлениями в области аграрных отношений были: 1) социальная и экономическая нивелировка земледельческого населения, 2) некоторое понижение уровня сельского хозяйства, 3) преимущественное положение деревни перед городом в распределении всего продукта национального труда, 4) создание государством собственного крупного земледельческого хозяйства и зачатки коллективного крестьянского хозяйства (колхозы). Распыленность земледелия и прежняя общественная его отдаленность от основного русла жизни пролетариата способ-

---

[1]) Под постоянными оседлыми кустарями имеются в виду жители таких деревенских поселений, которые прекратили или почти прекратили занятие земледелием и работают над изготовлением для сбыта различных промышленных изделий за свой счет, объединяясь для этого в артели по сбыту или в промысловые кооперативы (таковы, напр., кустари, изготовляющие ножи и другие мелкие металлические изделия в Нижегородской губ., и т. п.). В смысле снабжения продовольствием, мануфактурой и пр. из средств государства они приравнены к промышленному не-земледельческому населению.

[2]) Таблица населения РСФСР, утвержденная Комиссией Использования, № 2 «Бюллетеня» Наркомпрода за 1920 год.

ствовали тому, что в области сельского хозяйства творческие усилия советского режима и меньше сказались и позже появились.

Главная масса помещичьих земель сосредоточена была на Украине, по побережью Черного моря и в отошедших от России или оккупированных губерниях западной полосы (Прибалтика, Литва, Минская губ.). В остальной Европ. России конфискация помещичьей собственности не принесла крестьянам особенно крупных прирезок, тем более, что весьма значительную часть помещичьих владений составляли здесь не полевые угодья (перешедшие, как общее правило, к крестьянам), а леса (как общее правило, перешедшие в непосредственное общегосударственное распоряжение и управление). Ноябрьский переворот 1917 г. облегчил в этой полосе России крестьянское хозяйство не столько расширением площади его фактического землепользования, сколько освобождением от всевозможных крайне обременительных налогов и повинностей, не только поглощавших полностью чистый доход хозяйства, но и заставлявших крестьянина меньше оставлять себе на жизнь, чем платил обычно в то время в России частный предприниматель обыкновенному неквалифицированному рабочему.

По переписи 1916 г., в 39 нынешних губерниях Советской России (Курской, Орловской, Брянской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Казанской, Нижегородской, Уфимской, Башкирской, Оренбургской, Челябинской, Самарской, Немецко-Поволжский, Владимирский, Ивано-Вознесенский, Костромской, Ярославской, Московской, Тверской, Калужской, Гомельской, Витебской, Смоленской, Петроградской, Псковской, Олонецкой, Новгородской, Череповецкой, Вятской, Пермской, Вологодской, Северодвинской, Архангельской, Астраханской) на 39.222 тыс. десятин посева крестьянских хозяйств приходилось 2.916 десятин помещичьего посева или всего 7⅕% по сравнению с крестьянским. Между тем в остальной части Европ. России (Украина, Дон, Белоруссия) на имевшийся там крестьянский посев (около 24 милл. десятин) приходилось относительно почти втрое больше помещичьего посева, именно—около 20% или почти 4.800 тыс. десятин.

Устранение административного гнета и фактическое сосредоточение власти над землей в руках крестьянства было использовано малоимущим большинством его для отнятия излишков земли и скота у крупных крестьян и для раздела их между мелкими. Благодаря этому и попутному использованию с тою же целью бывших помещичьих полей, с одной стороны, уменьшилось количество крестьян беспосевных или почти беспосевных и, с другой стороны,—сравнительно многопосевных. Произведенная в конце лета 1919 г. сел.-хоз. перепись установила повсе-

местность этого явления сравнительно с состоянием, зарегистрированным летом 1917 г. сел.-хоз. переписью, произведенной правительством Керенского. В Костромской губ. из всех крестьянских хозяйств за этот период количество беспосевных сократилось с 11% до 7,2%, количество сеющих до 2 десятин на одно хозяйство возросло вдвое, с 31,3% до 60,2%, и количество сеющих свыше 2 десятин уменьшилось с 57,7% до 32,6% (десятина равна $1^1/_9$ *га*). В Ярославской губ. первая группа уменьшилась с 9,2% до 6%, вторая увеличилась с 42,0% до 76,2% и третья уменьшилась с 48,8 до 17,8%. В тех губерниях, где запас помещичьих полевых угодий был больше, количество беспосевных и малопосевных уменьшилось еще значительнее. Например, в Тульской губ. количество беспосевных и сеющих менее одной десятины вместе сократилось с 12,7% до 3,6%.

Крупные крестьянские хозяйства, бывшие обычно и многосемейными, чтобы спасти свой скот и т. п., стали добровольно усиленно дробиться на мелкие хозяйства, выделяя, например, из семьи взрослого женатого сына с детьми и уступая ему соответственную часть земли, строений, скота и инвентаря. Легкости таких выделов благоприятствовало предоставление крестьянам после переворота 1917 г. фактической возможности получать бесплатно лесные материалы из государственных и бывших помещичьих лесов в любом количестве, какое крестьянину требуется не для продажи на сторону, но для потребностей собственного хозяйства: для возведения новых построек и ремонта старых, для всяких поделок (сани, телеги и т. д.), для установки заборов, на топливо и т. д. Это привело, между прочим, за протекший период к очень значительному обновлению крестьянских жилищ и построек, бросающемуся в глаза при поездках по России (усиленное развитие строительства в деревне послужило одной из существенных причин чрезвычайного сокращения притока в города строительных рабочих, являющихся в России в основной массе жителями деревни).

В результате указанного стремления прежняя многочисленная патриархальная крестьянская семья, поскольку она еще существовала к эпохе революции,—исчезла почти окончательно, вследствие чего средняя численность крестьянской семьи (средний размер одного хозяйства) за 2 года уменьшилась настолько же, насколько раньше за целых 20 лет. По переписи 1897 г. средний размер крестьянской семьи 6,3 душ, по переписи 1917 г. ровно 6 душ и по переписи 1919 г. только 5,7 чел. [1]). Для сравнения можно добавить, что на одного промыш-

[1]) В 1924 г. по массовым данным налоговой статистики НКФина, охватывающим почти весь СССР, даже только 5,3 чел., т.-е. этот процесс продолжается. (Примечание 1925 г.).

ленного и транспортного рабочего, считая его самого, в среднем приходится три человека.

Добровольный раздел более крупных хозяйств и принудительное отрезывание от них излишков, на-ряду с обращением бывших помещичьих полей на наделение в первую очередь беспосевных и малопосевных,— все это повело к значительному сокращению средних размеров крестьянского хозяйства. Соответственные данные переписи 1919 г. опубликованы уже по 12 различным губерниям (Тульская, Симбирская, Вятская, Оренбургская, Олонецкая, Новгородская, Владимирская, Тверская, Иваново-Вознесенская, Ярославская, Вологодская, Северодвинская), обнимающим вместе свыше четверти, почти 30% всего крестьянского населения описываемой нами части Советской России (около 16 милл. крестьян в этих 12 губ.). На одно хозяйство в 1917 г. приходилось в этих губерниях 3,44 десятин посева, а в 1919 г. уже только 2,73 десятин или на 21% меньше. Таким образом, в результате истории последних лет Россия в экономическом отношении стала страной более мелкого крестьянства, чем когда бы то ни было раньше. Это обстоятельство расширило возможность удовлетворения своих нужд из собственного хозяйства для тех миллионов крестьян, которые получили прирезку за счет помещичьих посевов и посевов крупных крестьян. Но вместе с тем оно значительно уменьшило количество тех хозяйств, которые могут иметь крупные избытки для сбыта на городской рынок, что и послужило одной из главных объективных причин для ухудшения продовольственного снабжения промышленного населения. Исчезли не только помещичьи посевы, целиком работавшие для сбыта на рынок, но и крупно-крестьянские хозяйства предпринимательского типа, ведшиеся при помощи не только членов семьи, но и наемных рабочих. В северной и средней полосе Европейской России, составляющих нынешнюю нашу Советскую Россию, их и раньше было немного: в Московской губ. по переписи 1916 г. всего 3,0% общего количества крестьянских хозяйств, в Калужской—2,0%, в Саратовской—3,0%, в Тульской—2,0%, в Черниговской (северная часть которой входит ныне в Гомельскую)—2,9%, в Орловской—2,0%, в Костромской—2,2% и т. п. Но вместе с помещичьими хозяйствами они давали половину того хлеба, который вообще поступал из деревни на внешний рынок (в русские города или для вывоза за границу), и их исчезновение, улучшая положение главной массы сельского населения, должно было в то же время ухудшить питание населения городского и фабрично-заводского, особенно пока невозможен был привоз хлеба в Советскую Россию из отдаленных окраин, как Северный Кавказ или Сибирь, политически начавших с ней прочно связываться лишь в 1920 г.

Значительное уменьшение среднего размера крестьянского хозяйства повело к уменьшению промышленного его характера. Крестьянин сеет ржи, как и раньше, по возможности достаточно для удовлетворения потребностей своей семьи, затем следуют продукты, необходимые для удовлетворения других потребностей его хозяйства, а сокращение главным образом приходится на тот посев, продукты которого шли преимущественно для промышленности и экспорта в качестве сырья (лен, пенька, сахарная свекла, масличные семена и пр.), либо для городского населения. Такой сдвиг в распределении культур внутри крестьянского посева равносилен, разумеется, общему понижению уровня русского сельского хозяйства. Об интенсивности его можно судить по примеру одной из важнейших промышленных культур—льна. В то время как общая площадь посева в Советской России уменьшилась с 1915 г., примерно, на одну пятую,— посевы льна, составлявшие в 18 губерниях нынешней Советской России 982 тыс. десятин в 1915 г., уменьшились к 1919 г. до 536 тыс. десятин, т.-е. почти вдвое [1]). Если принять площадь посева льна в этом районе в последний мирный 1914 г. за 100, то получим затем в $^0/_0{}^0/_0$ такой убывающий по годам ряд:

1914 г.	100,0
1915 »	92,0
1916 »	84,0
1917 »	74,6
1918 »	65,5
1919 »	50,3

Радикальная борьба с этим явлением может быть основана (помимо постепенного повышения урожайности) на таком обеспечении северо-русского и средне-русского крестьянина дешевым привозным сибирским хлебом, при каком возможно было бы всю большую часть его полей отвести под непродовольственные растения [2]), а равно на таком увеличении площади культурных земель в этих районах Европейской России, которое позволило бы развернуть в должных размерах промышленное земледелие и животноводство. И то и другое связано с крупными работами по осушению и электрификации обширных болот в Великороссии и по электрификации реки Чусовой на Урале, с созданием сплошного водного пути из Сибири в Европейскую Россию, что возможно будет

---

[1]) «Измен. пос. площ. льна», изд. Центр. Тов. Льнов., 1919 г.

[2]) Аналогично этому в 1917—1919 гг. чрезвычайно сократилась в Туркестане доля посевов хлопка в пользу посевов продовольственных растений, и радикальное улучшение сможет быть обеспечено лишь созданием доступной транспортной связи с многохлебной Западной Сибирью.

лишь при привлечении западно-европейского или американского оборудования, машин и пр.

Нивелировка земледельческого хозяйства, исчезновение крупнокрестьянских и помещичьих предприятий имели еще одно последствие первейшей важности: за эти два года почти полностью исчез пролетариат сельскохозяйственный, представлявший прежде весьма значительный слой всего рабочего класса страны. К началу 1917 года в нынешней Советской России имелось почти 1.400 тысяч наемных рабочих в сельском хозяйстве [1]), не считая членов их семей. В первой русской революции 1905 г. этот слой пролетариата принимал довольно видное участие: всеобщие забастовки сельскохозяйственных рабочих перекатывались по всей стране и вызвали в свое время объявление царским правительством военного положения в ряде губерний. Все эти наемные рабочие составляли один из основных элементов «беспосевных хозяйств», регистрируемых переписями в деревнях (другими являются кустари, некоторые категории строительных рабочих и т. д.), и установленное переписью 1919 г. весьма значительное уменьшение «беспосевных» представляет собой оборотную сторону этого процесса превращения сельских батраков в мелких крестьян. Из «двух душ»,— по известному выражению всегда боровшихся в душе земледельческого рабочего,— в общем и целом пока победила та, которая звала его к устройству собственного мелкого хозяйства, а не к организации крупных государственных предприятий [2]). Остальное крестьянство не сразу раздвинуло свои ряды перед новым претендентом на землю, скот и инвентарь. Земельные органы волостных крестьянских советов и их уездные объединения (земотделы) все первое полугодие Советской власти в России всячески ставили рогатки стремлению бывших сел.-хоз. рабочих приобщиться к самостоятельному земледелию. Любопытным историческим документом в этом отношении является книга «Состав наделяемого землей населения», где Народным Комиссариатом Земледелия сделана сводка отчетов и резолюций земотделов за этот период по данным 36 различных губерний Советской России [3]). Но весной 1918 года, когда политическое господство пролетариата в городах окончательно закрепилось и установилось, были организованы по

---

[1]) Струмилин. «Состав пролетариата Советской России», 1919 г.

[2]) Небольшая часть, впрочем, попробовала организоваться в виде небольших производственных артелей и коммун. Их имеется до 9 тысяч с несколькими десятками тысяч членов и с общим пользованием до $^1/_2$ милл. десятин земли, из нее около $^1/_2$ посевной.

[3]) См. изложение в «Известиях ВЦИК» от 18 июля 1919 г., ст. «Земотделы и рабочие».

всем деревням «комитеты бедноты» исключительно из беспосевных и малосеющих крестьян, в руках которых сосредоточена была вся власть и оружие. Эти комитеты в течение нескольких месяцев провели в деревне на деле в жизнь перераспределение пользования землей, забрали от имеющих нескольких лошадей крестьян избыточное против минимальной потребности количество и передали его начинающим собственное хозяйство беспосевным и малосеющим и т. п. (нередко такие перегруппировки лошадей происходили сразу в масштабе целого уезда, напр., в Тверской губ.),—одновременно помогая также городским рабочим принудительно извлекать излишки хлеба от прежнего крупного крестьянства («кулаки»). Конституционные сельские и волостные «советы» были отодвинуты на задний план на период (свыше полугодия) деятельности «комитетов бедноты», фактически проводивших аграрную революцию в деревне. Их деятельность вызвала длинный ряд вооруженных восстаний известной части крестьян почти по всем уездам Советской России,—тех крестьян, которые приветствовали победу пролетариата, когда она провозгласила окончательное уничтожение помещичьего политического и экономического ига, но которые восстали, когда она в своем развитии привела к нивелировке хозяйств среди самого крестьянства. Однако все восстания были подавлены (в том числе и особенно серьезное движение «учредиловцев», которым удалось в конце лета 1918 г. захватить даже на короткий срок важный приволжский город Казань и некоторые смежные пункты). Восстания были подавлены, комитеты бедноты сделали свою работу и после того были упразднены, уступив вновь место восстановленным в правах сельским и волостным советам, обнимающим все население деревни.

Упразднение помещичьего хозяйства, нивелирование крестьянства и почти полное исчезновение сельскохозяйственного пролетариата не вызвали какого-либо более значительного сокращения объема русского земледелия, чем какое имеет место в странах Западной Европы, не переживших подобных перемен. Ухудшение, которое здесь замечается, сравнительно столь невелико, что оно полностью объясняется влиянием продолжавшейся непрерывно с 1914 г. войны. Наоборот, приходилось бы удивляться тому, как мало сократились основные элементы русского земледелия, если бы достаточным объяснением не был факт революции 1917—1920 гг. Революция в течение ряда лет оставляет в руках крестьянства обширные средства, обычно выкачивавшиеся из деревни царизмом, и это обстоятельство, в частности, ограничение удовлетворения потребностей города в пользу улучшения положения деревни—помогает крестьянству сравнительно легко справляться с положением.

Средний урожай озимой ржи (основной хлеб русского земледелия

занимает около 40% всей посевной площади) составлял в пятилетие 1909—1913 гг. в среднем 49 пудов с десятины (пуд=почти 17 *кг*), в пятилетие 1914—1918 гг.—46 пудов, в частности в 1918 г.—44 п. и, наконец, в 1919 г.—43 пуда.

Количество лошадей до 1917 г. вообще не уменьшилось, а между переписью 1917 г. и переписью 1919 г. уменьшилось всего на 1,6%. Количество же коров, находящихся во владении крестьянских хозяйств, между этими двумя переписями даже увеличилось на 2,9% [1]). Зато сильно убавился мелкий скот (свиньи и овцы), при чем свиньи, служившие обычно для снабжения города, перестали крестьянами держаться почти совершенно,—их количество в 12 губерниях, о которых есть данные по переписи 1919 г., уменьшилось на 91% и налицо имеется только 9%,—а количество овец, разводимых крестьянином преимущественно все же для себя, сократилось более чем на пятую часть (на 22,2%). Свиноводство в Советской России, можно сказать, исчезло, а овцы остались только для самой деревни—в городах баранье мясо более не появляется.

Если взять, наконец, основной момент—всю площадь посевов,—то мы имеем возможность сравнить три сельскохозяйственные переписи: 1916 г., 1917 г. и 1919 г. Из них первые две относятся ко времени, когда существовало еще и помещичье хозяйство, последняя—к периоду установившихся уже послереволюционных отношений. Если площадь посевов в России в 1916 г. принять за 100 (имеются в виду все решительно посевы как зерновых продовольственных и кормовых хлебов, так и картофеля, свеклы, бобовых, технических растений, табака, овощей, трав и пр.), то получим следующий ряд:

1916 г.	100,0
1917 »	92,6
1919 »	86,3

Мы видим, между прочим, что устранение помещиков не ускорило темпа запустения русских полей, созданного войной, а, наоборот, замедлило его. В 1916 г. весь посев уменьшился по сравнению с 1915 г. в среднем на 6,5% (по данным, приведенным в вып. I переписи 1916 г.). В 1917 г. посев уменьшился даже еще больше по сравнению с предшествовавшим 1916 г.—на 7,4%. А затем за два «большевистские» года вместе посев уменьшался медленнее, чем за один какой-

[1]) Но средний вес туши, как показывают заготовки Компрода, понизился почти на 50% (см. отчет тов. Розовского в № 12 «Известий Компрода» за 1919 г.) и уменьшилась молочность—то и другое вследствие недостатка особенно концентрированных кормов.

либо дореволюционный год. Конечно, необходимо не только замедлить темп сокращения, но и достичь обратного увеличения посевной площади в первую очередь хотя бы до величины, какой она достигала перед войной 1914 г., положившей начало сокращению русского земледелия. Во всяком случае, столь значительное замедление темпа сокращения, какое достигнуто при Советской власти, притом при столь тяжелых условиях, является достаточным ручательством близости и легкости обратного движения вверх [1]). Весной 1920 г. государству удалось собственными усилиями заготовить и доставить на места 85% всего количества семян, требовавшегося для нуждавшихся в них губерний, между тем как в предшествовавшем году этот процент был вдвое ниже. Повышение у крестьян хозяйственной энергии при советском строе, которое одно могло дать замедление темпа сокращения общей площади посевов, несмотря на исчезновение помещичьих хозяйств,— явилось естественным результатом преимущественного экономического положения крестьянства, сложившегося в последние годы (1917—1920 гг.).

Выше указывалось уже на зависимость уменьшения массы сельскохозяйственных продуктов, какая может поступать на внедеревенский рынок (для русского промышленного населения и для экспорта за границу), от двух причин: от устранения классового гнета царско-помещичьего государства и от уменьшения средних размеров крестьянского хозяйства вследствие социально-экономической нивелировки деревни. Первое вызвало увеличение потребления хлеба крестьянами тех губерний, где вообще имеются избытки местного производства над обычными до тех пор размерами крестьянского потребления. В таких губерниях в Советской России живет две трети крестьян и средняя норма увеличения, как показал опыт 1919 г., составляет пуд на душу в год (см. № 20 «Бюллетеня Центр. Статист. Управления» от 1 марта 1920 г.). То же относится к маслу, молоку, яйцам и т. д.

Второе (нивелировка) должно было повлечь уменьшение избытка продуктов крестьянского хозяйства на продажу. К этому присоединился в качестве непосредственного результата мировой войны третий момент—общее сокращение посевной площади с 1915 г. по 1919 г. приблизительно на пятую часть (почти целиком падающее, как мы видели, на добольшевистский период). Это не только покрывает экономию от отсутствия в настоящее время экспорта за границу (и, кстати сказать, делает его совершенно невозможным в прежних довоен-

[1]) К концу 1925 года сельское хозяйство СССР по подсчетам наших статистиков достигло уже почти 90% довоенного уровня, оправдав этот оптимизм и далеко обогнав ожидания наших плановых органов, рассчитывавших на довоенный уровень лишь к 1931 г. (Примечание 1925 г.).

ных размерах до восстановления русского народного хозяйства, в чем оказывается, таким образом, жизненно заинтересованной Западная Европа, нуждающаяся в русском хлебе,) но и делает еще более невеликим тот остаток продовольствия, какой можно извлечь из сельского хозяйства самой Советской России для ее городского и промышленного населения, для ее армии и флота. На-ряду с возросшим по сравнению с дореволюционной эпохой политическим весом крестьянства это и создало его преимущественное экономическое положение и тяжелые продовольственные затруднения для неземледельческого населения, поведшие к весьма значительному падению производительности труда в промышленности, которое лишь теперь начинает преодолеваться одновременно с начинающим улучшаться продовольственным положением.

Государственные заготовки хлеба получили в России полное развитие лишь в 1916 г., когда введена была карточная система и государство стало снабжать не только армию, но и все неземледельческое население, а в районе 15 нынешних советских губерний (Архангельской, Вологодской, Северодвинской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой, Петроградской, Владимирской, Костромской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Московской, Смоленской, Ярославской и Тверской) также отчасти и крестьянское население на ту часть года, на какую крестьянам этих губерний обычно нехватает собственного хлеба. Операционным годом по заготовкам сел.-хоз. продуктов считается в России период с 1 августа до 1 августа. Районом заготовок для царского правительства была вся территория бывшей Империи, при чем главная часть хлеба заготовлялась как раз на Украине, на Дону, на Северном Кавказе, в Сибири. На 21 губернию Европейской России с хлебными избытками, какие являются районом заготовок Советской России в нашем смысле слова (Пермский, Екатеринбургский, Уфимский, Башкирский, Оренбургский, Челябинский, Уральский, Самарский, Немецко-Поволжский, Курский, Орловский, Брянский, Тульский, Рязанский, Тамбовский, Воронежский, Саратовский, Пензенский, Симбирский, Казанский и Вятский), приходилось несколько менее 40% всех хлебных заготовок царского правительства. Из района этих нынешних 21 советской губернии вывозилось до войны в пятилетие 1909—1913 гг. в среднем ежегодно по 367 милл. пуд. хлеба в зерне или муке. С тех пор, как мы знаем, произошло постепенное сокращение посевов на одну пятую, уменьшение урожайности на несколько пудов с десятины, увеличение крестьянского потребления в этом районе в среднем на пуд на душу в год (а здесь живет около 38 милл. человек крестьянского населения) и значительное уменьшение количества крупнокрестьянских хозяйств с большими хлебными излишками для продажи. Следовательно, свободные

излишки должны быть теперь не 367 милл. пуд., а много меньше, потому советские заготовки не могут и при полном успехе достигнуть этой цифры в данном районе, да не могли достигнуть ее ни царизм ни Керенский. Сокращение посевов приходится ведь преимущественно на время заготовок царизма и Керенского, но зато увеличение крестьянского потребления и резкое уменьшение среднего размера хозяйств [1]) — целиком на советский период истории. Годовой итог заготовок (с 1 августа до 1 августа) всех зерновых хлебов, включая крупу, зерновой фураж и пр., составлял:

в 1916—1917 г.	194	милл. пуд.
» 1917—1918 »	35	» »
» 1918—1919 »	107	» »
» 1919—1920 »	180	» »

За 1920 год цифры имеются только по 1 июля, но мы предполагаем, что за июль заготовка составит приблизительно ту же небольшую сравнительно долю общей годовой заготовки, как и в кампанию 1918—1919 г., и тогда получаем годовой итог в 180 милл. пуд. (кроме заготовок в Сибири, на Украине, на Дону и на северном Кавказе, где в общем заготовлено свыше 40 милл. пуд.). Слабые заготовки 1917—1918 г. объясняются общей слабостью нового правительственного аппарата в первый год Советской власти и, в частности, тем, что это был год первого фактического завоевания деревни советской революцией в области хозяйственных отношений (см. выше о «комитетах бедноты», восстаниях и пр.). Недостаточная удача второго года Советской власти (только 107 милл. пуд., почти вдвое меньше царизма) объясняется тем, что целый ряд губерний находился в 1918—1919 г. полностью или частью в районе непосредственных военных действий, по очереди занимаясь то советскими войсками, то контр-революционными армиями

---

[1]) Следует учесть, что под названием «наделение беспосевных» в деревне происходило также наделение землей лиц, ранее в ней отсутствовавших, именно городских рабочих, вернувшихся в деревню в большом количестве весной 1918 г. всего с семьями около 2 милл. человек. Почти все это были люди, переселившиеся в города из деревни лишь за несколько лет перед тем, значительная часть только во время мировой войны (для замены в качестве чернорабочих мобилизованных городских рабочих и низших служащих). Они числились в деревне «отсутствующими хозяйствами» (юридически сохраняя за собой право вернуться и обычно в свою избу). Из таких «отсутствующих хозяйств» между переписями 1917 г. и 1919 г. вернулось обратно в деревню: в Оренбургской губ. 83%, в Рязанской—73%, в Симбирской—69%, в Иваново-Вознесенской—58%, в Ярославской—78%, в Вологодской—69% и т. д. Все это были новые едоки, которые стали потреблять в деревне часть того продовольствия, которое раньше вывозилось в города, притом больше, чем они сами съедали прежде в городах.

Деникина и Колчака. Если разбить район продовольственных заготовок на три группы: губернии, не бывшие театром военных действий; губернии, частично затронутые военными действиями; губернии с сильным развитием войны, то заготовленный в них в 1918—1919 г. хлеб составит сравнительно с их «нормально исчисленными излишками» по каждому району (расчет из № 18 «Бюллетеня Центр. Стат. Упр.» за 1919 г.):

без войны	56%
частичная война	34%
сильная война	13%

Это означает, между прочим, что в будущем предстоит дальнейшее увеличение заготовок в этом районе, ибо теперь он целиком свободен от войны, в то время как в начале операционного сезона 1919—1920 г. некоторые губернии были разорены Деникиным очень чувствительно (Орловская, Курская, Воронежская и др.). Если заготовки третьего года Советской власти оказываются почти равными заготовке царизма (180 милл. пуд. и 194 милл. пуд.), то это обозначает очень крупный успех советских заготовок сравнительно с царистскими, ибо, как показано выше, количество хлеба, свободного от крестьянского потребления для отчуждения на сторону, должно было стать за протекший период значительно меньшей средней годичной величиной, чем то было раньше.

Государственные заготовки зерновых хлебов составляют почти четыре пятых всех заготовок Великороссии без Дона у крестьянского населения, если по установленным твердым ценам сосчитать и хлеб, и масло, и мясо, и овощи, и махорку, и кожу, и пеньку, и лен, и сено и т. п. Потому по приведенным выше данным можно составить себе представление о совокупности материальных ценностей, извлекавшихся Советской властью ежегодно из крестьянского хозяйства как для общегосударственных целей, в том числе обслуживающих само крестьянское хозяйство (напр., для содержания армии, защищающей крестьян от возврата власти помещиков), так и для снабжения пролетариата и городского населения вообще (и отчасти крестьянского населения дефицитных в хлебном отношении губерний). С другой стороны, имеются данные о количестве промышленных продуктов, какое государство направило крестьянам в обмен за доставленные ими продукты сельского хозяйства [1]). Если все промышленные продукты, отправляемые Ком-

[1]) Данные за первый год Советской власти сгруппированы в изданной Наркомпродом книге т. Орлова «Продовольственная работа Советской власти», за второй год опубликован отчет Наркомпрода «Второй год борьбы с голодом», а за третий имеются данные Высшего Совета по перевозкам о количестве отправленных Компродом с указанной целью грузов до конца июня 1920 г. и разрешенных к отправке на июль.

продом (ведомством снабжения всего населения, существовавшим и при Керенском и при Советской власти), сосчитать по стоимости их по твердым ценам каждого периода (ибо уровень твердых цен несколько раз менялся), то окажется, что из всех продуктов на мануфактуру (ткани и нитки) приходится около двух третей ценности всех продуктов, которыми Советская Россия вообще снабжает население путем государственного распределения из числа продуктов горной и обрабатывающей промышленности (соль, сахар, спички, табак, керосин, стекло, посуда, мануфактура, обувь и кожевенные изделия, галоши, мыло, орудия, инструменты и металлические изделия и т. д.). Мануфактура является таким же, примерно, основным предметом государственного снабжения, как зерновой хлеб—основным предметом государственных заготовок, и их соотношения являются вообще вполне показательными.

Из всех промышленных продуктов, отправляемых Компродом, ежегодно около одной трети идет рабочему и городскому населению и около двух третей крестьянам (в первый год доля крестьян была даже несколько выше, а затем изменены были несколько нормы снабжения). Из назначенного для крестьян, в свою очередь, две трети получают крестьяне «производящих», то-есть имеющих хлебные излишки губерний, на которых приходится, таким образом, около 45% всего фактически отправленного Компродом количества промышленных продуктов.

За операционный 1917—1918 г. всего было отправлено Компродом 52 тыс. вагонов промышленных грузов, из которых около 35 тыс. крестьянам, в том числе около 24 тыс. крестьянам «производящих» губерний. Между тем крестьянство дало за это государству за тот же период только 35 тыс. вагонов хлеба, а так как заготовки хлеба по цене их, как мы знаем, составляют около $^4/_5$ всех заготовок продуктов сельского хозяйства (земледелия, животноводства, огородничества и садоводства), то выраженные в хлебе все заготовки составляют около 45 тысяч вагонов. Таким образом в первый год советского режима за каждые 4 вагона хлеба крестьянство получало 3 вагона гораздо более ценных промышленных изделий. В один вагон хлеба влезает тысяча пудов зерна, а $^3/_4$ вагона мануфактуры составляет несколько десятков тысяч аршин, смотря по роду ткани. Между тем по средним ценам мирного времени пуду ржи соответствовало в России не свыше 8 аршин самого дешевого ситца.

Общее количество промышленных грузов, отправленных Компродом за операционный 1918—1919 год, в переводе на твердые цены того времени представляет денежную сумму в 9 миллиардов рублей, из которых для крестьян «производящих» губерний пошло на 4 млрд. руб. Последняя величина, если отбросить 20% на компенсацию нехлебных

заготовок из продуктов крестьянского хозяйства, должна была хватить, по твердым ценам того времени, на заготовку 216 милл. пуд. зерна. Между тем государству удалось получить от крестьян, как мы видели, только около половины этого количества—107 милл. пуд. Значит, и во втором году Советской власти крестьянство получало больше, чем давало, хотя и не в такой уже степени, как в первом.

Часть продуктов была летом 1919 года задержана на местах и не выдана крестьянам, ввиду явного несоответствия хода заготовок с размерами снабжения крестьян промышленными продуктами. Эта часть осталась для снабжения крестьян в третьем операционном году, 1919—1920, когда в дополнение было двинуто для крестьян «производящих» губерний еще около 12 тыс. вагонов промышленных грузов. Одновременно был издан декрет о том, чтобы с 1 августа 1919 года каждая группа крестьянских поселений («волость»—в волости обычно 10—20 тыс. жителей) получала промышленные продукты только в строгой пропорциональности с количеством сельскохозяйственных продуктов, сданным всей совокупностью крестьян данной группы поселений в счет причитающейся с них по общегосударственной разверстке поставки продуктов. Эта мера [1]), представлявшая собой лишь обобщение уже проводившихся частичных мер в этом направлении, заметно помогла успеху заготовок в третьем операционном году Советской власти и несколько уменьшила диспропорцию между даваемым крестьянам и получаемым от них.

Крестьянин получает сейчас некоторых промышленных продуктов абсолютно меньше, чем получал до войны, но в обмен за получаемое

---

[1]) Эта мера намечалась сейчас же после Октябрьской революции 1917 г. в «Известиях» от 18 ноября 1917 г. Автор этих строк—один из тогдашних руководителей экономического отдела Центр. Испол. Комитета (преобразованного затем в Высший Совет Нар. Хозяйства) напечатал «программу», в которой имеется такой пункт: «7) в каждой волости синдицировать всех сельских хозяев, во-первых, для организованного сбыта продовольственных продуктов указанным им учреждениям и агентам власти; во-вторых, для организованных закупки и распределения сел.-хоз. орудий, мануфактуры и пр. с участием в правлении синдиката представителя органов государственного регулирования». Намеченный здесь «коллективный товарообмен», как одно время называли такую систему в России, был осуществлен лишь рядом мер, постепенно проводившихся в течение более двух лет (разрешение в каждой волости лишь одного кооператива, обязательное включение в состав кооператива всего населения волости, введение в правления кооперативных объединений представителя Комрода и подчинение их указаниям Комрода, снабжение государством деревни промышленными продуктами только через этот кооператив, коллективная ответственность всей волости за сдачу сельскохозяйственных продуктов государству, выражающаяся в приостановке отпуска промышленных продуктов всей волости, если она не сдает хлеба и пр. и т. д.).

им от государства количество дает государству меньше продуктов своего хозяйства, чем давал бы за это же самое количество до войны. Если взять всю сумму двинутых за три года (1917—1920) крестьянам «производящих» губерний промышленных грузов и всю сумму произведенных там государством заготовок (с переводом нехлебных в хлебные), то окажется, что в общем за все время крестьянин за каждый пуд сданного им государству хлеба получил в среднем почти вдвое большее количество мануфактуры, чем получал за него в мирное время. Между тем объективно ценность промышленных изделий в России должна была за 1914—1920 гг. повыситься значительно больше, чем ценность хлеба. Размеры промышленности сократились гораздо значительнее, чем размеры земледелия, самый промышленный труд по условиям продовольственным и прочим, по изношенности некоторых частей машинного оборудования и т. д., дает теперь меньшие результаты, да и должна была увеличиться сумма труда даже равного прежнему качества, необходимая для производства промышленных изделий, если, напр., теперь приходится везти по железным дорогам до потребителей объемистые дрова на среднее расстояние почти до тысячи верст вместо прежнего среднего жел.-дор. провоза гораздо более компактных угля и нефти на гораздо более короткие средние расстояния (не говоря уже о гораздо более значительной затрате труда на производство равного по тепловому эффекту количества топлива при заготовке дров, чем при добыче угля или нефти).

На так называемом «вольном рынке»[1]) соотношение цен между промышленными и сельскохозяйственными продуктами действительно значительно благоприятнее для промышленных продуктов, чем было до 1917 года. Советская власть пыталась приблизить соотношение между различными официальными твердыми ценами, унаследованное от досоветского времени с его другими условиями, к изменившемуся положению вещей. При первом установлении общей системы твердых цен на все продукты в 1918 г. для расчетов при снабжении государством населения и при оплате государственных заготовок было установлено в общем соотношение 3 : 1. Иначе сказать, за равное

[1]) Под «вольным» или «мешечническим» рынком (от слов „мешок", как орудия провоза хлеба негосударственной, частной, обычно спекулятивной «нелегальной» заготовки, ставшего символом сохранившихся остатков частной торговли) в России имеется в виду уклоняющаяся от государственной регламентации и по отношению к ряду продуктов фактически терпимая, хотя официально не признанная, частная купля-продажа. Терпимость по отношению к ней в крупных городах объясняется недостаточностью государственных хлебных заготовок для полного снабжения населения, а объем ее, постепенно сокращающийся по мере укрепления государственного аппарата снабжения, указан ниже.

количество промышленных продуктов следовало бы получить в три раза больше земледельческих, чем в мирное время. Действительность обратила эти расчеты, как мы видели, в свою противоположность: крестьяне расплачивались за промышленные продукты деньгами, а хлеба сдавали государству, несмотря на все меры агитации и понуждения, гораздо меньше следовавшего количества. Тогда при новом установлении общей системы твердых цен в августе 1919 г. (на операционный 1919—1920 г.) в основу было положено более выгодное для крестьян соотношение 2 : 1, но одновременно предписано строгое проведение упомянутой пропорциональности снабжения деревни назначенными для нее промышленными продуктами со степенью выполнения сдачи ею назначенных к поставке крестьянами продуктов сельского хозяйства. Для сравнения можно привести, что в сентябре 1919 г. среднее соотношение между ценами промышленных продуктов и ценами ржи на вольном рынке ряда «производящих» губерний [1]) оказалось для промышленных продуктов в шесть раз более благоприятным, чем оно было в мирное время. Стало быть, сами крестьяне на собственном «мешечническом» рынке ценят промышленные продукты относительно втрое больше, чем заставляют поставлять их себе государство, пользуясь затруднительным продовольственным положением организовавшегося в государство пролетариата.

Фактический обмен услуг и материальных ценностей между деревней и городом, между крестьянством и пролетариатом, являющийся вообще одной из основных проблем современной России, является одной из основ и политического союза между рабочими и крестьянами. Чрезвычайное облегчение жизни, принесенное многомиллионному большинству крестьянского населения Советской властью, побуждает крестьян уже почти три года признавать и вооруженной рукой поддерживать правительство, фактически являющееся правительством классовой партии пролетариата. Крупная мировая роль, какую сыграл для дела подготовки торжества социализма во всем мире русский пролетариат в последние годы фактом пребывания своего у власти, оплачена, между прочим, и более благоприятной общей совокупностью условий жизни для крестьян, чем для рабочих, в первые переходные годы русской жизни, когда творческое значение нового режима не могло еще успеть преодолеть хозяйственную разруху в обстановке продолжающейся войны. Государство делало порой попытки прямого вмешательства в

---

[1]) Пензенская, Симбирская, Казанская, Вятская, Тамбовская и др. по отчетам с мест, печатавшимся в «Бюллетене Моск. Потреб. Общества» на основании докладов его представителей, производивших для него различные продовольственные закупки в этих губерниях.

область крестьянского потребления для улучшения положения буквально голодавших иногда городских рабочих, но попытки эти не имели успеха. Самой крупной из них является попытка майским декретом 1918 г. ограничить потребление крестьянами хлеба с продовольственной целью 12 пудами зерна в год на душу (повторные постановления и предписания о наблюдении за их выполнением продолжали издаваться и далее). Это равно приблизительно 750 граммам печеного хлеба в день—норма гораздо более высокая, чем какая, например, имела место в Германии во время империалистской войны. Если бы такое ограничение было достигнуто, количество излишков хлеба в деревне для сдачи государству значительно возросло бы. Действительная картина потребления хлеба оказалась иная.

Центр. Стат. Управление РСФСР произведены обширные обследования фактического потребления хлеба различными частями населения в 1918—1919 г. в связи с учетом урожая, перевозок хлеба, фактического снабжения Компродом и т. д. («Бюллетень Центр. Стат. Упр.» от 1 марта 1920 г.). Если разделить Советскую Россию на две части: губернии с недостатком собственного хлеба для покрытия потребностей их населения и губернии «производящие», т.-е. имеющие избытки зерновых хлебов и могущие вывозить их в другие части страны, и если затем внутри каждой группы разделить население на две части: городское (включая в это понятие и тех промышленных и транспортных рабочих, которые живут вне городов) и крестьянское,— то получатся следующие результаты.

Крестьяне «производящих» губерний до войны потребляли в среднем ежегодно около 640 фунтов зерновых хлебов на душу с продовольственной целью (в русском фунте около 400 граммов). В 1918—1919 г. они потребляли в среднем почти на пуд больше, именно 676 фунт., т.-е. почти 17 пудов вместо декретированных им 12 пудов.

Крестьяне остальных губерний (здесь живет около трети крестьян) до войны потребляли в год на человека в среднем около 560 фунтов (14 пудов). В 1918—1919 г. им оставалось для продовольствия по 332 фунта на душу из собственного хозяйства, по 36 фунтов им доставил Компрод и по 72 фунта они купили на «вольном» рынке («мешечническим» путем), а всего получили по 440 фунтов, т.-е. по 11 пудов, даже несколько меньше декретированной нормы и значительно меньше привычного для них до войны мирного потребления (когда из «производящих» губерний привозили в дефицитные по указанным выше причинам гораздо больше хлеба).

Горожане «производящих» губерний (где живет около трети городского и рабочего населения) потребляли до войны 560 фунтов в год

на душу. В 1918—1919 году они получили от Компрода по 216 фунтов и купили на «вольном» рынке у спекулянтов по 196 фунт. (либо сами в качестве мешечников привезли себе это количество из деревень), а всего получили за год по 412 фунтов (почти только же, сколько крестьяне «непроизводящих» губерний,—подобно тому, как и в мирное время нормы потребления этих двух групп почти совпадали).

Горожане остальных губерний до войны потребляли также по 560 фунтов на душу в год. В 1918—1919 г. они получили от Компрода по 132 фунта и купили на «вольном» рынке у мешечников по 164 фунта, а всего имели по 296 фунтов в год или средним счетом около 320 граммов на душу в день зерна, что соответствует одному с небольшим фунту печеного хлеба.

Приведенные цифры показывают, насколько русское земледелие в процессе организации новых отношений между городом и деревней оказывалось в состоянии удовлетворить основную потребность населения в хлебе. Если сравнить общее потребление каждой группы в 1918—1919 г. с ее обычным потреблением до войны 1914 г., то «советское» потребление по отношению к довоенному составит в %%:

крестьяне «производящих» губерний	105,0
» остальных губерний	78,0
горожане «производящих» губерний	73,5
» остальных губерний	53,0

Если принять во внимание сравнительную численность разных групп, то население получило от земледелия в общем пять шестых того количества хлеба для продовольствия, какое получало обычно до войны. Изменилась только в пользу крестьян пропорция распределения его между различными группами. Взятые вместе крестьяне обеих полос Советской России получили в среднем почти 96% количества хлеба, потреблявшегося ими в мирное время, т.-е. почти все. Взятые вместе горожане обеих полос получили только 60%.

Как видно из этих цифр, государству удавалось даже из этой скромной нормы доставлять рабочим и горожанам через Компрод только около половины, т.-е., примерно, 30% их мирного потребления, несмотря на все меры для увеличения извлечения хлеба от крестьян. В таких условиях и родилась попытка создать собственное крупное государственное земледельческое хозяйство, независимое от крестьян, и использовать его как для улучшения продовольственного положения промышленного и транспортного пролетариата, так и в качестве очагов культурно-агрономического влияния на крестьянство.

Образование «советских хозяйств» в земледелии в сколько-нибудь значительных размерах началось лишь зимой 1918—1919 года. Со-

здание их облегчалось фактом существования довольно обширных недосевов: многие бывшие помещичьи имения стояли пустыми, никем неиспользуемыми, и крестьяне не могли серьезно возражать, когда Советская власть брала брошенные хозяйства, чтобы возродить их к жизни на новых началах. За 1919 г. удалось возродить таким образом из небытия около $2^1/_2$ тысяч хозяйств с общею площадью до 1.600 тыс. десятин, из них до 600 тысяч десятин посева [1]). Таким образом, «советскими хозяйствами» занято всего около $20^0/_0$ прежнего помещичьего посева нынешней Советской России, да около $7^0/_0$ пошло под частноправовые «коммуны» и «артели» бывших сельскохозяйственных рабочих и т. п., а остальные почти три четверти окончательно распылены среди мелкого крестьянства.

Из этих имений большая часть находится непосредственно в государственном управлении, именно 2.463 с 1.361 тыс. десятин всей площади, а остальные с общею площадью около 200 тыс. десятин розданы в управление отдельным крупным фабрикам и заводам или объединениям ряда фабрик одной отрасли промышленности («государственным трестам»). Как те, так и другие хозяйства одинаково ведутся путем найма рабочих и управляются агрономами или практиками-специалистами (но бывшим помещикам запрещено служить в их бывших имениях), при чем по вопросам рабочего быта существует «рабочий комитет». Передача бывших помещичьих имений в непосредственное управление заводов и их объединений была разрешена декретом 15 февраля 1919 г. с целью ускорить организацию советских хозяйств. Для снабжения организуемых хозяйств инвентарем было предоставлено в 1919 г. несколько десятков тысяч плугов и других сельскохозяйственных орудий, закуплены десятки тысяч лошадей, образован постоянный штат сельскохозяйственных рабочих (около 75 тыс. чел.), поселенных в самих хозяйствах, и т. д. Эта попытка непосредственного подчинения сельскохозяйственных предприятий городу («урбанизация земледелия») сопровождалась вместе с тем превращением «советских имений» в очаг культурного и хозяйственного воздействия города на деревню. В советских хозяйствах организованы мельницы, которые перемалывают хлеб и соседним деревням; ремонтные мастерские, которые чинят сельскохозяйственный инвентарь для населения всей округи; сосредоточен племенной скот, бесплатно используемый и для улучшения крестьянского скота; сложные сельскохозяйственные орудия, как моло-

---

[1]) В настоящее время во всем СССР государственные «советские хозяйства» занимают более 3 милл. десят. Еще не весь их посев обрабатывается, но уже достигнута безубыточность, и роль их растет. (Примечание 1925 г.)

тилки и т. п., работающие также и для крестьян соседних деревень после исполнения ими работ, необходимых для самого «совхоза»; поставлена нередко небольшая электрическая станция, снабжающая освещением не только постройки и квартиры рабочих самого хозяйства, но и крестьянские избы соседних деревень (электричество в крестьянском жилище раньше—вещь небывалая в России).

По типу своему вновь организованные «советские хозяйства» определенно разделяются на два разряда: 1) преимущественно овощные, картофельные и молочные хозяйства промышленной полосы; 2) преимущественно зерновые хозяйства более южно расположенных, преимущественно земледельческих, губерний Советской России (Орловская, Пензенская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Астраханская). Если взять хозяйства, находящиеся в непосредственном государственном управлении (т.-е. без розданных в управление отдельным фабрикам и группам фабрик), то в первой полосе находилось к 1920 г. около 1.800 «совхозов» с общей площадью в 560 тысяч десятин, при среднем размере одного хозяйства около 300 десятин, а в южной полосе 670 хозяйств с общей площадью в 800 тыс. десятин при среднем размере одного хозяйства около 1.200 десятин. Принимая во внимание размер посевов на 1920 год, средний урожай и покрытие всех потребностей самих хозяйств (в том числе на продовольствие рабочих и их семей, на прокорм скота и на обсеменение),—Наркомзем (Народный Комиссариат Земледелия) вычисляет на 1920 г. чистый остаток для предоставления фабрикам, железнодорожным рабочим и городам в два миллиона пудов зерна, не считая других продуктов.

Через год после решительного вступления на путь «урбанизации», т.-е. на путь организации инициативой города и под его руководством основного вида земледелия—посева хлебов,—был поставлен декретом 2 марта 1920 года практически в общем масштабе и вопрос о создании вокруг каждого города пояса муниципальных огородов. Постепенно они начали образовываться еще раньше,—так, Московский Совет Рабочих Депутатов уже в 1919 году со своих хозяйств собрал 820 тыс. пудов овощей и 70 тыс. пуд. сыра и других молочных продуктов. Теперь такие муниципальные пригородные молочно-огородные хозяйства должны быть организованы повсеместно с выделением для этого вокруг городов и фабричных поселений соответственного кольца земель (доставку огородных семян взяло на себя государство и действительно осуществило ее в 1920 г.).

«Советским хозяйствам» принадлежит большое будущее в воссоединенной с Россией после победы над Деникиным Донской области.

Здесь имеется несколько миллионов десятин никем незанятой, свободной, превосходной по качеству и по географической обстановке, земли (владения бывших казачьих генералов, земли бывшего «государственного коннозаводства», так называемый «запасный войсковой земельный фонд» и пр.). В 1920 г. с весны приступлено здесь к их организации, и можно думать, что в течение пары лет площадь их превзойдет все достигнутое до сих пор в остальной Советской России, взятой вместе. Вообще же развитие советских хозяйств будет итти в ближайшие годы, очевидно, не столько расширением их общей площади, сколько путем увеличения занятого посевами процента этой площади и общего улучшения в них хозяйства (интенсификация). В связи с этим начались в последнее время, между прочим, и работы по организации в советских хозяйствах также посевов специальных промышленно-технических растений (различные растения, служащие для изготовления составных частей лекарств, табак, цикорий и пр., не говоря уж о таких, как лен, пенька и т. д.).

Присоединение богатых хлебом, скотом и землей Северного Кавказа, Дона, Западной Сибири дает теперь возможность РСФСР не только гораздо прочнее чувствовать себя в продовольственном отношении (и даже подумать об организации в дальнейшем экспорта за границу, по удовлетворении полностью внутренних русских потребностей), но и представляет источник, из которого можно будет пополнить недостаток в рабочем скоте, отсутствие которого в надлежащих размерах особенно тормозит полное использование всей наличной (и подлежащей организации в казачьих областях) площади советских хозяйств [1]).

---

[1]) Напечатано 10 июля 1920 г. в книге «Очерк хозяйственной жизни Советской России», изд. Госиздата. (Примечание 1925 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эпоха низких мировых цен

1. Русское земледелие и крестьянский вопрос к началу XX века . . . 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эпоха высоких мировых цен

1. О влиянии высоких цен на сравнительную доходность хозяйств . . 79
2. Доходность хозяйства и развитие арендных отношений 88
3. Приток средств и перспективы земледелия 102
4. Устойчивость крупного, среднего и мелкого крестьянства 119
5. Эксплоатация наемного труда в земледелии 139
6. К вопросу о роли кооперации в русской деревне 150
7. Мобилизация земли и развитие хозяйства 158
8. Подъем земледелия и политический раскол среди помещиков 181

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Аграрная революция 1917—1919 гг. 194

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038821338